

***ЖИВЫЕ
ИСТОРИИ***

КАМИЛЛА НУРИТДИНОВА (ГОЧАДЗЕ): “НАС ВЫСЕЛИЛИ ИЗ ЦИНУБАНИ”

14 ноября 1944 году нас выселили из Цинубани за один день. Мы не успели ничего взять, кроме мелочи. И что было дорогое для нас мы попрятали дома. Отец сказал: “Куда нас денут, может немцы близко и из-за этого нас эвакуируют”. В это время мой старший брат Казим была на войне, он защищал нашу Родину – Грузию и СССР. В нашем селе мой отец был богатым, уважаемым человеком. Односельчане всегда с ним советовались. Когда ехали в товарном вагоне, и не знали куда их везут, сидя в кругу и разговаривая, спросили у отца: “Что с нами будет дальше?” “Да ничего, покатают и привезут обратно. У нас никакой вины нет, чтобы с нами сделали что-то плохое. Вот, посмотрите, мужчины на войне. А едем только женщины, старики и дети”. Он так успокаивал их, а в это время сам умирал. Может предчувствовал, что катание продлится десятилетиями. В этом году 14 ноября исполнится 60 лет со дня выселки. На этой дороге умерло много моих односельчан, а на войне погибло несколько двоюродных братьев. Но мой родной брат Казим остался жив. После войны он поехал искать нас в Среднюю Азию, начал с Казахстана и застрял там. В то время для нас, выселенных месхов, был комендантский час. Из одного села в другое не имели права переходить. Каждый вечер взрослые расписывались в местном отделе НКВД. Брат в Казахстане влюбился, а потом и женился на Марии, девушке из семьи Поволжских немцев.

Ее семью тоже выселили в Казахстан. Родители и одна ее сестра умерли от резкой перемены климата. А она и еще одна сестра остались живы, этих сестер удочерила казашка. Через 27 лет мы, брат и сестра, нашли друг друга. Я уже была вдова, у меня было шестеро детей – 3 мальчика и 3 девочки. Мой брат забрал в Целиноград погостить мою старшую дочь, ей было 15 лет. Там она увидела как ее тетя Мария соблюдает мусульманские обычаи, спросила как это она – христианка так строго придерживается мусульманства. Та ей ответила, что обе религии мало чем друг от друга отличаются, требуют и проповедуют одно и то же – быть справедливым, прощать, терпеть, любить ближнего, не обижать, не унижать, не воровать, не мстить, не изменять Родине, другу и любимым, любить и почитать Бога. А если ты веришь в Бога, исполняешь требования Библии и Корана, то ты – хороший человек.

По всему миру транслировали инаугурацию президента Михаила Саакашвили. Я поняла, что он верующий человек и надеюсь, что он восстановит справедливость, предоставит месхам право жить на родине, которых ее лишили в 1944 году 14 ноября.

*Белгородская область, село Шеино
№112, 1.08-15.08.2004 г.*

РОЗА ГОЧАДЗЕ: «НИКТО НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ПРЕПЯТСТВОВАТЬ ВОЗВРАЩЕНИЮ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ ЖИТЬ НА СВОЕЙ РОДИНЕ»

Я родилась 4 мая 1955 г. Меня зовут Роза Гочадзе. Родилась в Узбекистане, в Ферганской области. Город Маргелан, улица Ялтинская, 12. До сих пор не забыла этот адрес. Мой отец работал председателем райисполкома города Маргелана. А моя мама работала на шелковом комбинате. Нас было три девочки и три мальчика. Старшая была я. Позже наша семья переехала в Ташкентскую область, там у нас были родные.

Бабушки и дедушки у меня не было. Со стороны отца умерли, а дедушка с материнской стороны умер по дороге, когда наших месхов выселяли из Месхети.

Моя мама рассказывала об этом.

Мой дедушка (его звали Камал) был богатым и уважаемым человеком в селе Цинубани. (До депортации 1944 г. существовало два села Цинубани – армянское и «татарское» – как называли ее в царской переписи, там, где жили месхи-мусульмане. Выслали только месхов-мусульман – К.Б.)

Когда наших выслали, всё осталось – и коровы, и скот, и на зиму дрова приготовили... Моей маме было 9 лет, дяде 6 лет, и они остались без родителей. Мама ее (моя бабушка) умерла в Грузии еще до высылки, она похоронена в селе Цинубани. А отец умер по дороге к высылке.

У мамы остались некоторые воспоминания. Как она играла с детьми в своем селе, как ходила в грузинскую школу, и она учила нас считать: «эрти, ори, сами...», потом: «пури чаме», «цкали моитане», что осталось у нее в памяти, что в детстве помнила, – она нас этому учила. Но потом она уже училась в русской школе...

Мама помнит, как они ехали в товарном вагоне, как умер ее отец. По дороге, через некоторое время... Когда они уже ехали, мой дедушка сказал: “Мешок кукурузной муки мы взяли, а когда приедем и сумеем достать корову, будет молоко, и мы выживем. Не беспокойтесь...” Он успокаивал людей. Все в вагоне слушали его с надеждой. И дедушка вдруг взял хлеб и начал засовывать его в кيسет с табаком. А люди говорят: «Камал-ами, дядя Камал, что вы делаете?...» Он ничего не ответил и постепенно начал наклоняться. Все всполошились, стали его поддерживать, но он уже умер.

Это в начале пути было, по дороге, дней через 5-10, наверное. Мама говорила, что он просто не перенес такого стресса, – что с нами будет в будущем...

Таким образом, мама уже по дороге осталась круглой сиротой, и попала в детдом, в городе Маргелане. Там у нее спросили, кто ты такая? И девочка 9-ти лет, сказала: моего отца зовут Камал, а меня – Камила. И написали – Камалова Камила. И она в детдоме выросла, и пришла на работу. ФЗУ тогда что ли было (фабрично-заводские училища, в которых обучались подростки. Они существовали в советское время примерно до 1960-х годов. Потом их стали называть ПТУ. – К.Б.), их научили какой-то специальности и отправили работать. И мама пришла на работу к моему отцу. Мой отец в то время работал начальником цеха. Мой отец – узбек.

Моя мама – месхетинка. Моему отцу понравилась моя мама, и они потом, через некоторое время, поженились.

Мама, кстати, очень красивая была, как все грузинские женщины. А потом на свет появилась первая я.

О Родине – Грузии – я узнала, когда мама рассказывала, какие там у них на горах были террасы. На одной террасе выращивалась одна культура, скажем, капуста, на другой – морковь, вот так вот, по террасам. Когда мы поднимались по террасе вокруг, по дорожке, рассказывала она, там такая красота открывалась, росли деревья кизила... Когда она рассказывала, мы закрывали глаза, и представляли себе всё это как в сказке. Она говорила – у нас там сады были большие, яблоки хорошие... Когда нас выселяли, у нас, оказывается, одно помещение было полное одних только яблок. По рассказам мамы я и полюбила Родину.

Я училась в русской школе. Когда пошла в школу, мой отец уже работал председателем райисполкома города Маргелана. Ну, потом я выросла, вышла замуж за месхетинца. Он был родом из села Адигени Адигенского района. Был старше меня лет на десять. Понравился он мне. А потом уже полюбила. И уже совсем не могли разлучиться. И не представляла жизнь в разлуке. Он тоже помнил рассказы стариков, в ссылку приехали его дедушка и бабушка, его мать также была жива.

Тогда фамилия мужа была записана Биналиев. А вообще они были Туйгунашвили. Мы позже восстановили по архивным данным.

Мама говорила, что наша фамилия была Гочадзе, но в детдом, говорит, я попала маленькая, и сказала имя отца. И по имени отца Камалова и пошла.

Позже, когда уже стала взрослой, и когда родные нашлись, она узнала, что они были Гочадзе.

Но родня мужа всегда знала, что их фамилия Туйгунашвили. Дедушка моего мужа всегда говорил, что мы – грузины, принявшие исламскую веру. Муж сам был историком, он был директором школы, и он пополнил мои знания, кто мы. В Средней Азии, про нас говорили, что мы «кавказцы». Когда привезли наших, сказали: «О-о-о... кавказцев привезли». Никакого слова «турок» не было. Это уже потом появилось, в последние годы, в 80-х годах. А потом и странное слово: «турки-месхетинцы». Такого слова я вообще не слышала раньше.

После ферганских событий мы решили переехать на Родину. Моего мужа всегда тянуло на Родину. К счастью, в эту ферганскую трагедию мы не попали, мы жили в Ташкентской области. Мужа вызывали несколько раз в облоно, упрасивали, говорили, – не беспокойтесь, до нас не дойдут эти трагедии, живите спокойно. Он в то время строил

новую школу. Ему сказали – только вы достойны работать директором этой школы, это вы построили... Но мой муж сказал: «Нет, я поеду на Родину».

Но до Родины не так просто было доехать, и мы застряли в Азербайджане. В Девечинском районе, совхоз «Конституция». Но муж сказал, – раз досюда доехали, мы должны жить на Родине.

Мы продали дом, приехали проведать... поклониться родной земле, где он родился. Это было в 1997 году, где-то май-июнь.

У мужа дядя был – 84-летний старик по имени Рюшди. Соратник его отца. Отца моего мужа забрали в армию. 16 июня 1941 года мой муж родился, а 22 июня его отец ушел на войну защищать Родину. Кстати, он тоже был учителем. И пропал без вести. А его друг получил на войне контузию, вернулся, был комиссован и остался. Этот старик был жив. Именно с ним мы и поехали в село Адигени. Он помнил домá и сказал: я вам покажу ваш дом. Мы ходили по селу, спрашивали. Но никто не мог ответить нам. Они русского не знали, а мы – грузинский; а этот старик, что помнил, – говорил, но он так разволновался и все за сердце хватался...

Я вижу, – здание стоит старое, спрашиваю: а это что? Так этот дедушка подошел и начал буквально гладить и ласкать стены этого здания... И говорит мужу: это школа, где мы учились с твоим отцом. И прямо плачет.

Мы вошли, он показал, в каком зале они учились. Там были отдельные комнаты для учителей и для учеников, которые приезжали из дальних сёл, и учились, и жили там. И кухня была, там они питались...

Когда мы вышли, он показал: вот на этом месте стоял ваш дом. Но дома не было. Он был разрушен.

Пока мы ходили, из села позвонили в район, что какие-то люди ходят тут, что-то ищут. И когда мы уже выезжали из села, к нам подъехала машина. Вышли люди в полицейской форме. Один из них представился: я – Джемали Кемадзе, сотрудник здешнего полицейского управления, я к вашим услугам. Что вы ищете?

Я сказала, что мы ничего не ищем, просто мы – месхетинцы, которые выселены отсюда. Мой муж родился в этом селе, и мы приехали поклониться его земле. Он сказал: очень приятно. Мой муж уже спустился вниз (там был сад), чтобы обнять то дерево, которое посадил его дедушка, – ореховое это было дерево. Он обнял его, постоял так немного, потом уже поднялся. И был очень взволнован. Полицейский представился и мужу и спросил: чем я могу вам помочь? Мой муж сказал: спасибо, у нас никаких проблем нет.

А полицейский спросил: «Раз тогда вас насильно выслали отсюда, вы не хотите вернуться обратно?» Мой муж сказал: «А что, можно?» Тот сказал,

– да. Нет, сначала спросил: вы, что, свои домá, и земли хотите обратно? Мой муж сказал, – нет, если домá продаются, мы можем купить, если это возможно. Полицейский ответил: я вам помогу подобрать дом. Мы попрощались и выехали. И когда мы уже заезжали на базар в Ахалцихе смотрим, этот полицейский сопровождает нас. Чтобы кто-нибудь нас не обидел по дороге. Он махнул рукой нам и сказал: «Каргат икавит!» («Будьте здоровы!»).

Вот тогда у нас появилась надежда, что мечта может стать реальностью. Оказывается, можно без страха приехать, купить дом и жить. Потом мы узнали, что по Конституции Грузии любой иностранец имеет право купить в стране недвижимость и спокойно жить.

Мы приехали в Тбилиси, узнать, какие нужны документы, что надо делать. Тогда Служба репатриации была, начальником которой был Гурам Мамулия, и он нам помог. Дал справку какую-то, чтобы по дороге к нам не придирались. Он поехал с нами в Ахалцихе, познакомил с семьей Мамуки Хуцишвили, тот уже жил в Ахалцихе. Мы, забрали вещи...

3 октября 1997 г. переехали в город Ахалцихе. Хотели купить дом, но у нас денег не хватило... Тогда мой муж поехал в Киргизию, к родным, чтобы привезти деньги, чтобы мы смогли иметь крышу над головой.

И все это время мы жили на квартире у одного армянина, у дяди Жоры. У нас были соседи: Мануш, Седа, Эсхап, дочка ее Шушаник.

Однажды они шли куда-то зажигать свечи. Там, говорят, есть одно место паломничества, могилы семи братьев. Я точно не знаю, но, говорят, что это – святое место. Там свечи зажигают и загадывают желание.

Они позвали меня: Роза, пойдешь с нами свечи зажигать? Я сказала – пойду. Но у меня нет свеч. Они сказали: а у нас есть, мы тебе дадим. Я сказала: если я сама не куплю свечи за свои деньги, мое желание не сбудется. А они посмеялись и говорят: сбудется, сбудется... Мы тебе от чистого сердца даём. Но я все-таки забежала домой, взяла мелочь, 20 тетри выполнила, отдала, сказала: раз делать, так до конца честно делать.

Я хотела, чтобы у меня была крыша над головой на Родине. И в это время, я когда сделала всю процедуру, смотрю, моя соседка Манушак тоже поклонилась и говорит: «Братья, говорит, помогите Розе, чтобы она купила дом, и ее желание сбылось».

Меня это очень тронуло, скорее, даже удивило. В СМИ говорили, что нет возможности туда месхетинцев заселять, потому что армяне против них, туда-сюда... Но я увидела, что не только против, наоборот, они – доброжелательны, помогают, за меня молятся, чтобы я смогла купить дом...

Потом, месяц даже не прошел, мне подвернулась хорошая работа. Мы начали усиленно работать. Через некоторое время мы купили собственный дом и переехали туда.

Но до этого нам пришлось поменять квартиру. Дядя Жора должен был дом продать, и мы переехали на другую улицу – Месхетская, №37. Там у нас хозяин дома был дядя Володя. Однажды он пришел и сказал: «Знаете, Фридон, вас приглашает в гости один человек. Он хочет с вами повидаться».

Мы выкроили время и дядя Володя повел нас.

Мы увидели старого больного человека, парализованного инвалида. Он сидел. Когда Володя сказал, что привел месхов, он с трудом встал – этот больной человек, и, плача, обнял моего мужа. Я не знала, что и думать. Откуда он знает моего мужа? Или его родителей он знал? Обнимает, а сам говорит: «Слава Богу, настал тот день, что я не умер, и увидел, как месхи вернулись». Тогда я спросила: «Вы откуда нас знаете? Мы разве знакомы?» Он сказал: «Нет, я просто месхов знаю. Когда эти люди здесь были, здесь «барака» («изобилие», «плодородие» – К.Б.) было, здесь всё было, говорит, – люди хорошие, говорит, были. Когда привозили на базар продавать, сначала гостинец привозили, – говорит, а когда еще оставалось, говорит, это тоже бесплатно приносили, оставляли, говорили – ешьте на здоровье. Ваши люди, говорит, очень гостеприимными были, и трудолюбивыми, и щедрыми». Этого человека звали дядя Нежди. Он был часовщиком. Недавно он умер.

Меня это очень взволновало. По телевизору в те дни показывали провокационные фильмы, настраивали людей против нас, и я думала: по телевизору одно говорят, люди – другое.

Как я уже сказала, не прошло и трех месяцев после того, как мы зажигали свечки, как мы купили собственный дом на улице Мебагишвили, №2. Там нашими соседями были: семья Дурглишвили, Резо и Марина. У них двое детей. Очень хорошие соседи. После них – тетя Ася (армянка), дальше – Георгий и Сонико. Тетя Сонико по фамилии Тамаришвили. А напротив – Жужуна Капанадзе, Изо и Жанна живут, и Като деида.

Жанна – армянка, а Жужуна, Изо, Като-деида – грузинки. То есть, мы жили в окружении и грузин, и армян, но наиболее близкими были Марина и Резо Дурглишвили.

Надо сказать, что когда мы переехали в наш собственный дом, мой муж перенес инсульт. Он так переживал, что переехал на Родину, так разволновался... А в один день и мне стало плохо. Я открыла, успела крикнуть Марине, что мне плохо. И тут же упала и потеряла сознание.

Резо и Марина прибежали, за ними другие соседи. Меня перенесли, уложили на кровать. В это

время Сонико деида сказала: «Жужуна, ты же медсестра, какие нужны лекарства, скажи. Если у них нет, я принесу. Надо помочь. Это очень хорошие соседи».

Когда я открыла глаза, то увидела, как мой муж сидит и плачет, а Резо обнял его и говорит: «Не бойся, Фридон, мы с тобой. Не дадим Розе умереть».

Я очень рада, что живу среди таких благородных людей. Утро у нас начинается с совместного кофепития. То у одной соберемся кофе пить, то у другой, то у меня. Вот такая у нас семья.

Итак, мы с мужем жили в Ахалцихе, и работали, наши дети учились в Тбилиси. Вот так вот у нас пошла жизнь.

Мы подали заявление в Службу репатриации на получение гражданства и через 3 года получили гражданство. И вот живем на Родине полноценными гражданами Грузии.

Хотя вначале столкнулись в Ахалцихе и с трудностями.

Первые были – безработица и незнание языка. Это пугало немножко. Но ничего. Через некоторое время я научилась и читать, и писать. И потихоньку начала разговаривать. Не только на грузинском, а даже на армянском. Параллельно. «Цветанем» – это «генацвале», «аристех» – «иди сюда», «нести» – «садись».

И соседи были хорошие. Например, Макар, его жена Седа. Эсхап, ее дочка Шушаник. Наверху жила калбатони Гугули, она грузинка была. У нее дочери – Кетино и Лела.

Они тоже очень хорошо восприняли нас. Там была одна очень интеллигентная женщина – Эльза, напротив нас жила, тоже очень доброжелательная. Когда мы приехали, вначале кто-то, оказывается, ходил с какими-то списками, чтобы наши соседи подписались, что, дескать, мы не хотим, чтобы они сюда приехали. И тогда калбатони Эльза сказала: «Слушайте, каждый человек имеет право жить там, где захочет. Вы не имеете права собирать такие подписи. Я против этого». И отказалась подписываться. Я преклоняюсь перед такими людьми, которые за справедливость и честность.

Но бывали и другие случаи. Однажды муж пошел на почту, в Ахалцихе базар и почта – рядом. Я стояла и ждала мужа. И одна армянка спросила меня: «Доченька, вы смогли купить дом?» Я сказала: «Пока нет, у нас денег не хватает, сейчас на квартире живем. Конечно, трудно, свой дом был бы лучше». В это время подошел один парень (из тех, что меняют доллары) и спрашивает: «Вы откуда?» Я сказала – из Ташкента. «А-а-а, так вы – турки-месхетинцы? Кто вам разрешил сюда приехать?» Я сказала: «А что, у тебя спрашивать?» Он сказал: «Не спросите – купите, мы вам домá сождем». Я сказала: «Да кто ты такой, чтобы мои домá жечь?» Он говорит: «Мы

еще не забыли, как ваши предки жгли дома наших предков и женщин насиловали». Я сказала: «Это не твоих предков насиловали и жгли, а наших предков. И дома жгли, и заставляли принимать исламскую веру». Я сказала: «Иди, почитай хорошенько историю, потом приходи, поговорим». Он сказал: «Я читал историю, я очень умный...» Я сказал: «Иди, умный себя не хвалит...» И отвернулась.

Этот, из полиции. Как-то он пришел в столовую, где мы работали, увидел нас, и спросил: «Что вы здесь делаете?» Я сказала: «Мы здесь работаем». «Ну, – спрашивает, – как у вас дела? Никто вас не беспокоит, не обижает?» Я рассказала про этот инцидент около базара. Он сказал: «Завтра я, заберу вас на базар, и вы мне покажете, кто вам это сказал». И добавил: «Никто не имеет права угрожать вам».

Я сказала: «Нет, мы сюда приехали жить, а не продавать людей и враждовать с ними. Я ему посоветовала хорошенько почитать историю, и он, наверное, послушается моего совета, и ему самому будет стыдно». Этот полицейский поехал, оказывается собрал там этих валютчиков и сказал: вот вы женщину обидели, я хотел, чтобы она показала, кто из вас. Она отказалась. Сказала, что мы этот народ хорошим считаем, приехали с ними жить, а не враждовать. Пусть ему самому будет стыдно.

После этого, когда мы заходили на базар, этот человек издали завидев меня, исчезал. Почти год так он прятался. Ему стыдно было мне в лицо смотреть. Но однажды он не заметил меня, и мы оказались лицом к лицу. Он посмотрел мне в лицо, улыбнулся, опустил глаза и отошел. Дал дорогу. И после этого перестал прятаться.

После того, как стали равноправными гражданами Грузии, мы решили восстановить нашу родную, историческую фамилию. Фамилия моего мужа, его предков была Туйгунашвили. Сами они тоже знали, но когда отсюда выселили, его мать была неграмотная. В Узбекистане у нее спросили фамилию сыновей, она сказала: «Моего мужа звали Бинали». Ну, они и написали: Биналиевы.

Свекор и свекровь моей свекрови были живы. Они знали свою грузинскую фамилию. И еще в архиве уточнили. Мой младший сын приехал и по архивным данным привез документы. Вначале он взял сведения у вас (*Тифлисская казенная Палата. Фонд 254, опись 3. Посемейные списки Ахалцихского уезда Тифлиской губернии, 1886 г. – К.Б.*). Он привез – мы еще жили в Азербайджане и сказал: «Вот наша историческая фамилия». Муж сказал: «Да, верно». И вот, когда мы стали гражданами Грузии, мы восстановили эту историческую фамилию. Я тоже мамину фамилию взяла, потому что должна же остаться на земле фамилия Гочадзе...

Я слышала, что азербайджанский историк, некий Ариф Юнусов, утверждает, что мы – кипчаки,

оказывается. И здесь, в Грузии, оказывается, нас как будто заставляют принимать грузинские фамилии.

Во-первых, если в архиве нет твоих грузинских корней, с воздуха же не возьмешь фамилию. Во-вторых, почему Ариф Юнусов должен решать, кто я такая? Когда я сама знаю, кто я такая.

К сожалению, мой муж недолго прожил на Родине. Он умер в 2001 году. Ему оставалось 4 дня до 60-летия. Но умер со спокойным сердцем, что он уже на Родине, что его потомки будут спокойно жить на родной земле. Их не побеспокоят ни нагайки краснодарских казаков, ни какой-то Ариф Юнусов не будет заставлять нас быть кипчаками, и ни какой-то пьяный из глубины России не скажет: «Откуда понаехали эти черномазые?..» Я думаю, он ушел, со спокойной душой...

Для меня это было очень большое горе. Спасибо моим соседям, моим родным, они очень меня поддержали в трудную минуту. Мужа мы похоронили в Адигенском районе, в селе Горзе.

Он лежит в родной земле. Моя свекровь тоже там похоронена..

Теперь я хочу сказать о другом. Очень много говорят и политики, и СМИ, что нельзя пускать сюда месхов (несмотря на то, что мы носим грузинские фамилии, все равно они называют нас «турками-месхетинцами»).

Я на это скажу так: если есть турки-гурийцы, есть турки-сваны, есть турки-мегрелы, значит, и турки-месхетинцы есть. Не знаю, почему нашим политикам нужно утверждать это слово – «турки-месхетинцы». Этим словом они признают как будто месхетинская земля – турецкая земля. Мы – месхи, мы – неотделимая часть грузинской нации.

А теперь я хочу рассказать о наших тренингах. Почти год, как они длятся. Этот проект назывался «Армяно-месхетинский диалог за стабильность в Грузии». И во время этих тренингов приехали из Месхети армяне и месхетинцы с разных регионов Грузии – наши месхи. А армяне – именно из Самцхе-Джавახети, которые как будто против нас.

Мы познакомились. Я живу в городе Ахалцихе, но до этого не была знакома с ними так близко. Прошли наши базовые тренинги, продвинутые и последний был тренинг для тех, кто хочет стать тренером. Наши тренеры подготовили, можно сказать, 12 новых тренеров. Это половина армян, половина нас, месхов. И в этом тренинге мы так подружились, так породнились, даже расставаться нам было тяжело.

На этих тренингах нас учили улаживанию конфликтов, этот метод так и называется «Альтернатива насилию». Мы просто общались, каждый рассказывал свою историю, что-то сокровенное. В детстве у меня один случай был, я раньше никому его не рассказывала, – ни мужу, ни детям. У меня это было на сердце. Такая доверительная атмосфера была, что я

раскрылась и рассказала это там... И они тоже рассказывали нам свое сокровенное. И мы друг другу помогали. У кого-то были какие-то проблемы, мы и советовали друг другу, как решить этот вопрос.

Если это были даже просто упражнения, всё мы делали вместе. Ели, пили, жили в одной гостинице. Вот, как программа есть по российскому каналу, выпускают «звезд», вот примерно так и было: из тех они «лепили» «звезд», а наши тренеры – будущих тренеров, чтобы мы тоже могли распространять методы ненасилия.

Я от всей души хочу поблагодарить нашу организацию – Союз Грузинских Репатриантов и Самцхе-Джавахетскую организацию «Ахалцихе – наш общий дом», которые провели эти тренинги при поддержке Совета Европы. Это Марат Бараташвили и Роберт Мурадян. И наши тренеры – Марат Бараташвили, Клара Бараташвили, наш тренер-психолог Манана Канделаки. Это очень-очень хорошие люди. Это было полезное дело.

На прощальном банкете армяне сказали: «Мы не знали, куда едем, что с нами будет, но мы, оказывается, приехали в рай» (*смеется*). Они сказали, что политики нам говорили, что «турки-месхетинцы» – такие-сякие (всегда акцент делался на слове «турки»), но мы видим – они наши, месхи, коренные жители. И они тоже люди, и тоже имеют право жить у себя на родине, жить, где хотят.

Я очень благодарна всем. И этим армянам, которые проходили с нами тренинги. Нашу боль они приняли как свою. А слезы наши они приняли как свои слезы, когда мы рассказывали о тоске по Родине, у них из глаз текли слезы.

Каждый говорил: никто не имеет права запретить вам вернуться на Родину. Приходите, у нас живите!..

Даже был такой случай. Мы разделились на малые группы, и было упражнение на взаимопомощь группы в решении проблемы. И один парень, месх из нашей группы сказал, что у него есть мечта, которую не смог осуществить его отец, т.к он умер. Я хочу эту мечту осуществить, сказал он, и купить на родине дом (*мечтает*), чего не смог сделать отец. Но у меня нет денег (он еще студент). И тогда (у нас было по 2 армянина и по 2 месха в каждой группе), эти армяне сказали: давайте, соберем деньги (кто сколько может) и поможем ему купить дом и осуществить его мечту. По-моему, даже только ради этого стоило проводить эти тренинги.

Я рада, что приехала в Месхети, на Родину, встретила с такими людьми на тренингах и увидела эту доброжелательность, любовь... Кем бы он ни был – армянин ли, грузин ли... курд ли... американец, англичанин, хоть кто: человек должен быть человеком.

Когда наш тренинг закончился, наши тренеры

приготовили нам сюрприз. Это была маленькая книжка с нашими фотографиями и стихотворными пожеланиями я хочу процитировать последние строки:

В нашем уголке – Месхети/ Все живут: и те, и эти,/ «швили», «ов» он, «дзе» иль «ян»./ Мы всем скажем только: «джан!»/ И вот так, за рядом ряд/ Пусть растет он, наш отряд./ Дружбой, силой и умом/ Укрепим наш общий дом.

Я хочу добавить, что у нас, в Ахалцихе появилось уже несколько семей, наших, месхетинских семей. И все дети учатся в грузинской школе, изучают грузинский язык. Даже пишут стихи на грузинском языке. Стихи о Родине

Как-то я встретила одну женщину. Армянка она была. Она в детстве жила в Аспиндзском районе, где жили наши месхи. Она рассказывала, что в детстве играла с нашими месхетинскими детьми. Во время рамазана (поста), с утра до вечера взрослые ничего не едят, только вечером, после захода солнца готовится еда. Когда мы играли у них во дворе, говорит, старики говорили: «Сначала детям дайте». И, говорит, угощали они нас. Голодные, с утра до вечера ничего не ели, и еще говорили: «Нет, нам не накрывайте стол. Сначала детей накормите, этих соседских, армянских, своих а потом уж нам».

И говорит: я знаю ваших людей, я выросла с ними, они были очень хорошие, такие доброжелательные, щедрые. Я сказала: раз так, давайте на память ваш рассказ запишем на магнитофон. Она испугалась и убежала. Не знаю. Но какие-то силы существуют, которые мешают нашему возвращению. Вот эти вот провокационные передачи по телевизору.. Но люди, простые люди, приходят и рассказывают, что наши предки жили с вашими хорошо.

Мы тоже, когда в высылке жили, не слышали, никогда не слышали. Мама была маленькая, но у нее родственники были, они рассказывали, что хорошо жили, даже крестными друг другу были. Моя свекровь говорила, что у моего отца был друг в Адигенском районе Григорян, начальник заставы. Он приходил, говорит, мы барана зарежем, угощаем, мой отец, говорит, когда к ним ходил, угощали... Не знаю, откуда появляются эти провокационные передачи, кто заинтересован в том, чтобы месхи не вернулись на Родину, я не знаю...

Но я думаю, никто не имеет права препятствовать возвращению человека, который хочет жить на своей родине.

9 апреля 2004 г.

Аудиозапись расшифровала
и материал подготовила
Клара БАРАТАШВИЛИ

ХАДИДЖА ОМАРОВА: “ВСЕ МЫ РАССЫПАНЫ, КАК ОСКОЛКИ...”

Меня зовут Хадиджа Омарова. Я живу в городе Мингечевир Азербайджанской Республики.

Я родилась в селе Боладжури Адигенского района Грузинской ССР в 1938 году. Маму мою звали Фярях (это слово переводится, как “гордость” – К.Б.). Отца звали Тейфур. Его братья – мои дядя – Гафур, Сейфур. Еще у нас была “бёюк ана” (“старшая мать” – К.Б.), она была женой дяди моего отца. Хотя ее вообще-то звали Гюльфян-нэнэ (“нэнэ” – “бабушка” – К.Б.). Дядину жену звали Памбух. Они все умерли в ссылке.

Моих братьев звали: Гюлали, Ализар, Махмуд и Бинали.

Мою бабушку по матери звали Алтун-нэнэ (“алтун” по-турецки “золото” – К.Б.). Она жила в селе Тутасджвари Адигенского района Грузии (мать была родом оттуда). Мы часто ездили туда гостить. Пару дней, как вернулись оттуда с гостей, как нас выслали.

Дедушку по материнской линии я совсем не знала, к моему рождению он уже умер. Я, хоть и маленькая была, помню, как рядом с домом моего дяди в Тутасджвари бил родник, мы пили оттуда воду.

Клара Бараташвили. Вы, вообще, как жили – бедно или богато?

Х. О. Довольно состоятельно. Покойная мать говорила, что у нас было 60 голов овец, козы были и 4 коровы. Была также одна буйволица, правда, мы лишились ее, когда она свалилась с горы, но осталась ее детеныш – маленький буйволенок. Нас никак нельзя было назвать бедняками. Всего у нас было вдоволь, были у нас и свои сады. Чего там только не росло... Сливы, яблоки, груши, всё-всё...

И в одночасье нас всего лишили, загнали в вагоны... (горестно молчит)

К. Б. Вы помните, какой дом был у вас в Грузии?

Х. О. Дом у нас был двухэтажный, с балконами. Я не все помню. Помню только то, что наш дом был возле мечети, и между нашим домом и мечетью тоже был родник. Кстати, у нас было и несколько летних домов.

К. Б. И что вы там хранили?

Х. О. В этих домах летом мы сами жили. Они не утепленные были и очень прохладные. Но были также и амбары и складские помещения – те стояли поодаль. Вся наша скотина там осталась, ревмя ре-вела, когда нас выслали. До сих пор помню.

К. Б. А сколько детей вас было?

Х. О. Четыре брата и я, одна сестра, самая

младшая.

К. Б. А отец?

Х. О. Отец тоже был, но он часто навещался к своему брату в Турцию.

К. Б. Когда вас выслали, он с вами был?

Х. О. Нет, он нашел нас только через 15 лет.

К. Б. Как же ему удалось?

Х. О. Честно говоря, не знаю. Пока шла война, он в Турции оставался. А потом его поймали и передали советам. И дали 10 лет. Даже не знаю, где он сидел... Весть о нем дошла до нас аж через 15 лет. Я уже замужем была, правда, детей еще у меня не было. И вдруг сообщают, что отец нашелся. Мы его вообще погибшим считали. А я, как отца, почитала старшего брата.

В Боладжуре я еще маленькая была, особо подруг у меня не было. Но братья мои до 2-го класса проучились в сельской школе. На азербайджанском языке была школа. (В 1930-х годах большевики объявили мусульманское население Самцхе-Джаваheti “азербайджанцами”. Регион вообще был превращен в культурную автономию Азербайджана – учителя, партийные кадры, учебники поставлялись

непосредственно из Баку. В Адигени (да и во всех районах) выходила газета "Адиген колхозчусу" ("Колхозник Адигени") на азербайджанском языке, а в самом Ахалцихе даже был театр на азербайджанском языке.

Искоренение грузинского языка среди мусульман было идеологической задачей советской власти. В паспорте моего отца было записано: Л. Бараташвили – "азербайджанец"! Теперь же мекхетинцев упрекают в незнании грузинского языка... – К.Б.). И, между прочим, им преподавала твоя тетя Нафия (Н. Бараташвили – сестра Л. Бараташвили – К.Б.)

Но в ссылке, – какая там школа, с голоду люди умирали. Прибыли в Булунгур, а там все босые, раздетые, до учебы ли?

К. Б. Давайте, поговорим о самой ссылке. Что вы помните?

Х. О. Мне было 6 лет, когда нас выслали.

Утром, помню, встали, мама мчади пекла. Вижу, вместе с одним солдатом зашел к нам сын нашего соседа Иордана – Ваню. Все его Ванюшкой звали. Он сказал: "Абла ("сестра" – К.Б.), вас выдворяют..." Мама заплакала. Дома были братья и я. Они еще спали, – так рано это было. Я так испугалась, что залезла под "сякю" (невысокая широкая тахта, занимающая большую часть комнаты, на которой сидят, едят и спят. "Сякю" до сих пор сохранились в мекхетинском быту. – К.Б.). Мама разбудила старшего брата (ему было 16 лет) и послала его к дяде. "Скажи ему, что нас высылают. Спроси, что нам делать?" Она думала, что нас высылают из-за отца, который ушел в Турцию.

Брат сбегал к дяде. А тот сказал: "Всех высылают. Срочно собирайте все, что у вас есть". Гумно уже было полно солдатами. Нас вывели, а все домашние животные так отчаянно ревели, будто чувствовали что-то недоброе.

К. Б. Это было днем или ночью?

Х. О. Было уже утро, когда людей выгнали на улицу. "Выходите!.." – кричат. И назад, в дом, войти было уже невозможно. Солдаты стояли с ружьями, чтобы мы не могли войти к себе домой. Вывели нас на это гумно. И больше не выпускали никуда, не то, что к себе домой.

К. Б. Вы что-нибудь успели собрать?

Х. О. Ну, взяли три пары постели... Мама велела братьям скатать их и связать узлом. Потом – четыре мешка пшеницы. Муки у нас не было, она была еще на мельнице, вскорости мы должны были ее забрать. Так наш сосед Иордан-эми ("эми" – "дядя" – К.Б.) сказал: "Я принес вам муку, возьмете с собой, ведь у вас дети малые..." И сам же отнес мешки и погрузил в машину.

К. Б. Что за машина была?

Х. О. Ну, эти машины – "судабекер" что ли... (американские грузовики "студебекеры", получен-

ные СССР от США по ленд-лизу – К.Б.) Они были такие огромные (я не доставала до верха колеса), но не крытые. Похожие на самосвалы. И столько их было... Вот в них нас и погрузили. А потом – и в вагоны.

К. Б. Разве в вашем селе была железная дорога?

Х. О. Нет. Нас довели до села Клде, там выгрузили и загнали в товарные вагоны, которые стояли уже наготове.

К. Б. Что же вы смогли взять с собой?

Х. О. Я же сказала... У нас было три пары постели, четыре мешка пшеницы. А четыре мешка муки и один деревянный сундук принесли наши соседи – Иордан-эми и Софо-абла. Сундук был заполнен пастилой, сухофруктами, даже "ачму" положили (раскатанное высушенное тесто – К.Б.)... У нас во дворе собрались все наши соседи-грузины и помогли нам собираться. "Вряд ли вы вернетесь..." – говорили они нам.

К. Б. Не радовались, что вас выселяют?

Х. О. Нет, наоборот, даже плакали, прощаясь, обнимали.

К. Б. Вам, шестилетней девочке не было страшно?

Х. О. Конечно, было!.. Я намертво вцепилась в мамин подол. Но она меня подбадривала: не бойся, деточка, всё будет хорошо.

К. Б. Сколько семей было в вагоне?

Х. О. Весь вагон был битком забит, каждая семья теснилась в одном уголке.

24 дня мы были в пути. Ни искупаться, ни нормально поспать, ни поесть. Иногда давали жидкий суп, приносили в котелках. Иногда вообще ничего не давали. Наша соседка Софо-абла, как я уже сказала, испекла эту "ачму", сварила яиц. Даже успела зажарить нам в дорогу целого барана. Так, на этом сухом хлебе и их продуктах мы и продержались.

Ехали долго, и вышли только в Булунгуре Самаркандской области, там, где красный дом стоит (складское помещение на территории ж/д вокзала станции Красногвардейской Булунгурского района. Оно стоит там до сих пор. – К.Б.).

К. Б. Что вам больше всего запомнилось в пути?

Х. О. С нами, как я говорила, была наша "бёюк ана" – Гюльфан-нэнэ (жена дяди моего отца). В дороге она умерла, в товарном вагоне. И всю дорогу мы прятали ее. Складывали на нее постель. Иначе солдаты забирали покойников, и выбрасывали их либо на насыпь, либо в воду – куда придется. Но никто так и не понял. Из солдат, я имею в виду. Мы ее прятали. Когда приходили обыскивать вагон, мы, дети, рядком сидели на постелях и со страхом главели на этих жутких солдат.

Джианша Омаров (старший сын Хадиджи Омаровой). Представляете? Женщина умирает в

вагоне, и они 20 дней прячут тело. Заворачивали в ковер в трубочку, и дети сидели на этом рулоне, чтобы солдаты ничего не увидели.

Х. О. Когда мы доехали, мой дядя похоронил эту бабушку в колхозе имени 8 Марта, как полагаются. Так всё сделал, что никто из властей ничего не узнал об этом.

Гюльфан-нэнэ была женой нашего старшего дяди, – здоровая, красивая, крупная женщина. Все мы ее уважали, и не могли допустить, чтобы ее просто вышвырнули из вагона, как это делали со всеми умершими в дороге...

К. Б. Это чрезвычайно редкий случай!..

Х. О. Как я уже сказала, мы попали в Булунгур, оттуда нас забрали в колхоз имени 8 Марта. Там прожили один год. Там же умер мой дядя по отцу, да и вообще, сколько наших там поумирало...

В этом колхозе дали нам четырех баранов. И еще рис. Больше мы от Советов ничего не получали. Старший брат Гюлали продал этих баранов и перевез нас в Булунгур. Ну, перебивались кое-как. То дрова продавали, то еще что-то. Свеклу собирали по полям, мать варила и кормила нас ею. Что мы надевали на ноги? Это сейчас носят обувь. А тогда брат делал из обрывков брезента что-то наподобие лаптей, это мы и носили... Выросли. С такими трудностями, еле-еле...

Потом посадили пшеницу, немножко принялись за работу, кое-как встали на ноги.

Старший брат Гюлали взял наше хозяйство в свои руки, начал работать. В те годы люди отруби и опилки кушали – это были 50-е годы. Гюлали продавал дрова, покупал черный хлеб, мы им питались. Он изо всех сил старался не оставлять нас голодными.

Мама немножко работала в колхозе, а потом братья не пустили ее работать. Гюлали работал в колхозе, пахал на быках. Другой брат, Ализар, был звеньевым в колхозе, остальные – Махмуд и Бинали – работали возчиками: возили людей на арбах.

К. Б. Как вас нашел ваш отец Тейфур?

Х. О. Он, оказывается, приехал в Боладжур. И там ему семья Иордана сказала, что нас выслали в Ташкент. Так он, наконец, нашел нас. Прожил с нами 10 лет и умер в Сыр-Дарье.

К. Б. Расскажите подробнее об отце, матери...

Д. О. (старший сын Х. Омаровой) Дед часто навещал брата в Турции (южная часть Месхети оставалась в Турции – К. Б.), переходил реку, оставался у него в гостях пару месяцев, потом возвращался. Он там узнал о ссылке, и решил остаться до конца войны. Когда война закончилась, вернулся. Приехал, – наших уже нет. Тут-то его и поймали. И дали 10 лет (наверняка, как "агенту Турции"!)). Война закончилась в 1945-м, он 10 лет отсидел (считай, ни за что!..), и только в 1955-м приехал, нашел своих.

А вот бабушка наша (по матери) красавицей была. И, что самое интересное, – всегда носила при себе маузер.

К. Б. Маузер?!

Д. О. Представляете? Женщина и маузер? Хотя, что такое кавказский дом без оружия? У деда дома, в Грузии, говорят, и стоящие кинжалы были...

К. Б. Так для чего она его носила?

Х. О. Чтобы к ней не приставали. Однажды председатель колхоза (из наших он был) начинает приставать к ней. Абдули его звали. Когда мать работала, этот Абдули кинул ей пару непристойных слов. Мать сказала отцу, и тот хорошенько поколотил его. Абдули пригрозил отцу: я тебе покажу, как трогать представителя советской власти. В ту же ночь отец вынужден был скрыться... Убежал к брату в Турцию. Отсидел, подумал, пару месяцев... А в это время нас выслали. Но мать (оттого, что мужа при ней не было) постоянно носила при себе этот маузер.

Д. О. Это была крепкая женщина. Мужественная. И своеобразная. Красавица, а подступиться к ней было невозможно. Умела за себя постоять. Как председатель колхоза стал к ней липнуть (чего там, мол, муж и так часто уезжает...), то бабка возьми и скажи деду, – так вот и так... И дед на другой день этому председателю говорит прилюдно: а ну-ка, подойди сюда... Ну, дед мой тоже здоровый был. Тот вертляво подходит и спрашивает нагло: чего, мол, тебе? А дед – раз! – одним ударом кулака валит этого председателя колхоза прямо на поле и хорошенько дубасит его. Ну, и тот пригрозил: да как ты смеешь, советская власть, то да се... И дед ночью же уходит в Турцию. А в это время – депортация.

Х. О. Мать моя и вправду красавицей была. В Узбекистане она выходила на улицу, обвязывая лицо по самые глаза. Чтобы ее красота не привлекала мужчин (тем более, она была как бы безмужней женщиной). Зато на боку у нее всегда висел маузер. Если бы к ней приблизился хоть один мужчина, она бы его застрелила, не задумываясь!.. И все это знала.

К. Б. А откуда он у вас появился?

Х. О. Мой дед продал пару быков (это еще в Грузии было) и на эти деньги купил маузер.

Д. О. Волевая была женщина. Одна вырастила 4-х сынов и дочь, мою маму. Это не каждому по плечу. Без мужской поддержки, без никого. При такой красивой наружности. И в вагоне она была одна, дети все ревут. А она не только своих кормила, но и соседям по вагону помогала. 24 дня в пути – это совсем немало дней.

К. Б. Расскажите, как вы вышли замуж?

Х. О. У нас никаких предварительных встреч не было. Пришли сваты, засватали и отдали меня. Жена моего брата была двоюродной сестрой моего будущего мужа Ильеса. Мы как-то вместе с ней

поехали к ним на свадьбу. Покойный Джафар-эми (дядя Ильяс), увидев меня – пышную, беленькую – сказал: “Возьмем ее за Ильяса!.. И точка”. И справили свадьбу. Свадьба длилась три дня и три ночи. Всё сделали по нашим обычаям. И “нишан” (*обречение – К.Б.*), и “парча” (*маленькая свадьба в доме невесты, когда жених присылает невесте подарки (одежду, украшения) и всё демонстрируется гостям. – К.Б.*). И золотом одарили, и серебряный пояс надели на талию (*непременный атрибут свадебной одежды мехетинской невесты – К.Б.*). Только он один и остался из моих украшений (*вздыхает*). Иногда его надеваю, вспоминаю молодость... А замуж вышла, закрыв глаза, не видя жениха толком. Слава Аллаху, восьмерых родила.

К. Б. Но хоть потом полюбили Ильяса или как?

Х. О. Если бы не любила, сидела бы до сих пор у него дома?

Наш первый ребенок умер восьмимесячным, потом родился Джиянша – в Узбекистане. Потом Тельман – уже в Азербайджане.

К. Б. Как вы оказались в Азербайджане?

Х. О. Ильяс поехал за Кирман-агой, потом привез и нас.

К. Б. А кто это был?

Х. О. Покойный Кирман – да упокоит Аллах его душу! – был двоюродный брат Ильяса (сын тети по отцу). Он приехал в молодой тогда город Мингечаур – это был конец 50-х годов. А мы всем скопом, всем семейством переселились в Худат (*Хачмаский район Азербайджана – К.Б.*). Позже за нашей семьей приехали Кирман-ага с Ильясом. Все остальные дети родились уже здесь, в Мингечевире.

После рождения шестого ребенка я пошла работать. Раньше не работала. Три с половиной года на текстильной фабрике, потом в общепит перешла. Ну, муж не был против, да и дети выросли к тому времени.

К. Б. Я слышала, что где бы вы ни работали, везде вас уважали. Как вам это удавалось?

Х. О. (*с гордостью*) Да, это так!.. Сколько раз обо мне в газетах писали... Я всегда работала на совесть. У меня, как говорится, руки были “чистыми”. Ни воровства, ничего. Копейку на копейку складывала и так зарабатывала. Потому все говорили мне: ты – наш человек! Своим честным трудом заслужила я почет и уважение.

Ни одной чужой вещи не тронула. А в общепите... там много соблазнов, это очень трудно.

Как-то раз директор ресторана (за драмтеатром был этот ресторан) сказал: “Хадиджа-хала (*“хала” – “тетя” – азерб. – К.Б.*), что-то в эту смену ложки часто пропадают. Сосчитай-ка их вечером”. Ну, был там один, на него думали. Я сказала: “Хорошо, сдам их по счету”. Сосчитала, сдала. Утром пришла, опять пересчитала. Вижу, трех штук не хватает. Начали все волноваться. А я заглянула

в мусорное ведро, гляжу, там – две ложки и одна вилка. Достала их, принесла директору и говорю: “Видишь, Эльчин, в мусор выбросили”. Он сказал – да, да, вижу, ты не при чем. И шесть лет работы в ресторане – без всяких нареканий... Уважали меня очень. Даже сейчас, хотя давно не работаю. Бывало, иду в городе, едет машина, останавливается, – выходят мои бывшие начальники, почтительно здороваются со мной, потом едут дальше. Вот так уважали меня за мой честный труд...

К. Б. Где сейчас находятся ваши родственники?

Х. О. Эх, столько у меня родни, да рядом никого нет!.. (*вздыхает, молчит*) Одни в Узбекистане, другие в России, где я их найду? Вчера племянница звонила, я так соскучилась по ней, прямо сердце ноет. Кто в Хачмасае, кто в Ростове, как я увижусь с ними, чтобы душу облегчить? Вчера вот звонила двоюродная сестра Ильяса, говорит: так скучаем, не знаем, что делать. Я сказала – как ты, так и мы.

Все мы рассыпались по разным сторонам, как осколки. И никто не берется нас защитить, или хотя бы порадеть за нас. Никому мы не нужны!.. Так горько...

Мой дядя – один в Турции был (к кому отец ходил), – он уже умер, – мир его праху! – у него остался сын по имени Иса, в позапрошлом году прислали его фотографию. Другой умер в совхозе имени 8 Марта.

Брат умер, я не смогла поехать похоронить, мать умерла – я так и не увидела ее... Осталось три брата, и про тех ничего не знаю, – живы ли? Они в Сыр-Дарье, а попробуй туда доехать. Очень трудно.

К. Б. Как вы поднимали детей?

Х. О. Когда я вышла замуж за Ильяса, он занимался виноградарством, потом выучился на шофера и начал шоферить. Когда мы приехали в Азербайджан, у нас был только один Джиянша. Потом прибавилось: стало семеро детей. Одного мы потеряли, но шестеро живы, слава Аллаху.

Ты спрашиваешь, как мы их поднимали?

Джиянша – наш старший сын. Мы с мужем работали, не покладая рук, чтобы дать ему высшее образование. И, слава Аллаху! – добились своего: он юрист, окончил университет в Свердловске.

Эмиру я отдала учиться на портниху. Мехрибан выучилась на продавщицу – в учхозе, здесь недалеко. Гюльмира выучилась на медсестру, Тельман – на сварщика. Каждый зарабатывает свой хлеб. Несмотря на трудности, мы все-таки смогли поставить детей на ноги. Показали им путь. Каждому купила все, что полагается, пусть теперь не просят у меня ничего. Мы ведь тоже не вечны. Сделали все, что смогли.

К. Б. Вы когда-нибудь вспоминаете о Родине?

Х. О. Чего толку ее вспоминать? Все равно нас

туда не пускают.

К. Б. А то, что в Америку наших забирают, слышали?

Х. О. Я не поеду. Пусть кто хочет, тот едет. У меня тут столько друзей, знакомых, я никуда не поеду.

Д. О. Повезу тебя летом, если Аллаху будет угодно ...

Х. О. Куда?

Д. О. В наши места, Родину посмотреть...

Х. О. Да не надо!.. Чем душу травить, отвези меня лучше к моим родственникам в Хачмас, я давно не виделась с ними.

К. Б. (Вопрос к Ильясу Омарову – мужу Хадиджи Омаровой.) Когда вы в первый раз увидели Вашу будущую жену?

Ильяс Омаров. Сходил к ним, пообедал у них, тут она и выскочила мне навстречу.

Х. О. Не привирай!..

И. О. Они жили недалеко от мельницы – в Булунгурском районе Самаркандской области. Взял я как-то мешок пшеницы и пошел на мельницу. Ну, и пока мололи пшеницу, пошел к ним. Посажу, думаю. Мать ее, – да упокоит душу ее Аллах! – была хлебосольной женщиной, тут же накрыла на стол. И вдруг ее дочка является передо мной – беленькая

и пухленькая, ну, как булочка... Я чуть не поперхнулся – так она была хороша!.. Сразу почувствовал, – можно на ней жениться.

Забрал муку. А они, оказывается, специально всё подстроили, чтобы я смог на нее посмотреть. И дома все сразу напустились на меня, – давай, женись на ней и всё тут!.. Я для виду поломался, но потом согласился. Ну, пошли, засватали и поженились.

Х. О. Не сочиняй, что прямо-таки сразу и поженились! Всё сделали, как полагается, – надели серебряный пояс, повесили мажар (“мажар” – так месхетинцы называют золотую монету (чеканки XIX-XX вв.) с изображением императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа. “Мажар” до сих пор является непременным свадебным подарком месхетинской невесте. – К.Б.), позже еще один подарили... Всё это входило в свадебный комплект. “Нишан” был, “парча” была... А ты говоришь – “сразу”!

И, слава Аллаху! – 50 лет живем с мужем. Правда, 60 лет – без Родины.

8 марта 2004 г.

Аудиозапись расшифровала и материал подготовила
Клара БАРАТАШВИЛИ

АЛМАЗА ЦАЦАНИДЗЕ: “СЕРДЦЕ ВСЕГДА ТЯНЕТСЯ НА РОДИНУ...”

Я, Цацанидзе Алмаза Алихановна, живу в селе Насакирли Озургетского района, в чайном совхозе. Когда я была маленькая ... (слезы)

К. Б. В каком селе вы родились?

А. Ц. В селе Гуркели Ахалцихского района, в 1942-м году. Всю нашу семью выселили... (слезы) И все наше селение.

К. Б. Большая у вас была семья?

А. Ц. Мать, отец, брат, сестра.

К. Б. Как вы жили в Грузии до ссылки?

А. Ц. Наши жили очень хорошо. Они были колхозниками и зарабатывали себе на жизнь своим трудом. Всего было в достатке. Жизнью они были очень довольны...

К. Б. А чем занимался ваш отец?

А. Ц. Мой отец был кузнецом. Была у нас скотина, коровы, бараны. Двухэтажный дом был. Мы хорошо жили. Ну, в 1944 году за что нас выслали, этого мы не знаем, конечно. Выслали в одну ночь в Ферганскую долину, город Маргилан Узбекистана, село Ташлак.

В то время мне всего два года было. Конечно, я не могу этого помнить. Но я помню рассказы стар-

ших, что ехали мы на поезде целый месяц, с большими мучениями... Мне сестра Салима рассказывала. Голодные, холодные были, снегу навалом было, поезд был очень холодный. Много наших заболело, умерло. Их на дорогу бросали, прямо на снег, кто их там будет закапывать, кто их будет хоронить... Некому было, так как поезд шел и шел без остановки...

К. Б. Как странно, – вам было всего два года, и вам удалось выжить?

А. Ц. Значит, это Божье сохраненье было, Божий дар, можно сказать. Когда привезли нас в село Ташлак, стали расселять в домах узбеков, у которых жилья было побольше. Наша семья поселилась в одном таком доме. Хотя это было одно название: у него не было даже крыши, было холодно, и всегда шел снег и дождь.

Но, надо сказать, узбеки отнеслись к нам хорошо, сочувствовали нам...

К. Б. А я слышала, что наших месхов называли “людоедами”, боялись нас. У вас такого не было?

А. Ц. Может, где и было, но не у нас. Наши старшие работали, как всегда, честно. Никто никогда не

говорил о наших людях плохое.

Когда мать и отец умерли...

К.Б. В каком это было году?

А.Ц. В этот же год, в 44-м. В 1942 году я родилась, а в 1945-м попала в детдом.

Мать умерла от водянки. Отец – от белой крови. У него в венах не было красной крови... *(плачет)*. Он сильно переживал... И мы остались сиротами *(вытирает слезы, вздыхает)*.

Потом был приказ такой или что-то – ездили по узбекским домам, забирали сиротских детей в детдом. Я не очень помню, – была маленькая. Но хорошо помню, что было много детей и много-много разных людей.

К.Б. А свое детдомовское детство помните?

А.Ц. Как не помнить!.. Мое детдомовское детство было самое лучшее в моей жизни. Такая веселая, насыщенная жизнь. В пионерские лагеря мы ездили – в Казахстан, в Киргизию. Потом Чус-Гала есть, туда возили, мы всегда в лагеря ездили. Вообще, в детдоме мне было очень хорошо. Я благодарна своему государству, что так о нас заботились, так хорошо ухаживали. Дали хорошее воспитание. Хорошо-плохо – выгучили нас, мы нашли себе дорогу в жизни.

В детдоме у меня было много друзей. Хотелось бы сейчас их увидеть, да нет возможности. Далеко я от них.

К.Б. Вы помните их имена?

А.Ц. А как же! Вот, смотрите на фотографиях – Надя, Мамура, Тамара, Ольга, Люба, Люда... Ну, все разные – имена, нации... И узбекские дети, и польские, и чехи были, и немцы были, и корейцы были. Шин Нива – корейка, очень хорошая подружка была у меня. Жили мы все очень дружно.

Вообще, благодарна я очень своему государству за свое детство.

К.Б. А кормили вас как? Вы не голодали?

А.Ц. Очень хорошо кормили. Голод мы вообще не знали. Мы всегда спали, как барыни.

К.Б. Что вы имеете в виду?

А.Ц. Крахмальные постели, подушки пуховые... Домашний человек так не жил, как мы жили. Вечерами у нас всегда танцы были, хороводы водили, всякие массовые игры с нами проводили... В общем, у нас была кипучая общественная жизнь.

Жили мы в детдоме, а ходили в 6-ю школу города Намангана. Учеба на русском языке была. Из иностранных языков нас учили немецкому. И когда приезжали иностранные делегации, нас выставляли, как напоказ – чистеньких, нарядных, сытых... И мы на этих встречах читали стихи на немецком языке.

Вообще-то, учились нормально. Я все предметы любила. Мне всё было интересно.

Из наших учителей хорошо помню Марию Юрьевну, еще Вера, Жанна – разных национальностей были. И все были хорошие. А Ольга Николаевна, – ну, просто прелесть! Много было воспитателей...

К.Б. Строгие были?

А.Ц. Они как матери были. Даже лучше матери. Мы никогда плохого слова от них не слышали... И всегда были одноправные. Выросли все, и не знали, кто из нас какой нации. Русские, татары, или узбеки – вообще не знали. Все были дружные.

К.Б. Короче, все вы были советские дети?

А.Ц. Да, и это было очень хорошо! И походы у нас были, и поездки, и в кино водили, в цирк, и в зверинец, когда приезжал – везде-везде. Очень хорошо нас воспитывали, к культуре приучали. Читать я очень любила. У нас такая большая библиотека была, ни одной книжки не оставляла, всё читала...

К.Б. А как вас одевали в детдоме?

А.Ц. Нас одевали очень хорошо. Платья – шелковые и бархатные, пальто для нас шили тоже из бархата. Нас одевали очень пышно. Очень богато. Никакой обтрепанной одежды. На каждый праздник – новые туфли, новые платья... Спим ночью, просыпаемся, а на спинках кроватей висит наша новая одежда, выглаженная. Перед кроватью туфли поставят новые... Вообще, прелесть! Никогда больше я такой жизнью не жила. Своим детям я такую жизнь не смогла обеспечить. Очень хорошо мы жили.

К.Б. То есть, детдом вы вспоминаете с теплом?

А.Ц. Это – как родной дом... Даже лучше родного дома.

К.Б. А вы поддерживали связи со своими родственниками?

А.Ц. Нашлась наша бабушка Зульфия – мать моего отца. Это когда уже нашим немножко свободу дали: разрешали выезжать из города в город. А раньше наши люди были под комендантским часом. Моя сестра Салима была постарше, она помнила имена наших родственников, потому что ей 10 лет было, когда нас с Родины вывезли. И она никогда от меня далеко не уходила.

К.Б. Значит, в детдоме были вы, сестра и брат?

А.Ц. Сначала мы были вместе с сестрой. Но так как Салима раньше закончила 7 классов, ее направили на работу. В Маргилан, на шелковый комбинат. Хотя она все время навещала меня, подарки приносила...

А брат жил у чужих людей. Он вообще не знал, где мы. Салима говорила мне, что у нас есть брат, что бабушка есть... Говорила, что постарается как-нибудь найти их.

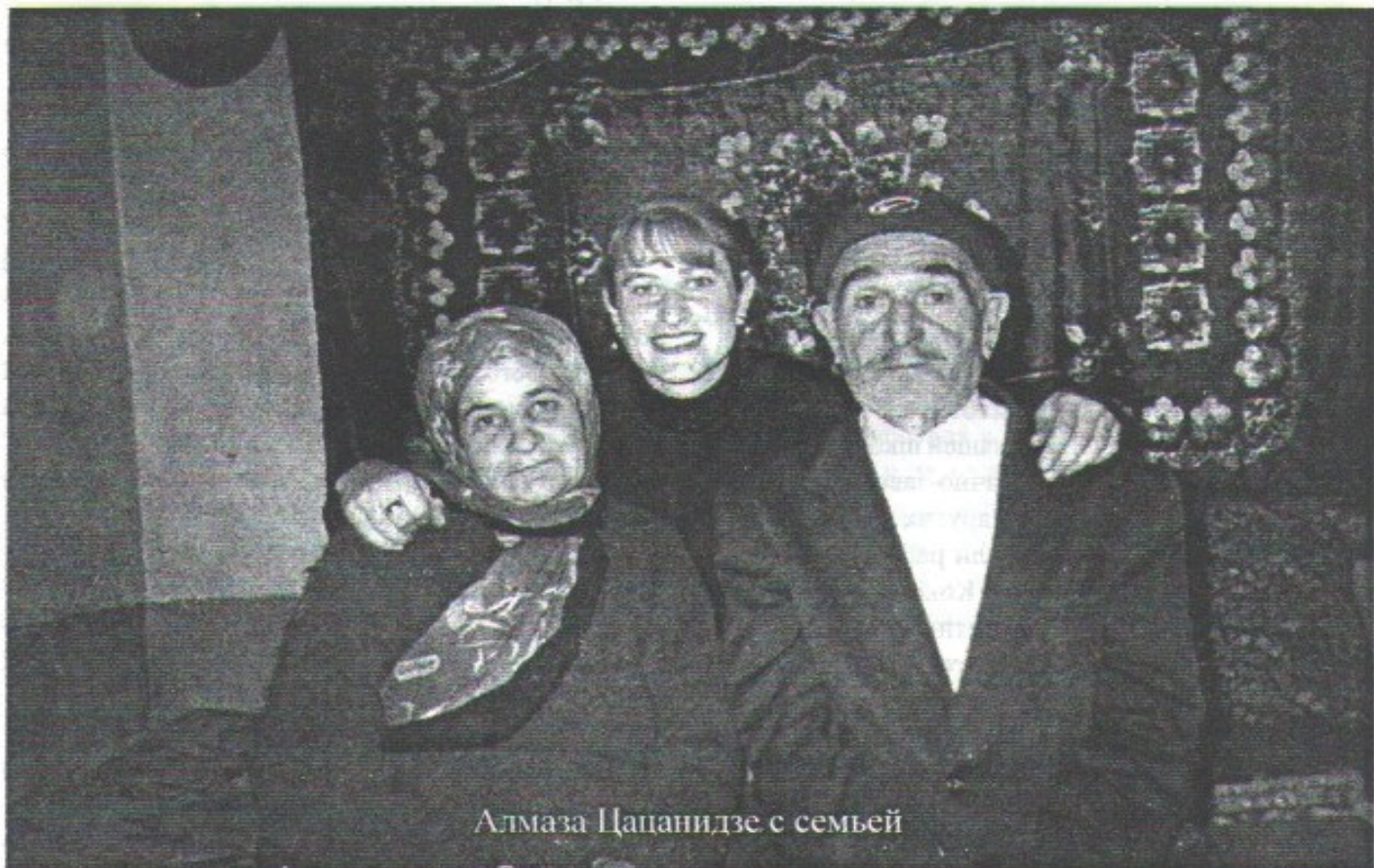
К.Б. И когда вы увиделись с бабушкой?

А.Ц. В 1953-м году Сталин умер, а бабушка

нашла меня в 1956-м году. Она все это время жила, оказывается, в Андижане, в Курган-Тепе. Сестра тоже со своей стороны искала, стала ходить, где-то кого-то расспрашивать. На комбинате одна пожилая женщина спросила ее: откуда ты, девочка, и кого ищешь? Сестра сказала. А та женщина и говорит: я знаю твою бабушку, она живет в Андижане. Я, говорит, туда езжу к своей внучке. И адрес дала.

не видел?

А.Ц. По фотокарточке. У сестры фотокарточка была, – мы в детдоме фотографировались. Но она как-то не сохранилась. Тогда я училась во 2-м классе. Директор наш армянин был, фамилию его уже не помню. Но хороший человек был, замечательный. Он вначале не отпускал меня, а потом – ну, как это: брат приехал, бабушка есть, сестра есть...

Алмаза Цацанидзе с семьей

Потом, когда длительный трудовой отпуск дают же (тогда он был 15 дней), Салима поехала, разыскала ее, после этого мы стали вместе жить.

К.Б. Как вы встретились с бабушкой?

А.Ц. Бабушка приехала ко мне в детдом. Наш Ферганский детдом расформировали, и нас отправили в город Куvasай. Вот туда она и приехала.

Я вообще-то чувствовала, что у меня есть кто-то родной. И когда она ко мне приехала, я... я просто рыдала. Я не могла представить себе, что вот это старая женщина и есть моя родная бабушка, и что она найдет меня (*плачет*). Я никак не могла себе представить...

К.Б. Наверное, она тоже плакала?

А.Ц. Мы обе сильно плакали, обнимались... (*слезы*) Ну, а потом, когда я подросла, меня в Куvasае нашел брат Камал. Через бабушку. Как приехал, так сразу и забрал меня из детдома.

К.Б. Как он вас узнал? Он же вас практически

Потом отпустил.

К.Б. Выходит, что в детдоме росли только вы одна?

А.Ц. Я одна и росла. Салима уже работала, у брата семья была. Работал тоже, самостоятельный был. Так вот, он взял меня и привез к себе домой. Потом смотрит, что я вообще, – как русская.

К.Б. На каком языке вы с ним разговаривали?

А.Ц. Все время на русском.

К.Б. А они понимали?

А.Ц. Ну, так себе... Я немножко пожила у него, а потом попросила, чтобы он снова меня в детдом отдал.

К.Б. Почему?

А.Ц. Ну, знаете... Я не привыкла к домашней жизни. Они все время на работу уходили, я одна оставалась, мне скучно было, не с кем общаться... Разговаривала я чисто по-русски, и считала этот язык родным. Мне стало трудновато общаться с

ними. Они жили на квартире, в узбекском доме. Придут с работы уставшие, у них свои дела, разговоры... А в детдоме – своя жизнь, свои ровесники, свое веселье. Ну, я попросилась обратно. И брат сдал меня в 1-й Наманганский детдом.

Да и прожила я у него немного, не больше двух месяцев – летом.

Я выросла, кончила семилетку, и всех нас отправили в Маргилан, на шелковый комбинат. В то время Маргилан считался шелковой столицей СССР.

К.Б. Это всех детдомовцев отправляли на работу?

А.Ц. Да, всех, окончивших семилетку. Потому что рабочая сила нужна была...

К.Б. А у вас был выбор – куда идти работать?

А.Ц. Нет, у нас никакого выбора не было. Приходил в детдом приказ – нужны рабочие именно на шелкокомбинате, и нас туда отправляли.

К.Б. То есть, вы закончили только 7 классов... Тогда что, десятилетки не было?

А.Ц. По крайней мере, в нашей школе не было... Но потом было ФЗУ – фабрично-заводское училище. Не только я там была, из других детдомов тоже было много детей. Нас обучали работать. Этой самой, шелкомотальной работе. Коконны разматывать на станках. Жили мы в общежитии. В ФЗУ мы прочились всего 6 месяцев, а потом – на работу, на шелковую фабрику в Маргилане. Лет 10 я на этой фабрике проработала. Коконны разматывала. В кипяченной воде – щелочь, мыло и ртуть. Мне потом все руки съело, врачи перевели меня в ткацкий цех. И там я работала. А жила все время в общежитии. В комнате нас было семеро девчат. Разного возраста. Все детдомовские.

К.Б. То есть, вы уже могли зарабатывать себе на жизнь...

А.Ц. Да, зарабатывала. Приезжала к сестре в гости, к брату, всегда им подарки привозила. Дети рады были... Я тоже довольна была, что у меня есть родственники, что могу к кому-то пойти в гости, кто-то меня ждет...

Это для меня была самая большая радость.

А сейчас и зять умер, и брат умер, и сноха умерла... И положение такое – не могу к родной сестре в Узбекистан поехать, посмотреть, как она там. Никакой переписки нет, ничего нет. Почему наше государство такое стало, не знаю... *(молчит долго)*

К.Б. Итак, брат и сестра живут в Намангане, вы работаете в Маргилане... А бабушка?

А.Ц. В Андижане, в Курган-Тепе.

К.Б. И что вы ждали от жизни? Собирались замуж или как?

А.Ц. Замуж выйти, вообще-то, в ум не приходило.

К.Б. Почему?

А.Ц. Жизнь у меня была веселая, добрая, молодежная. Сама себе хозяйка *(смеется)*... Вот так и жила – весело, приятно. Зарабатывала, знала, что куплю себе, что хочу... Хорошо жила вообще. Я довольна своей жизнью. Моя молодость очень хорошо прошла.

К.Б. И вдруг на вашем горизонте появляется...

А.Ц. *(смеется)*... Зять Хейряддин (муж сестры Салимы), и забирает меня к ним.

К.Б. В гости?

А.Ц. Нет. Рассчитал меня с фабрики и совсем забрал. И жила я у них, пока меня не выдали замуж.

К.Б. Они вас забрали, чтобы выдать замуж?

А.Ц. Нет. У зятя братишка был, он раньше с ними жил. Домá были заводские, комнатки – маленькие, условий не было, чтобы и мне там жить. Но потом его женили, комнатка освободилась. И решили, – чего это я, молодая девочка, буду одна жить в Маргилане. И забрали меня к себе.

Закир Цацанидзе (муж Алмазы Цацанидзе) Мы с ними жили на одной улице.

А.Ц. Да, вот меня и отдали замуж за Закира.

К.Б. А как вы познакомились?

А.Ц. Он сам к нам приходил, фотографировал меня (хорошим он был фотографом). Познакомились. И поженились.

К.Б. Он сразу вам понравился?

А.Ц. Не сказать, что понравился. Просто время мое подошло. Мне уже 25 лет было.

К.Б. А любовь была? Чувства? Или уважение?

А.Ц. Уважение. Потом работа, семья, жизнь. Вот это самое главное в жизни. Я так понимаю, потому и до сих пор вместе.

К.Б. А как вы общались с мужем? Ведь вы, кроме русского, никакого языка не знали?

А.Ц. Ну, научилась. В Грузию приехали – грузинский стали учить.

У нас комсомольская свадьба была. Собрались друзья, родственники, тосты были хорошие. Музыка была, танцы... Вообще, от души, хорошо прошла свадьба.

К.Б. Но у Закира тогда уже была дочь?

А.Ц. Да, от первого брака.

К.Б. А ее мать? Они с Закиром разошлись или как?

А.Ц. Нет, она долго болела и умерла. Славная женщина была, на хлопке работала. Там и надорвалась. Заболела, и этим ее судьба закончилась. А ребенок здесь при чем? Я ее приняла, как дочь. Когда мы с Закиром поженились, она в 1-й класс пошла.

Хорошо меня восприняла, и сразу “мамой” назвала. Я за ней так ухаживала и так ее воспитывала, как меня в детдоме учили... Относились к ней лучше, чем к своим детям.

И была ей, как родная мать. Даже сейчас, когда она навещает нас, я принимаю ее лучше, чем своих детей.

К.Б. А жили вы где?

А.Ц. Мы приехала в Грузию, на свою Родину. И теперь моя семья здесь.

К.Б. Закир был фотографом, а вы?

А.Ц. А я работала на чайной фабрике здесь, в Насакирали. Все мои дети родились здесь. Старший сын Ровшан у меня окончил медицинский институт, лечебный факультет, живет в Тбилиси. Есть у меня и внуки. У сына двое детей. Дочка одна Сурия в Ставрополе, у нее четверо детей. Еще в Азербайджане дочь Муккарам, у нее тоже четверо детей. Это та самая девочка, которую я вырастила. Следующая – Зулейха, ее в Турцию отдали замуж, у нее уже трое детей...

И две девочки еще возле меня. Фируза, которая окончила юридический факультет, и Майгуль, она недавно школу закончила.

К.Б. Как вы считаете, у вас с мужем сложилась жизнь?

А.Ц. У меня очень хорошая жизнь, я не жалуюсь...

Но сейчас жить трудновато. Помощи ни от кого, ни от чего... Никуда не могу поехать, детей и внуков повидать. Все от меня далеко.

К.Б. Вы росли в детдоме, у вас, можно сказать, советское воспитание, и мыслите вы, как бы по-русски.

И, тем не менее, приехали в Грузию. Почему? И как нашли свою грузинскую фамилию?

Закир Цацанидзе (муж Алмазы Цацанидзе). Позвольте мне вмешаться и рассказать, как мы вообще очутились в Насакирали. Это моя жена Алмаза родом из села Гуркели Ахалцихского района. А я родом из села Гагви Адигенского района Грузии. Когда нас высылали, отца рядом не было, так мы его и потеряли. Главой нашего рода, оказывается, был Шан-дэдэ (“дэдэ” – “дед” – **К.Б.**), наш прапрадед. У него было два сына – Туран-дэдэ и Раджаб-дэдэ по фамилии Цацанидзе. Внук последнего – Васиф – приходился двоюродным братом моему отцу Джалалу. И так получилось, что они не попали в ссылку. Просто задолго до этого они переехали в Западную Грузию, в это самое село Насакирали, и носили эту же фамилию Цацанидзе. Мы переехали в Грузию, нашли семью дяди Васифа. К тому времени он уже преставился – мир его праху! – но и его дети, и мы очень обрадовались, что нашли друг

друга. Да к тому же, обнаружили свою потерянную фамилию – Цацанидзе. У меня в то время была фамилия Джалалов. Это нас так в ссылке записывали – по имени отца. А здесь мы обрели не только Родину, но и восстановили свою утерянную грузинскую фамилию. И с гордостью носим ее теперь!..

А.Ц. А теперь я скажу. Потому что земля. Человек, на которой он родился, и жили его предки, всегда будет тянуться к ней. Из-за этого влекло меня на Родину. Из-за этого мы приехали в Грузию. Несмотря на все трудности. Это твоя Родина, и трудности тоже твои. Терпеть надо, и жить. Надо всё протерпеть долгой жизнью. Про-жить.

Я очень рада, что мои дети на грузинском языке и школу закончили, и институт. И являются полноправными гражданами Грузии. Никаких вопросов нет. Что, дескать, они пришлые, там, не местные... Такого нет.

К.Б. Говорят, этот дом вы построили своими руками.

А.Ц. Да, это так. Закир сам ставил кирпичи, сам строил, а я работала в чайном совхозе в две смены – и за себя, и за мужа. Он сделал стенки, клеенку вместо крыши натянули, а дождик в середину собирался... Я ведро поставлю, вода сливается с клеенки. Я здесь и одна оставалась, дети у меня еще там были, в районе гаража (одно из отделений села Насакирали)... А мы здесь с таким трудом дом строили. Хоть и не закончили еще, но – слава Богу! – уже имеем свою обитель. Ведь говорят: дома и стены помогают. Вот мы и перетерпели все эти трудности.

К.Б. А вообще, какие у вас были трудности?

А.Ц. Когда мы приехали в Грузию, иногда слышали в свой адрес: вот, дескать, турки приехали, никакие они не грузины. Ну, теперь уже всё позади. Я имею в виду – подобные разговоры. Все знают – кто мы и чего стоим...

В 90-е годы было очень трудно... Экономически. Советские деньги исчезли, появились купоны. Мы не понимали – что за купоны, как ими пользоваться? Купоны ушли, сейчас – лари. Легче, конечно, но все равно, сами знаете, пенсию вовремя не дают.

К.Б. Какую пенсию вы получаете?

А.Ц. Вначале мы получали пенсию 14 лари. Потом нам добавили, как репрессированным, теперь получаем 45 лари. Ну, мешок муки, масло подсолнечное и килограмм сахара можем купить на эти деньги.

Мы Фирузку выучили, доченьку нашу. Одну пенсию ей давали, она училась в Ахалцихе, в филиале Тбилисского Государственного университета. На другую сами жили.

Хороший был у нас директор чайного совхоза

– Такидзе. Выделил нам участок, мы дом построили, живем. Хорошо-плохо – с огородом, с садом. У нас примерно две “сотки” земли. Немного, но нам хватает.

У нас мандарины растут, яблоки, груши есть, клубнику сажаем. Летом, когда денег не хватает, выносим на базар свои помидоры, болгарский перец. Этим и живем. Своим трудом.

К.Б. Ведь наши депортированные месхи состоят не только из жителей Насакирали и Ианети (*в Самтредском районе Грузии – К.Б.*). Как вы видите будущее нашего народа?

А.Ц. Наше будущее, я думаю, очень хорошее будет. Только надо перетерпеть. Надо выжить. Самое главное – выжить.

К.Б. Как вы считаете, наши, что живут вне Грузии, должны вернуться?

А.Ц. Если наши вернутся, очень хорошо будет. Конечно, если Грузия примет. Наш народ очень трудолюбивый, доброжелательный. Если примет, то дай Бог! Пусть люди живут на своих местах. Грузия – большая. Можно жить в любом месте. Вот мы вернулись же не в село Гуркели (откуда я родом), а в Насакирали. Хорошо мы здесь живем, не обижаемся. Люди хорошие, отзывчивые.

Но наш народ обязательно должен вернуться. Кто пожелает. Пусть возвращаются. Почему бы их не обеспечить? Государство обязательно должно издать закон. Всё это политика была. Если правительство совершает такие позорные вещи, как ссылку собственного народа, при чем здесь люди?

Сердце всегда тянется на Родину. Где ты родился, где, как говорится, из пупка кровь падёт на землю, человек обязательно туда вернется.

Бабушка моя всегда хотела оказаться на Родине, но судьба распорядилась иначе. Не довелось ей. Она умерла в 87 лет, так и не повидав своей родной земли. Все время говорила: Родина, Родина, Родина... Она умерла, когда в Узбекистане на наших снова напали. Во время ферганской трагедии они переехали в Азербайджан, там она и умерла, а вслед за ней и ее дочь. Им климат тамошний не подошел, да и вода – не та.

Они все время недоумевали: почему мы до сих пор не можем вернуться? Что за государство такое, что не может открыть нам дорогу на Родину?

К.Б. Кое-кто говорит, будто до ссылки наши обижали грузин-христиан, армян...

А.Ц. Это всё политика. Те люди, что ведут такие разговоры, боятся, что у них немного земли заберут и отдадут коренному жителю, тому, кто веками на ней жил.

Наш народ никогда никому плохого не делал. Вот я приехала в Насакирали, слава Богу, живу

здесь уже 20 лет, и ни от кого плохого слова не слышала. Не положено так думать о тех людях, которые раньше жили на своих местах. Они всегда пахали, сеяли, сажали. У них всегда была земля, у них были свои дома.

Они не просят вернуть их дома, ничего не просят. Они просто хотят жить на своей земле. На любой грузинской территории.

Живу же. И не требую же ничего! А ведь когда мы уезжали, у нас и двухэтажный дом оставался, и скотина осталась, и всё осталось – золото и вещи. И мы ничего не требуем. Живет там человек, пусть живет, дай Бог, пусть сто лет живет! Зачем идти к нему и требовать: отдай мой дом, отдай мое то, это... Нелогично, вообще, такое говорить, как можно? Это политика была.

Вот когда я жила в районе гаража, рядом и армяне, и грузины жили. Пускай скажут, как я с ними жила? Теперь здесь живу – аджарцы есть, всякой нации есть. И здесь я ни от кого ничего плохого не слышу. На меня никто пальцем не показывает. Наоборот, говорят: вот, – рабочий человек!

Ну, мы – месхи, а я считаю себя просто грузинской женщиной. Зачем я буду с кем-то ругаться, драться?... То что я своим трудом заработаю, что нам Бог дал, пускай всем даст. Я заработала себе участок, дом построила, слава Богу! Мне чужого не надо. Я живу тем, что дал мне Бог.

Но пускай мой народ вернется на свое место. Пусть не обязательно в Ахалцихе, пусть в другое место, но пусть это будет Грузия...

К.Б. В чем, по-вашему, заключается женское счастье?

А.Ц. Женское счастье – это в первую очередь – твоё здоровье. Дети. Когда с тобой рядом – крепкий мужчина. Ну, пусть не крепкий, ну, хоть какой-нибудь, чтобы хозяин дома был. Чтобы у тебя была добрая душа. Больше ничего не надо. В этом женское счастье. И оно у меня есть.

У меня дети, они живы, здоровы, воспитанные. Дала им образование, дала им всё, что было в моих силах. Я благодарна своему государству, и, в первую очередь, своему Богу, в которого я верю. Пусть мой Бог всегда мне сопутствует.

Пусть наше государство всегда будет богатым, тогда оно может стать добрее к людям. И пусть все, кто живет в нашей Грузии, считают ее своей Родиной и трудятся для ее процветания...

Больше я ничего не хочу.

Подготовила Клара БАРАТАШВИЛИ

«СЛУЖИЛИ БЫ СВОЕЙ СТРАНЕ...»

Бывший совхоз Шильян Евлахского района в Азербайджане. В нем живет небольшая диаспора депортированных месхетинцев, которые в 80-х годах бежали от ферганских погромов. Приехали они туда в 90-х годах. Правительство Азербайджана обеспечило их домами, землей, все желающие получили азербайджанское гражданство. В основном, месхетинцы занимаются земледелием.

Вначале их было много, но спустя некоторое время кто подался в Турцию, кто – в Россию. Осталось не больше десятка семей. Несмотря на экономическую обеспеченность, мы застали их в некоторой растерянности. Они привыкли жить своими кланами, большими поселениями. Тем не менее, оставшиеся не желают менять эту чужую землю ради другой – тоже чужой. Все месхетинцы, включая детей, наперечет знают названия своих сел, и хотят только на Родину – в Грузию.

Мы приехали в слякотный мартовский день. Что было на руку журналисту – работать в поле из-за липнущей грязи было невозможно. Моментально разнесся слух: «Приехали из Грузии, чтобы забрать нас на Родину!..» Почти все собрались в доме старейшины диаспоры – Фейза Омарова. Практически весь разговор вел он – человек преклонного возраста, но довольно энергичный. Дети вертелись под ногами и мешали записывать рассказ на диктофон. Женщины уселись кружком и чинно молчали, мужчины изредка вставляли свои реплики. Этот рассказ идет, в основном, от имени Ф. Омарова.

– Я, Омаров Фейаз, родился в 1930 г. в селе Каратубани Адигенского района. Я человек Грузии. То есть, я грузинский человек. Местность наша была гористая. Наши дедовские и отцовские места – там, в Месхети. И жили с грузинами, как братья. Моя жена – Фатима Чилашвили – родом из села Уде Адигенского района.

Моего отца звали Дурсунов Омар. А мать звали Шякярят, да упокоит ее душу Аллах!

У нас в Каратубани были свои дедовские земли. И такой сад, в котором росли десятилетние и двад-

цатилетние деревья. С каждого дерева мы собирали не меньше тонны урожая. Да-да!..

Власти относились к нам нормально. Мы пахали, сеяли, трудились в колхозе. Давали норму. Оставшуюся прибыль делили между колхозниками. Выращивали картошку, выполняли государственный план, самим тоже оставалось. Короче, жили досыта.

Я хорошо помню наше родовое гнездо, так сказать, – дом своего деда Мамедали, он же дом моего прадеда. Думаю, что он до сих пор там стоит. У нас был свой источник, воду мы брали оттуда.

Мечеть у нас была. А церкви не было, потому что в нашем селе жили только наши – месхетинские мусульмане. Говорили, что в нашем селе было 70 дымов.

Я ходил в школу. Мы учились, в основном, на азербайджанском языке, учителей специально привозили из Баку. Письменность была не кириллицей, а латинским алфавитом. До сих пор его помню.

Грузинский я знал не очень хорошо, т.к. уроков грузинского языка было мало.

С утра я ходил в школу, после пас скотину. У нас ее было примерно 10 голов, к вечеру загонял их в сарай, в «ахор», говоря по-нашему. Ходили с ребятами за дровами в лес....

Старшей у нас была сестра Шехрят, потом брат Ильяс, он сейчас в городе Мингечевире живет.

Наши земли я знаю как свои пять пальцев. Уде, Леловани, Каратубани... – это все Адигенский район. Места наши – чисто курортные. Один воздух чего стоит!.. Жаль, говорят, земли пустуют. Это такие места, где надо жить, трудиться и лелеять эту землю. Леса – на своих местах, вода – сама за себя говорит...

Нам и докторов не надобно было. Я вообще не слышал, чтобы кто-то у нас обращался к врачам. Сама природа лечила. Мы там чай не пили. Наполним ведро из источника, и запиваем еду водой. Не было нужды в чае при такой прекрасной воде... Хотя у нас и самовар был. Когда приходили гости, сестра разжигала его и подавала гостям чай. Или варила кофе, – в зависимости от гостей. У нас часто бывали гости. Если это были грузины или армяне – заваривали кофе. Наша дальняя родственница из села Намниаури (она еще ребенком была) гостила у нас как раз в ту ночь, когда нас выгнали. А ее отец был на войне. Когда вернулся с фронта, нашел нас в Узбекистане, и забрал свою дочь.

Носили мы чарухи – это такие самодельные лапти из сыромятной кожи, ямiani – это уже была праздничная обувь. Помню, у дяди были отличные хромовые сапоги.

И кинжалы в доме были – обоюдоострые... Дед, помнится, носил его на боку. Хотя в советское время не разрешали открыто носить оружие. Старики носили, но таясь.

Помню еще, винтовка была у нас – кремневая. Ее использовали для охоты. Охотился дядя, который в сельсовете работал.

В Среднюю Азию мы попали не по своей воле. Приставили к нам автоматы. В одну ночь опустошили 7 районов. Военные. Привезли и загрузили в товарные вагоны. Целый месяц мы ехали... В дороге умершие – умерли, оставшиеся – остались в живых. На стоянках проверяли вагоны и умерших просто вышвыривали.

По дороге, выбрасывая трупы и отсеивая людей (выгружали по неясной нам системе), через весь Казахстан дошли составы до Бухары (а это уже Узбекистан). Держали нас под комендантом.. Из района в район не имели права передвигаться. Много есть что повествовать... Если откровенно рассказывать.

Когда нас выдворили, вся скотина в сараях осталась. Буйволы, коровы, козы... Все осталось, вплоть

до швейной машинки «Зингер».

Голоса. Все оставили и так уехали – наши вещи, всю живность. Советское правительство засунуло нас в вагоны... В одну ночь нас переселили.

Мне было 14 лет, я учился в 7 классе. В селе не осталось ни одного мужчины. Все были на фронте.

С вечера 14 ноября 1944 года, когда в село приехали военные, председатель колхоза велел запрячь 10 бычьих арб. Запрягли. Когда из нашего села Каратубани выходишь, там есть одно узкое место: ни туда, ни сюда. Стали эти арбы вывозить из села. Как проехали это узкое место, перед вереницей быков встал один военный, в конце цепочки – другой. Сказали нам – теперь возвращайтесь. Странно, что пустые были эти арбы...

А пришли они ночью, но ближе к утру, когда первые петухи поют. У нас был огромный дом, метров в десять в длину.

Наши соседи – два брата – одного Бинали звали, другой был на фронте. Вдруг слышим, Бинали во весь голос вопит: «Мемедали-дэдэ!...» Что случилось? Вышли, глядим, и в нашем дворе – полно военных. Заходят в дом. А комната большая. Велели всем нам встать в одну сторону. Мы, полуодетые, сбились.

А в доме у нас много людей было, человек 25, – дядя, бабушки, дедушки, гости... Военные прошли на свободную сторону и обыскивают. Чего они там искали – оружие что ли? Потом перетолкали нас на другую сторону. Опять стали проверять. После этого забрали деда с собой, но дома оставили трех солдат. Те говорят по-русски, а мы ихнего говора не понимаем... Среди наших нашелся один, что в армии был, он немножко знал русский. Ему солдаты и сказали: «Дядя, вас выселяют, собирайте-ка потихоньку свои вещи».

А куда, зачем и почему... Что ты!.. Об этом – ни слова!

Мы пошли снимать со стен паласы, разулись, чтобы собрать вещи и скатать ковры. А эти солдаты, назло как будто, стали все сдирать со стен, сбрасывать наши пожитки и обувь с балкона 2-го этажа, а у дяди хорошая обувь была...

Фатима (жена Фейяза). И Коран один из них выбросил, гяур!.. Сейчас этот Коран у нас хранится.

Ну, собрали мы вещи, не знаем, куда едем, на сколько, выложили все перед домом на дорогу – та, что идет из Уде и Кахарети.

Глядим, а эти пустые арбы повернули назад, подъехали к нам, и мы начали грузиться. Отвезли на край деревни и вывалили кучей на поле. Так, кучками, вещи и лежали, а возле каждой – своя семья. Пришли военные, пересчитали всех, приказали: «Никуда не двигаться!»

Поодаль от села была равнина, и вдруг видим –

стоят машины американские. Оказывается, Советы взяли их у Америки что ли... Большие и открытые. Начали забрасывать вещи в них. Там бочками были сыры, масло, в мешках мука... А солдаты так и пинают сапогами по мешкам.

За несколько часов что можно собрать? Считаю, все осталось. В каждом селе так было. Запихивали силком, забьют 3-4 семьи в кузов, военные кричат: «Все, хватит! Давай, езжай!» И что не вмещалось, все оставалось.

Да еще в дороге вещи дяди этого Тофика (*указывая на молодого мужчину, сидящего рядом*) стали рассыпаться. Я снял свой ремень, и мы кое-как укрепили их.

Привезли нас под Ахалцихе – куда доходила железная дорога. А там товарные вагоны стоят уже наготове. Несколько составов.

Затолкали людей в вагоны. Из каждого села народ был. Например, из Уде приехали, но только наполовину (*депортация коснулась только мекхетинцев-мусульман. В селе Уде, наряду с мусульманами, жили и мекхетинцы-католики, которых атеистический советский режим не выселил. – К.Б.*), все вперемежку... Поэтому очень многие потеряли своих родственников...

Вагоны как заполнялись (их было 45 или 50 в составе), сразу давали команду – вперед! Уже выслали... Далее – следующий состав...

А народ... как плакал... (*вздыхает*)

Еще в селе начался плач. С нашего балкона все село было видно. Как начался этот вой, мы поразились – да в чем дело? Что, нас «кулаками» объявляют? Никак нас высылают? Вышли на балкон, видим... ну, как пчелиные улья гудят, вот такой плач стоял над селом. Я даже не берусь описывать, как народ оплакивал свое выселение. Не смогу передать...

Один из них. Коровы с одной стороны режут, овцы и козы – с другой стороны блеют, собаки воют...

– Ну, запихали нас в вагон...А мне 14 лет... Странно, что я не потерялся... А сколько детей было пропавших...Да и взрослых тоже. Односельчанин был один наш, старичок – да упокоится его душа! – Керем-дэдэ звали его. Оказывается, он спустился на одной станции, а поезд, возьми, да поехал. Так и остался, и что с ним стало – никто не знает.

А в вагоне холодно. Кое-как соорудили печь... 25 дней в пути были. На станциях воровали дрова, люди не вылезали из своих постелей. Завшивели все, на это уже никто не обращал внимания.

Насчет еды было так. Ее давали, когда на станциях делали остановку. Причем, по номерам вагонов: 1-й, 2-й... Вагоны-то были разные, у каждого были свои нормы. На станции обычно какой-нибудь солдат кричал: спускайтесь за продуктами!

Подъехали как-то к большой станции, где-то в Казахстане. Помню, шли куда-то вверх. Сверху кричат: «Какой вагон?» Говоришь номер вагона, и откуда-то по трубе буханки сбрасывают. По счету. Потом шли в другое место, там кашу давали. Хлеб я в мешок сложил и спереди на шею повесил, а кашу взвалил на плечи. Иду, а хлебный запах меня буквально дурманит. Независимо от себя, начал отщипывать. Знал, что нельзя, да голод заставлял.

Ищу свой вагон, не могу найти – ночью дело было. Пошел на звук паровозного котла, слышу – наши говорят. Спрашиваю – где каратубанцы? Иди назад, кричат мне в ответ, они в хвосте состава. Повернул я назад, еле нашел... Тут поезд тронулся. Если бы мне сверху не протянули руки, я бы точно остался. Хорошо, что и продукты смогли втащить. Отдышался я, начали делить продовольствие – на каждую душу отдельно. На наш вагон выдавали 20 буханок хлеба. Его мы рубили топором, так он замерзал, что нож не брал.

А душ в нашем вагоне было где-то шестьдесят, а может, и все сто. Короче, много нас было.

Начиная с Казахстана, стали отсеивать людей. Так, рассыпая, довели до Ташкента, Джизака, и привезли в Самаркандскую область, Булунгурский район, на станцию Красногвардейскую.

Зима. И такая, что прямо не знаю. Лютая... Пересадили на машины, везут в баню, на дезинфекцию. Выходим из бани – опять запихивают в машины, и развозят – кого куда, никто ничего не знает.

Попали мы в Булунгурский район, в Аг-Тепе, вернее, в одно село, недалеко от Кильдона, а туда же, до нас привезли крымских татар. Мы узбеков не понимаем. Пришел один крымский татарин, стал переводить. Крымские татары понимали нашу речь. Они уже освоились и научились узбекскому. Председатель колхоза разместил нас по жилым домам. А для нас все диковинно было – стоит в середине комнаты какой-то стол («сандал» его называли). Мы не знали его предназначения. А у нас печки нет. Говорим – давайте, разрубим его на дрова, все-таки, он деревянный. Ну, поломали этот стол, а хозяева прибежали с воплями, начали кричать...

Оказывается, специальное приспособление было – узбеки так грелись. Под столом выдолблена яма, в которой разводили костер, а потом тлеи угли. Вся семья садилась вокруг этого стола, свесив ноги в яму, а стол был накрыт одним большим одеялом, которым укрывались все сидящие.

– А мы-то откуда это знаем?.. Ну, пошумели, успокоились.

Наших туда прибыло человек пятнадцать. Была бабушка Эсмэр-нэнэ, дед Мемедали-дэдэ, отец покойный, сестры мои, потом девочка с нами была. Та, которая гостила у нас.

Ну вот, как мы попали в ссылку, многие наши

померли. Даже могилы копать было некому – ни у кого не было сил. Так совхоз платил деньги за рытье могил. Очень плохо мы жили. Спали на таком тряпье, что с утра забрасывали его на крышу, чтобы хоть проветрилось, а к вечеру спускали.

Однако, нам выдавали продукты – по 8 килограммов ежемесячно, и килограмм риса на каждую душу.

Занимались мы колхозной работой – свеклу собирали, хлопок сеяли и убирали. Ну, зимой еще хлопка не было, но там была сахарная фабрика, там работали. Комендант заставлял нас расписываться, чтобы мы никуда не делись. А куда денешься?

Но пожили мы там совсем недолго. Смотрим, невозможно прокормиться. Узнали, что в Булунгурском же районе в совхозе Центральный тоже наши живут. И решили туда податься. Собрались ночью и убежали. Тайком... Все 15 человек. Погрузили на арбы все наше имущество, и ночью, пешком, перебрались туда. Если бы комендант узнал, конечно, не пустил бы.

Органы, конечно, узнали, стали искать нас... Комендант, приехал, туда-сюда...

Но потом разрешили – ладно, живите здесь. Там были государственные дома, в них мы и разместились. И начали работать в этом совхозе. Но все равно под комендантским надзором. Не мог из этого района выехать в другой без разрешения коменданта (они и русские бывали, и узбеки).

Как-то мне надо было к врачу в Самарканд, и я взял справку от коменданта. Если бы меня поймали без разрешения, то, как минимум, 5 суток дали бы. Еще ни о каких паспортах речи не было – у наших людей на руках не имелось никаких документов.

Был комендантом один узбек – хороший был человек! – вызвал нас как-то (это уже 56-й год был) и говорит: подпишите эти бумаги. А в бумаге той было написано, что мы не хотим Родину. Звали его Тураев, не знаю, жив он или нет...

Некоторые подписали, и получили паспорта.

Я вначале не подписался. Сказал: дадут Родину – поеду, нет – так нет. Не подписался. Но потом этот Тураев специально приходил ко мне, стал уговаривать: лучше подпишись, – паспорт тебе все равно нужен, будешь ездить, получать на детей пособие...

Так или иначе, и я вынужден был получить паспорт.

Паспорта мы получили, и уже могли ездить, куда хотели... Но только не на Родину.

Надо эти дела – это преступление! – как-то довести до международных организаций и спросить: ЗА ЧТО? Кто дал право поднять невинных людей с насиженных мест, с земли наших предков? И где мы с грузинами братьями были, вместе сеяли, вмес-

те жали, сдавали план государству.

У меня теперь возникает вопрос – сколько сельхозпродукции сдается сейчас государству с наших земель? Столько же, сколько мы сдавали? Думаю, что нет! Я уверен, что такого изобилия сейчас в нашем крае нет! И это очень обидно. Всевышний создал райские места для плодородия, а они пустуют...

Я полагаю, у Грузии сейчас нет экономической возможности принять нас. Но есть международные организации. Надо обратиться прямо к ним.

Во-первых, должно быть признано наше право на возвращение на собственную землю. Должно быть однозначно заявлено: мы – коренной народ этой земли. Это раз.

Во-вторых, они должны предоставить Грузии экономическую поддержку для нашего постепенного возвращения. За каждой вернувшейся семьей должен стоять закон Грузии, чтобы на первых порах не было конфликтов. Мы же не конфликтовать возвращаемся! Мы возвращаемся возрождать нашу землю! Но если ты вернешься, как запрошенный гость – это никуда не годится. Скажем, приеду я в Ахалцихе втихомолку, куплю дом, оформлю, а потом, чтобы в меня камни кидали... Если за моим возвращением не будет стоять государство, если члены моей семьи не смогут работать на государственной службе и получать зарплату, то как народ проживет?

И какой выход?

Выход я вижу в силе Совета Европы. Если Грузия следует законам Совета Европы, то должны быть созданы условия для нашего возвращения, а мы вернуться на Родину. Если Грузия хочет быть европейской страной.

Ну, а у кого есть возможность (мне известно, что по Конституции Грузии любой иностранец имеет право купить недвижимость в Грузии), тот может купить дом для своей семьи, по закону зарегистрироваться, найти работу...

Должны быть выделены земли. Меня насильно выдворили, я оставил земли своих предков...

Вот сейчас, например, у меня есть документ, что здесь, в совхозе, у меня есть собственная земля. Пусть эта земля остается здесь. Поеду в Грузию (куда мне захочется), куплю дом рядом с нашими, оформлю, посмотрю: государство стоит за моей спиной или нет? Если да, – нормально. А если семьи продадут свои дома, купят там и не смогут ужиться – это не дело...

Тут я не удержалась и сказала: – На это вот что я скажу. Все наши живут в Ахалцихе не без затруднений, но благополучно. Говорят, всю свою жизнь в ссылке, садясь за еду, мы заклинали: Господи, дай нам возможность есть этот хлеб на Родине – за каждой трапезой молились! Я их спросила: а сейчас

что вы говорите? А сейчас, говорят, говорим: слава Всевышнему: мы свой хлеб на своей Родине едим. И ежедневно благодарим небеса за это счастье.

– Да, конечно, жить на Родине – правда, счастье...

Женился я в 1949-м году на Фатиме Чилашвили, она твоя односельчанка, тоже из Уде. Они там же, в Центральном совхозе жили, недалеко от вас.

Что касается свадьбы... Ну, какая там свадьба... Испекли хлеб из 2-х пудов ячменя и пшеницы, погрузились в арбу, поехали и привезли невесту. Да-да, на арбе (*смеется*). А еще одного петуха зарезали. Такое время было голодное, что если попотчешь кого-нибудь простым хлебом, и то это было большим угощением... За хлеб человека могли зарезать.

У меня пятеро детей.. Один в Казахстане, в городе Джамбуле, трое в Сырдарье. И здесь со мной один сын Газанфар – вот пятеро и выходит.

Слава Аллаху, пережили трудности и дожили до благополучия. Сейчас мне 74 года.

А, вообще, каков он, новый президент? Я вижу: он молодой, энергичный, образованный. Вот, раз уж у Грузии новый президент, я хочу напрямую обратиться к нему. И сказать хочу сокровенное. Слова мои таковы.

Во-первых, я поздравляю его, что встал во главе Грузии. Во-вторых, прошу и наказываю ему беречь нашу общую землю от врагов.

И еще у меня есть просьба. Чтобы нам по закону, спокойно, согласно порядку вернули наши исконные земли. Чтобы взяли нас на учет, как своих граждан, на законном основании вернули нам отчие земли, создали условия для нормального проживания. Мы же, в свою очередь, потихоньку, по очереди, мало-помалу перебрались бы, устроились и жили бы по-прежнему, как братья. Служили бы своей стране, охраняли бы свою землю от врагов.

Стой за нашей спиной. А мы встанем перед нашим общим врагом. Другу же ответим такой же дружбой. Мы никогда не враждовали, когда вместе жили, были, как братья, ходили друг к другу в гости.

И чтобы сейчас было так же.

А не то – поехать, и чтобы в нас камни бросали... это вы должны пресечь. Вы должны издать такой Указ, чтобы всего этого не было. Приедем на свои места. Войдем в мировое сообщество, как нормальная демократическая страна, так, чтобы к нашему слову везде прислушивались.

Говорят, кто-то кого-то когда-то убивал – эти дела нам не нужны. Это все измышления. Скажи им, чтобы все эти разговоры положили под камень. Это прошлые дела.

Ты, как Президент, думай о будущем. Собери

народ Грузии вместе, слепи всех их друг с другом, чтобы они жили красиво и безмятежно. Что поделаешь, история так распорядилась, что кто раньше был христианином, стал мусульманином. Это история. И нечего это ворошить.

Один из присутствующих. К нам здесь относятся хорошо. Власти не отличают нас от местных. Вот эти дома построили специально для нас, бежавших от погромов в Узбекистане.

Имеем гражданство. Дали землю. Но, несмотря на это, нам нужна своя Родина.

– Передай, чтобы не боялись нас. Потому что, если мы приедем, будет большая польза для Грузии. Какая?

Будем законопослушны, как всегда. Пополним армию своими сыновьями.

Улучшится экономика государства. Каким образом?

– Будем сажать, сеять, животноводство разведем, вырастет плодородие, появится изобилие, экономика укрепитя, жизненный уровень повысится...

Со всеми уживемся. Ведь и в наше время там армяне жили. Дружили мы с ними, и друг другу крестными были.

– Мы в политику не вмешиваемся. Мы – простые крестьяне, будем только работать, повышать изобилие и плодородие Грузии.

– Лично я могу и не двигаться с места. У меня здесь 5 гектаров собственной земли. Можно сказать, я – землевладелец. Казалось бы, мне ничего не нужно.

Но, тем не менее, земля моих предков – там. Если государство создаст возможность, я поеду и буду обрабатывать ее у себя на Родине.

Здесь каждому из нас дали и гражданство, и землю, и живем мы тут без всякого ущемления. Но почему мы не можем так же жить у себя на Родине? Ведь мы с той же силой можем работать там. В каждой семье есть крепкие рабочие руки. И что это, если не помощь государству в восстановлении экономики?

Джиганша (*племянник Ф. Омарова*). Азербайджанское правительство снабдило их всем необходимым. У всех, здесь сидящих, есть земля, и всем они обеспечены.

Но все равно, несмотря на это, все они говорят: «Родина!..»

*Подготовила
Клара БАРАТАШВИЛИ*

ГЮЛЛЯР ХОСАДЗЕ: «ДЛЯ МЕНЯ РОДИНА МНОГО ЗНАЧИТ...»

Я Гюлляр Хосадзе. Родилась в Узбекистане, в Самаркандской области, Хатырчинский район, колхоз имени Ленина.

Маму звали Рамиза. Она была родом из Нижней Ошоры Аспиндзского района. Чикадзе их старая фамилия. Мой дедушка по матери носил имя Гурий. Но по-нашему его звали Гюли. Хотя в документах он так и был записан – Чикадзе Гурий. Ну, а вообще, наших прозвали «Чико-гиль» («гиль» – «род», «клан» – К.Б.).

Отношения у наших в Грузии были очень хорошими – как с армянами, так и грузинами. Дружили, общались... Я ни разу не слышала, чтобы кто-то кого-то убивал на почве нации или религии. Я слышала только о дружбе и хороших отношениях. С армянами друг к другу в гости ходили, они были «кирвами» (*у мусульман – названный отец при обрезании – К.Б.*), с грузинами вместе ели-пили, с детства дружили. Делились всем. Наши в Грузии много скотины держали. Бывало, видят, что у соседей дети голодают или нет скотины, делились животными, чтобы соседские дети без молока не оставались.

Мой отец Хейрулла имел фамилию Хокишвили. Он был родом из Верхней Ошоры. Но вообще-то, они переехали туда из села Хизабавра Аспиндзского района. В 1935-м году они с матерью поженились. Он пришел «уст эниште» (*примак – зять, пришед-*

ший в дом жены – К.Б.) в Нижнюю Ошору, и полгода молодые прожили в семье матери.

Мама уже полгода, как была в положении. Отец, закончив партийную школу в Ахалцихе, работал в Нижней Ошоре председателем колхоза. Там была скотоводческая ферма, где кончается село... Но была еще силосная яма. Ее раскрывали, когда сено кончалось. Но чтобы вскрыть ее, нужно было решение комиссии, которая составляла акт. А эта комиссия из района не едет – неделю, другую... И чтобы скотина не пала, отец сам создает комиссию из членов сельсовета и они вскрыва-

ют силосную яму. Ну, а сверху корм обычно бывает прогнивший. Они собирают это месиво в плетеные корзины, взвешивают и сберегают. Кормят скотину, ну, и скотина, соответственно, не гибнет. А тут грянула районная комиссия, и выясняется, что силос употребляется без ее разрешения. Они взвешивают сгнившие отходы, составляют акт. А за время хранения отходы подсыхли и, естественно, силос стал легче – на 158 килограммов. В чем и усматривают преступление...

Ночью привозят отцу какой-то список на 40 человек. Конечно, все это не папа мне рассказывал... Когда я подросла, стала расспрашивать маму, почему брат мой старше меня аж на 18 лет? Мать и рассказала, что отец был арестован в 36-м году вот по этому делу, поэтому я родилась намного позже.

Привозят ночью какой-то список и требуют, чтобы он подписался под ним. А отец не подписывает. Приходят раз, два, три раза... А потом говорят: тебе это плохо обойдется, или подписывай, или... А отец отвечает этим, из НКВД: хорошо мне обойдется или плохо, я все равно не подпишу эту бумагу. Я хорошо знаю всех этих людей, работал с ними. Я не дурак, чтобы подводить людей под расстрел. А в том списке были и наши, и грузины, и армяне... Ну, мама так мне рассказывала. Тогда отца и еще двоих арестовывают – за «незаконное» вскрытие силос-

ной ямы – и ссылают в Норильск. И он отсиживает в этом северном городе 18 лет! Сначала в тюрьме, потом в лагере.

В 1944-м году всех наших мусульман высылают из Месхети. Из нашей семьи это были: бабушка (по отцу) Чахо Хокишвили, мой дядя (брат отца), Насир его звали, две мои тети (сестры отца) – Чинар и Тамар. Тогда меня еще на свете не было. Моему брату исполнилось в то время 9 лет.

Мама рассказывала, что когда наших выселяли, соседи жалели нас, говорили: ни за что вас выселяют... Никакого злорадства... Наоборот. По какой причине? – спрашивали. Вы никому ничего плохого не делали, жили, как все... За что вас выселяют? Хотели заступиться. Но как мы можем этому помешать? Что можем сделать? Только помочь. В ночь высылки подсказывали нашим – забирайте все свое ценное, чтобы там не пропали с голоду... Соседи – армяне, грузины – помогают во всем, на скорую руку варят-жарят в дорогу, продукты приносят. А наши отдают им свое добро, то, чего не увезешь. Говорят – забирайте то, это... Пусть лучше вам, соседям, останется, чем кто-то другой заберет, делают «халал» (благословляют – К.Б.) И так, по-доброму прощаются...

У мамы было два брата – Халид и Ибрагим. Халид погиб на фронте в 1944-м же году, а другой заболевает в дороге горячкой, и по приезде не может выдержать тамошнего климата. Ну, многих умерших по дороге на станциях выбрасывают, где умирают, там и выкидывают.

Наших в Самаркандскую область высылают, в Комсомольский район, а оттуда перевозят в район Хатырчи, где местные не дают им покоя.

Потом живут там немного и приезжают в колхоз имени Ленина. Комендант посмотрел – наши ни русского не знают, ни узбекского. Они дома между собой, в основном, по-нашему говорили. Бабушка Чахо говорила на грузинском языке. Хотя я ни эту бабушку, ни другую не застала. Мама тоже на грузинском говорила. Брат немного говорил по-грузински, он ходил только во 2-й класс. Бахадир его звали. Мама знала и говорила хорошо. Умела и читать, и писать. До конца своих дней перечитывала грузинские книги.

Жили наши довольно затрудненно. Местные власти их просто допекали. Работы по хлопку было очень много – сеять, пахать, собирать, оросительные каналы копать... И все вручную...

Бесцеремонно врываются в дом – с кнутами, долбят по-узбекски – вставайте, выходите на хлопок!.. А наши до этого и хлопка-то не видели, не знали, как сеять, как собирать.

Но постепенно научились, стали разбираться в хлопке, трудиться, да так, что опережали их самих

в этой работе.

Бабушка наша терпела – раз, другой, потом рассердилась: да сколько нам сносить эти кнуты? И однажды, как только во дворе появились два всадника, и только было взмахнули кнутами... как бабушка Чахо выхватила кнут у одного, другого, стянула обоих наземь, да как отхлещет этих мужиков их же кнутами... Задала им, короче... (смеется). Одного так отколотила, рассказывала мама, который донимал ее все время, что тот целый месяц провалялся в больнице.

Ну и тот пожаловался. Председателем колхоза тогда был узбек, не местный – приезжий (позже он с отцом работал). Он собирает колхозное собрание и говорит: я слышал, вы называете этих людей «головорезами», «плодоедами»... Чтобы больше этого не было. Они, говорит, выселены невинно, и государство переселило их на определенное время. Вы должны принять их по-человечески, как гостей. Станный был какой-то председатель, но он как-то сгладил острые углы и посадил жалобщиков на место. Хотя толпа начала: что это за люди – вон, женщина избивала представителя власти. Что, они, мол, такие жестокие люди, такие боевые, бьют направо – и мужчины, и женщины, одним словом – головорезы. А председатель говорит им: а вы-то что делаете? Разве можно камчой (кнутом – К.Б.) выгонять женщин на хлопок? Они языка не знают. Да к тому же старушка защищала себя. Лучше помогите им, чтобы они языку выучились.

После этого случая наших, выселенных, кнутами не стегали, бояться стали... Стали поговаривать, что наши женщины такие – никого в жилище не пускают, если мужчин дома нет... Это правда.

Бабушке Чахо удалось привезти в ссылку пятнадцать мешков пшеницы и кукурузы... Нашим в то время землю не давали. А узбеки прослышали, что есть зерно, приходят и просят: мы вернем вам урожай, только дайте нам посадить. Бабушка дает соседям по пять мешков кукурузы и пшеницы. Наши дают, а колхоз сажает... Таким образом распространяются в тех краях эти сельскохозяйственные культуры. Урожай бабушке возвращают, как и договаривались – два к одному, ну, и сами прокормились. Вот так, первые годы мы продержались на нашей грузинской пшенице и кукурузе.

Когда отца освобождают (это 1952-й год), он едет домой. Добирается до Иркутска... А мама ничего не знает. Ей четыре письма пришло, что умер, дескать, ваш супруг.

По дороге встречается ему один и говорит: ваши выселены давно, в Грузии уже никого нет. Ищи своих в Средней Азии. Оттуда он едет-едет, и доезжает до Казахстана. Там на базаре случайно встречает каких-то узбеков, те кишмишом торгуют. Начинает

расспрашивать. Да, говорят они, у нас есть такие соседи. Какие из себя? Такие-такие. Боевая, говорят, женщина, Чахо зовут, у нее дети есть, и кличут их так и так... Ну, отец узнает своих, и приезжает с этим узбеком.

Когда наши жили в Узбекистане, к ним неоднократно приходят письма, что отец умер. Треугольное такое письмо от имени правительства. А бабушка Чахо каждый раз, когда ей приносили подобное письмо, говорила: неправда это, я чувствую, мой сын жив. Ни разу не поверила, что отец умер.

Вот она и дала такой обет: хоть один час увидеть сына живым, а потом умереть. Согласна на это!.. – говорила. Это одно мое желание. А второе, говорила она, – хочу, чтобы мою могилу посыпали родной землей. Первая ее мечта сбылась. А вот второй она так и не добилась.

И вот когда в 1952-м году отец живым и здоровым появился перед нашими, бабушка была потрясена. Что это? – думает. – Дух моего сына, или все-таки он сам, живой? Остается с отцом один час, как и просила у Всевышнего, а потом умирает. Как дала обет, так и произошло. Все были поражены (особенно, соседи), что такая здоровая, крепкая женщина в одночасье умирает. Брат мой в это время играл с соседскими ребятами, ему говорят: беги скорее, твой отец вернулся... Он сначала не поверил, но потом все-таки побежал домой и видит незнакомого ему человека (он же никогда не видел отца). Сначала немножко дичится, но постепенно привыкает.

Я родилась 9 мая 1954 года. Помню себя с 5-6 лет. Помню, как в 58-м году родилась моя сестренка Хадия (у нее муж – генерал, они сейчас в городе Навои живут, в Узбекистане). В 62-м родился еще один братишка – Хейряддин.

Мы жили все вместе, в узбекском доме. В нем был «сандак». Это небольшая яма, сверху накрывался круглый стол, на него – одно большое одеяло. Все спали в одной комнате, свесив ноги в эту яму, в которой сначала разводили костер, а потом всю ночь тлели угли. Этот дом нам дали, когда нас привезли в этот колхоз, мы его не строили. До приезда отца наши бедствовали. Отец стал работать и постепенно в доме стал появляться достаток. Мало-помалу мы начали строиться. В 1968-м году переехали в новый дом.

Старший брат любил меня и всячески баловал. Все время покупал разные подарки. Младшим тоже, но мне больше всех. Он закончил университет и стал работать в нашей же школе завучем. Специальность его была – узбекский язык и литература.

Конечно, я и маму любила, но папу – по-другому. Хотя он довольно строгий был. На разные гулянья меня не пускал. Бывало, мама пускает, а отец нет. Потому что там были узбеки местные,

приезжие, таджики... Обычаи наши не совпадали. Но к соседям пускал, с ними у нас были хорошие отношения.

Еда у нас дома была, в основном, наша. Из узбекских блюд мы готовили только плов. А так – мы готовили мчади, хачапури, «кятмяр» (*пирог квадратной формы из слоенного теста, как с начинкой, так и без – К.Б.*), хинкали, сухое лобио. Грузинская еда, одним словом. Манты (уйгурское блюдо) тоже появились в нашем рационе. Так же, как дунганская лапша. Соседи не удивлялись, что мы едим не то, что они. Наоборот. Им даже нравилась наша еда; давай-ка, говорили они, и мы будем готовить ваши блюда. И научились-таки готовить нашу еду.

Из своих первых подруг я помню соседских девочек. Узбечки, татарки... Жанна была, Афия и Насия – это близняшки, Роза была. Мы вместе выросли и учились в одной школе на узбекском языке. Русского сектора там вообще не было. Оттого, что я выросла среди узбеков, язык мне давался легко. Дома мы разговаривали на двух языках: на нашем, месхетинском диалекте, и на узбекском. Иногда папа разговаривал с мамой на грузинском языке, но мы их не понимали.

Но дома всегда шли разговоры о родине. Папа всегда говорил: мы – грузины. До самой своей смерти (а умер он в 1993 году) он повторял это. В 1995-м году умерла мама. И от обоих мы слышали эти слова. Оба они – и отец, и мать – да упокоятся их души! – скончались, когда им исполнилось по 90 лет. Сначала отец. Справили годовщину, сразу же вслед за ним мама упокоилась.

Они постоянно говорили: мы – грузины. Отец был Хокишвили, его в 1936 году с этой же фамилией арестовали. Но в моем паспорте была записана другая фамилия. В 1956 году, после снятия комендантского режима, нашим стали выдавать паспорта. И тут возникает вопрос: а что делать с этими кавказцами? (Нас в Средней Азии называли именно так!). Отцу выдают паспорт с переделанной фамилией. Вместо Хокишвили записывают Хокиев, а национальность – «азербайджанец». И меня, и всех детей в нашей семье записали Хокиевыми. Но все мы, как и отец, считали и считаем себя Хокишвили (я все свои школьные тетради подписывала грузинской фамилией!).

Место, где мы жили, было довольно цивилизованным. Там были дом быта, дом культуры, больница. В этом поселке мы были единственной месхетинской семьей. В колхозе жило где-то триста семей узбеков, всего две татарские семьи. И среди них – одни мы.

Школа находилась в двух километрах от нашего поселка. Зимой мы брали фонарики, т.к. уроки начинались рано, без двадцати восемь. А рядом со

школой жили тоже наши. Это были дядя моего будущего мужа.

Папа работал диспетчером на автобусной линии, мама была домохозяйкой.

Когда я училась в 8 классе, объявили конкурс рукоделия. Итоги должны были подвести в городе Хорезме. Я решила сделать вышивку бисером. Работала тайком, никто не видел, даже мама. Несколько килограммов разноцветного бисера пошло на вышивку портрета Шота Руставели. Вышивала я на зеленом бархате. Бархат – ткань тоже тяжелая. У моего дяди была эта книга – «Витязь в тигровой шкуре». Я перевела портрет мелом, обшила контур нитками мулине. И начала заполнять поле бисером. За две недели закончила работу, чтобы успеть к конкурсу. Никому не показывала. Запиралась у себя в комнате, работала, потом прятала работу и выходила. Дома все знали, что я вышиваю, но не мешали. Отец моей подружки по моей просьбе сделал пышную такую рамку, и стекло с картоном вставил.

Пришло время конкурса. Поехали мы. С нами директор был, завуч (мой старший брат). А в Хорезме собрались конкурсанты из 12 школ. По команде все раскрыли свои работы. Комиссия была поражена моей вышивкой. Стали задавать вопросы – кто это, да что это? Я бойко отвечала, что это наш, кавказский писатель, в то время слово «месхи» не употреблялось, нас все называли просто «кавказцами». Я сказала, что он из нашего народа, поэтому я его вышила. И мы тогда заняли первое место! Вот радости-то было...

У наших, вообще, особое отношение к Шота Руставели. Из старшего поколения многие наизусть знали его поэму. Мой двоюродный брат (в Узбекистане) сам сделал нарды и разрисовал их сюжетами из «Витязя в тигровой шкуре». Меня Шота Руставели тоже очень интересовал. Как-то к нам приехала одна женщина родом из села Джагисмани. Так ей в приданое была дана книга Шота Руставели с его портретом. Это уже в Грузии было, в 1988 году. И я вновь загорелась желанием вышить нашего знаменитого земляка. Зимой вышивала. Чего сидеть зимой просто так? Ну, а потом все по очереди в деревне стали приходить, смотреть. Понравилась им моя работа. А я хочу подарить этот портрет Самцхе-Джавахетскому историческому музею, который в Ахалцихе. Говорят, там тоже есть вышитый бисером портрет, только царицы Тамар. По-моему, это будет интересно. Царицу Тамар вышила одна месхетинская женщина, а Шота Руставели – другая. Только раму нужно хорошую сделать.

В 1972 году я закончила 10-й класс, стала работать лаборанткой при хлопковой станции. Заодно и секретарем-машинисткой подрабатывала.

Со своим будущим мужем я познакомилась так. Его дядя, как я уже говорила, жили рядом с нашей школой. А он в детстве приезжал к ним в гости из Алма-Аты, из Казахстана. Вот он мне и понравился.

Обручили меня в 18 лет. Его отец и мать приехали к его дяде. А оттуда пришли к нам – сватать меня за Нуриддина. Короче, договорились между собой. Однако родители сказали мне: насильно не заставляем. Я ответила – выйду за него, и точка!.. Даже не знаю, чем он мне понравился. Помнится, когда он приезжал, мы бегали к ним играть. Мы – девочки, они – мальчишки... Они не принимали нас в свои игры, давали нам подзатыльники, гнали... А я, помню, топнула ногой и назло ему сказала: сколько ни гони, я все равно выйду за тебя замуж! (*смеется*). Мне было тогда лет 13-14. После этого я его вообще не видела, просто знала, что есть такой парень. У него была двоюродная сестра, она писала ему в армию, заодно и я написала. Он ничего не знал про сватовство. Я ему сообщила – а ты знаешь, нас с тобой обручили! (*смеется*) Писала я по-узбекски, а он – на русском. Потом, когда он вернулся с армии, сыграли свадьбу. Свадьба была в Узбекистане (это была «свадьба невесты»), а «свадьба жениха» – уже в Казахстане. Свадьба невесты обычно бывает без жениха, это как девичник. Народу было много – и соседи-узбеки, и наши были (со стороны жениха), его дядя, родственники...

Забирать меня приехали на поезде из Казахстана все, Бекир-гили. Человек двадцать пять – мужчин, женщин. Нарядили меня в свадебный наряд по нашим обычаям – катха, шапочка, какую носят замужние месхетинки. Длинный белый головной убор – лечек, и закрыли лицо. Так и вывезли к поезду. Когда меня выводили из отчего дома, то и пели, и танцевали, и плач был традиционный – все, как полагается. В нашем фольклоре есть такая свадебная песня-плач «Невеста»:

«Мама-мама», – заплачет невеста./Не находит себе и места.../Свекровь теперь тебе вместо.

Припев: Не плачь, не плачь, невеста./Не голоси, невеста.

«Папа-папа», – невеста скажет./Слезы свои никому не покажет./Отцом теперь свекор, скажут.

Невеста сестру к себе позовет./Горькие слезы на платье прольет./Золовка к ней в ответ подойдет.

«Милый братец, – невеста скажет./– Где ты, где ты, кто расскажет?»/А ей на деверя укажут.

Припев: Не плачь, не плачь, невеста./Не голоси, невеста./Добро пожаловать невеста,

Добро пожаловать, йенге!..» (женщина, сопро-

вождающая новобрачную к жениху – К.Б.)

Но мама у меня была крепкая женщина, не плакала. Напротив, дала напутствие: «Я 18 лет трудилась, растила тебя, чтобы ты не видела моих слез. Будь счастлива».

Когда подъехали к поезду, мужчины отделились.

В поезде женщины открыли мне лицо. Ехали мы до Алма-Аты в плацкартном вагоне двое суток. Когда стали подъезжать, меня опять нарядили. На вокзале нас уже встречали, среди них был и мой нареченный – Нуриддин. Рассадил по машинам и повезли к ним домой. У них был двухэтажный дом, они сами выстроили его в одном пригородном совхозе Алма-Аты.

Я приехала, конечно, со своим приданым: «стенка», диван, кровати, кресла, стол со стульями, телевизор, газовую плиту даже привезли. Ну, все, что положено...

Итак, я стала замужней женщиной. Моя жизнь изменилась. Все стало по-другому. Я уже должна была ходить с покрытой головой. Но чтобы сказать, что мужнина семья запрещала мне что-то, или я вообще должна была ходить закутанной – нет, такого не было. Но я не перечила им ни в чем, да и семья попала хорошая. Все время смех, шутки, благорасположение... Я их всех уважала, почитала. Ну, и они меня полюбили. Свекровь и свекор были замечательными людьми, и я полюбила их, как своих родителей. Деверей братьями почитала, а двух своих золовок сестрами считала. Не говорила – это твое, это мое...

Но, оказывается, я многого не знала. И всему этому меня учил муж мой Нури. Эта «школа» продолжалась всю ночь до утра. Он шепотом разъяснял мне, каковы старики: если будешь поступать так, то заслужишь их уважение. Если ты будешь почитать, то и тебя будут уважать. И я послушно следовала его словам и советам.

Несмотря на свой характер. А характер у меня был... Я строптивая была, своевольная, я бы даже сказала, грубая, всегда настаивала на своем. Короче, у меня, скорее, был мальчишеский характер, чем девчачий. (Этот характер я вижу у своей младшей дочери – Гюльназки, точно такой же – нравный.) Но, несмотря на это, я постепенно превращалась в мягкую послушную жену. Это происходило благодаря моему мужу Нурику (*смеется*). То есть, это была сила моей любви к нему, я бы сказала, сила супружества.

Дети у нас родились не сразу, а только через три года. Я, конечно, с одной стороны переживала, но с другой говорила себе: будем ждать. Когда Аллах даст, тогда даст. И когда мы узнали, что ждем ре-

бенка, сколько было радости!.. Больше меня они радовались. Тем более, мальчик родился, Рустам, в 1978 году.

Все были рады, но я была рада больше всех. У меня изменился характер. До замужества я была жесткой, категоричной, но потихоньку становилась нормальной женщиной. Во мне появились мягкость, нежность, забота, терпение... Потом у нас Гюльнара родилась в 81-м.

Как я уже сказала, мы жили в Алма-Ате в двухэтажном доме, где у нас была своя комната. Нури в это время учился (в Алма-Атинском университете на экономическом факультете) и работал на заводе тяжелого машиностроения.

Жили мы ни богато, ни бедно. Средне жили. Конечно, у меня были золотые украшения (они и сейчас есть). Но я любила носить только обручальное кольцо. На свадьбу свекровь подарила мне золотые полые бусы, такие же серьги, какие принято носить у нас, мажары, махмудии (*золотые монеты с изображением австрийского императора Франца-Иосифа и турецкого султана Махмуда – наиболее популярные на шейные украшения месхетинских женщин – К.Б.*), шесть золотых колец... И одежда, само собой. Был и серебряный пояс. Правда, это был не женский, и не для меня купленный, их деда пояс был. Просто надели мне на свадьбе, чтобы соблюсти традицию. Но потом его заменили другим, позже купили.

Нури работал инженером на заводе. Я больше десяти лет проработала в цветочном совхозе.

В этом большом доме жили два моих деверя, две золовки, свекор со свекровью... Жила еще с нами одна бабушка – жена брата свекра, который не вернулся с фронта – пропал без вести. Орудж его звали. Она осталась с сыном и дочерью. Десятилетний сын ее Абузар умер в первые же месяцы ссылки. Тогда много народу пало.

Девери мои были еще маленькими, так что я была в доме старшей невесткой.

Нури был членом КПСС, но конспиративно занимался вопросом возвращения наших на Родину. В 1975-1981 годах он был руководителем районного отделения нелегальной организации месхетинцев «Временный Освободительный Комитет» (ВОК) Каскеленского района Алма-Атинской области.

Власти угрожали ему, даже из партии исключили, в 1982 году. А официальная причина была совершенно смехотворная: «За разжигание эмиграционных настроений среди месхетинских турок». Тем не менее, муж не бросил это дело. Он восстановился в партии (в 1983 году), продолжая активно бороться за возвращение на Родину. И в 1986 году мы репатриировались в Грузию, в село Насакирели Озургетского района.

Когда мы уезжали, мне трудно было расставаться. Я переживала. Как будет на новом месте?.. Но что делать? Куда хозяин, туда и ты. А связь с моими родственниками, что в Средней Азии остались, мы поддерживали. Они и сюда приезжали – и те, и другие, гостили у нас, восхищались природой...

Чинар родилась уже в Грузии, в 87-м, также и Гульназ, в 91-м. Когда мы переезжали, я была не очень здоровой. Давление беспокоило, сердце. Но как переехали, у меня все как рукой сняло. В Алма-Ате я все время в больнице лежала. А когда носила Чинар и Гульназку, была бодрая, крепкая, даже в район пешком ходила. Климат здешний мне подошел. Гульназ родилась прямо дома, роды приняла Дилара, жена друга нашей семьи Рустама Бекадзе.

До 1992 года Нури работал в селе заведующим библиотекой. А я чай собирала. Муж помогал мне в свободное время. Тяжело это было – и стабилизатор таскать с собой, и мешок. Но, правда, в дождь и снег не заставляли работать, никаких кнутов не было (*смеется*). Но кто хотел заработать – сам выходил и в непогоду. На чае мы зарабатывали хорошие деньги – по 500-600 рублей в месяц. Но добывались они нелегким трудом. Даже ревматизм себе «заработали» на чае. Это, конечно, от сырости – в дождливые дни сапоги наполнялись водой.

Когда мы приехали, наши уже жили здесь и приняли нас хорошо. К нашей семье и тогда хорошо относились, и сейчас хорошо относятся.

В нашей деревне Насакирали вообще все мирно уживаются. Потому, на мой взгляд, что грубости меж нами нет. Не разбираем кто какой национальности. Для нас все равны – все соседи. Все мы творения Аллаха.

Я их всех уважаю. Как себя, так и их. Они тоже люди, зачем их унижать? Ведь если я их буду унижать, тем самым унижу себя. Поэтому я, лично, не разделяю людей по национальности – тот такой-то, а этот – другой... У нас в семье это не принято, особенно у мужа моего, Нури. Он, вообще, гуманист, ко всем с любовью относится.

Сплетни я не люблю, терпеть не могу пустой болтовни. Любят у нас кумушки в деревне выйти на «пяточок» и посудачить. Это не по мне. Лучше я в огороде или на поле поработаю, поухаживаю за своими овощами (*смеется*).

Как я к людям отношусь, так и люди ко мне. Вот, например, к Чинар, дочери нашей, приходят ее одноклассники (она учится в сельской грузинской школе) – и армяне, и грузины, и русские. И Чинару я отпускаю на их встречи, дни рождения. Почему она должна отличаться от своих одноклассников? Она такая же, как и все.

Когда мы приехали сюда, мы твердо знали, что мы – грузины. И я не слышала, чтобы про нас гово-

рили, что мы «турки».

Когда мы переехали в Грузию, Нури носил фамилию Бакиров, я была Хокиева. В 1989 году мы восстановили свою фамилию. Это произошло с помощью Гурама Мамулия. Он многое для нас, репатриантов, сделал – мир его праху!.. (*Гурам Мамулия – историк, диссидент, правозащитник. Неустомимый борец за реабилитацию и возвращение месхов. В 90-х годах по инициативе Г. Мамулия была образована государственная структура – Служба репатриации, которую он возглавил. В марте 2001 года вместе с сотрудниками Службы репатриации (в числе которых была и автор этих строк) подал в отставку в знак протеста против политики правительства Грузии в отношении депортированных месхов. Скончался в 2003 г. – К.Б.*) Приехал автобус, нас забрали, отвезли в районный центр Озургети, в клуб. Было торжественное собрание, и там всем нашим репатриантам выдали новые паспорта с нашими восстановленными фамилиями. Нури получил паспорт со своей исторической фамилией Хосадзе. Как мы ликовали!.. Будто заново родились... Потом вся наша семья поменяла документы: паспорта и метрики. И все! Мы – грузины, месхи, местные жители... Какие могут быть разговоры?

1992-93-й годы были голодными. Но мы выжили благодаря семейной сплоченности. Работали, не покладая рук – на огороде, в саду, собирали травы... Одну зиму продержались на одной тыкве, неурожай был. Выдержали, слава Аллаху! Женили сына, у нас уже здесь внук растет, радуется нас.

Что самое трудное в женской судьбе? Нужно научиться ладить с близкими людьми. Для этого нужно только терпение. Самое трудное – научиться терпению, а счастье для женщины – это советоваться с семьей, жить в мире и согласии вместе со своими детьми и внуками.

Для меня Родина значит много. Это земля моих родителей, моих предков. Папа с мамой много рассказывали, как до депортации они дружно и согласнo жили со всеми соседями.

Мы до сих пор сохранили наши традиции, нашу кухню – хинкали, хачапури, лобио, мчади... Для меня это очень близко. Несмотря на то, что я родилась и выросла в Узбекистане, мне все равно ближе Грузия – не знаю, почему (*смеется*)... Но это как-то изнутри идет.

Я считаю себя очень счастливой женщиной.

10 января 2004 г.
село Насакирали Озургетского района
Аудиозапись расшифровала и материал
подготовила
Клара БАРАТАШВИЛИ

“ГРУЗИЯ, ПРИМИ СВОЙ НАРОД!”

Краткая предыстория. К сестре моей, живущей в Мингечевире (Азербайджан), обратилась одна мекхетинка и попросила помощи.

Ее родственники живут в бывшем совхозе Шильян Евлахского района, где в 90-х годах поселились депортированные мекхетинцы, бежавшие от ферганских погромов. Правительство Азербайджана обеспечило их домами, землей, все желающие получили азербайджанское гражданство. Но многие разъехались, — кто в Турцию, кто в Россию, и родственники ее, скорее всего, тоже тронутся. Правда, куда — не знают.

При побеге от погромов потерялись документы их старшей бабушки. А куда без них? Не сможет ли сестра помочь им получить какую-нибудь справку из архива в Грузии?

Сестра записала все ее данные, и передала их нам.

Справку мы достали. Но, увидев год рождения бабушки, я подумала, что интересно было бы услышать личный рассказ 96-летней мекхетинки. Это ведь живая история...

И вот мы поехали в этот совхоз. Была ранняя весна, шел дождь. Утопая в грязи, расспрашивая жителей, мы нашли, наконец, нужный дом и вошли в теплое помещение.

Бабушку Гюльдаст мы застали в позе, в которой обыкновенно сидят старики: она уютно сидела на деревянной тахте, обложенная подушками, и отрешенно думала о чем-то. На ней был вязаный жилет поверх теплой кофты и цветастый шерстяной платок, покрывавший седую голову.

Я показала ей привезенную справку, но она только равнодушно взглянула на нас. Документ из моих рук со словами благодарности бережно подхватили женщины.

И только после того, как старшая невестка громко сказала: «Это из Грузии, бабушка!.. — и, посмеиваясь: — Приехали забрать тебя на Родину!» — она как-то встрепенулась, и в тусклых глазах ее появился живой взгляд.

«Сколько же она знает...» — подумала я, глядя на уже какое-то нездешнее выражение ее морщинистого лица, и достала диктофон с фотоаппаратом, которые тут же стали предметом повышенного внимания многочисленной детворы.

Я всячески постаралась разговорить бабушку. И вот, что из этого вышло...

«Дом — символ родного очага, того кровного, что единит нас с землей наших предков. Потеряв его, человек превращается в перекасти-поле, лишается своих корней».

Расул Гамзатов

Я, Гюльдаст Таирова, родилась в 1908 году, в селе Амхвери Адигенского района Грузии. Выходит, мне 96 лет. Замуж я так и не вышла. До сих пор ни один мужчин не касался меня.

Моего отца звали Тейар, деда — Осман. Мать моя Сона была родом из села Орпола Ахалцихского района. Это сейчас для нас большие расстояния привычны, а тогда считалось, что маму далеко замуж отдали — из Ахалцихского района в Адигенский.

Наше село хорошее было, слава Аллаху. Всего было вдоволь — молочных продуктов, фруктов, всего... Я сама работала дояркой на ферме, колхозных коров доила. А брат мой овец колхозных пас.

В нашем селе грузин-христиан вообще не было, жили только мы, мусульмане.

Грузины-христиане жили в Уде, Дерцеле, Арали, в Вале.

А в тот день, смотрим, грузины появились. Наступил вечер, пришел заведующий фермой и говорит мне: «Иди, сдавай масло и сыр». Пошла я к амбару, открыла ключом большой замок, собрала сливочное масло (мы его формовали в виде брусков), отнесла, показала. Ну, чего, скажи, пожалуйста, всё им демонстрируешь? Себе хоть оставь что-нибудь! Три бочки с сыром стояли у меня там в амбаре. Ничего не оставила, все сдала заведующему. Он забрал у меня ключи, сам закрыл и сказал: «А теперь иди».

Прихожу домой, а наш отец сидит, пригорюнившись. Один был дома. Невестка ушла куда-то, но вскоре, очень озабоченная, вернулась. «Что случилось?» — спрашиваю. Отец только плечами пожимает. Толком никто ничего не знал, но беспокойно как-то всем было в тот вечер.

Наступила полночь. Внезапно постучали в дверь. Я сказала отцу — ты не выходи, мы сами посмотрим, кто это ломится в такое время. Да и брата одного дома нет — на войне он был. Шукри его звали. А мы, сестры — старшая Шехрят, потом я, Гюльдаста, и младшая — Зульбия.

Пошли мы смотреть, видим — к воротам подъехала бычья повозка. Пригляделись — и не арба это вовсе была, а такая, зимняя упряжка — на полозьях,

не наша. У нас, вообще-то, ни лошади не было, ни арбы. Говорят нам – грузите свои вещи на эти сани! Что грузить? Для чего? Выдвинула я на середину сундук, он так и остался там... Два полных сундука, клянусь Аллахом! Пару постелей взяли. В то время жил у нас двоюродный брат. Дядя сам скончался, у него двое сыновей осталось. Так один был на фронте, другой у нас жил. Плачем все. Принесли, погрузили кое-что из его вещей, что-то из наших. Но почти всё оставалось. Зашла я в кладовую, взяла несколько подушек (береженных для гостей) и маленькие матрасики, мы их «отур-ках миндари» называем. Я говорю солдатам (двое их было): «Солдатики, милые, разрешите, ради Аллаха, сбежать на могилу матери, горсточку земли взять. Она тут недалеко похоронена». Разрешили. Побежала я, взяла землю, завязала в платочек. И тут они начинают выталкивать нас прикладами винтовок: «Давай! – говорят по-русски, – выходите, хватит копать...»

Ну, да ладно. Вышли мы. Идем пешком, рядом с санями.

Немножко спустились – видим, люди коз перед собой гонят, баранов, чтобы было, что в дороге поесть... Дошли до села Кахарети, перешли речку Кваблиани.

А нас было – сестры, жена моего дяди (старушка уже), невестка с ребенком – жена брата, что на фронте. Кроме того, родной брат и двоюродный. Невестка увидела, что люди додумались скотину с собой забрать, говорит мне: «Давайте, я схожу назад, домой и хоть пару овец заберу, все равно остаются». А овцы и бараны у нас были, что надо – здоровые, упитанные. Не знаю, говорю, пустят ли? Странно, но отпустили. Брат с невесткой бегом побежали, и вскоре вернулись с овцами. В селе Кахарети зарезали мы их. Сварили на костре с горем пополам – где сварилось, где сырым осталось... Распихали по посуде.

Было время вечернего намаза, когда приехали эти жуткие громадные машины. На них-то и отвезли нас к поездам, а там затолкали в вагоны.

Как я уже сказала, мы почти ничего не смогли взять с собой. Две пары постели, килим (*безворсовый ковер – К.Б.*) был у меня один, новый совсем, ни разу на пол не стеленый, на сундуке лежал, сложенный. А что касается еды, то тоже – ничего!... Ни сыра, ни хлеба... Даже муки дома не было. Как раз наемни брат отнес на мельницу два мешка пшеницы, не успели ее забрать.

Но все же Аллах никого без хлеба не оставляет, доченька!.. Потому что Дающий он...

Пришли под Кахарети, а там жила наша тетька – сестра отца. Ее сын Хамди в сельсовете работал. Она-то и принесла нам в дорогу мешок муки, прямо к поезду. Вечерело, как поезда тронулись. Какой рев тут поднялся, до сих пор помню этот ужас... Да мы и сами вопили, как резаные... Повезли нас, горемычных, куда – не знаем...

Когда в Баку приехали, дорога как-то разделилась. Поезд поехал в сторону Нальчика, Баку в стороне остался. Дальше – видим из вагонов какие-то холмики, думаем, – кладбище что ли? А это, оказывается, виноградные лозы были, их на зиму в землю закопали. Мы-то в горах жили, винограда до того не видели.

О-о-о..., чего только не было с нами в дороге. Старушка – жена нашего дяди – умерла там же, в вагоне. Ночью это было. Раскрыли дверь с грохотом, стащили ее, бедную, и уволокли куда-то... (*плачет*) О чем тебе, дочка, рассказать? Поплакали мы, когда бабушку унесли. Ну, еле заснули.

В поезде две невестки разродились – Сурия (ныне покойная) и Баттон. Открыли опять двери, кричат: «Что это там случилось у вас?» Ребенок родился – вот, что случилось! Ну, они на это ничего не сказали, убрались.

Спим все вместе (*вздыхает*). Утро занялось. Открыла я глаза, вижу, – а рядом со мной один дедушка лежал (из села Гомаро был) – и он умер (*плачет*).

Пришли за этим дедушкой, а я не отдаю его тела. «Зачем он вам? – говорю. – Ведь выбросите где-то...» Как раз стоянка была. Говорю солдатам – мои братья быстренько выроют маленькую могилку вон там, за углом. Там его и схороним, все равно поезд стоит... «Чахо!» – зову брата. Говорю

отцу: «Вон там я его похороню... Грех так просто отдать старичка этим душегубам. Он намазы делал, пост держал, хоть не на кладбище будет похоронен, пусть просто могила будет...»

Не пустили!... Солдаты, негодяи, не пустили... А я уже ребят отправила (за уголком там какой-то водоем был), велела выкопать там могилку. Опять пришли эти проклятые солдаты. Тычут в меня прикладами то в один бок, то в другой, затолкали в вагон... Заплакала я, запричитала... А отец ругается: «Какое тебе до него дело, оставь это дело...» Я – сквозь слезы: «Жалко мне его... Ведь он правдивый, грех так оставлять усопшего».

А как солдаты отошли от вагона, мы все-таки взяли этого дедушку и тайком пристроили в другое место – быстренько выкопали за углом станции маленькую ямку. Успели сверху камень положить. Даже молитву успокойную удалось прочесть, и побежали к нашему вагону. Моя племянница была замужем в Гомаро, двоюродные братья (по матери) были из Гомаро... С этим дедушкой мы были знакомы, потому и радела так за него.

Вот такое я видела, доченька...

Не ели, не пили. Пусть никому не доведется увидеть то, что мы видели... *(плачет)*

Наша невестка родила в дороге. Брат-то на фронте, уходил – один мальчик был у него. Родилась девочка. Невестка лежит, встать не может. Я приняла роды, взяла новорожденную на руки (назвали ее Мюлькия), прижала к груди, и мальчик приткнулся ко мне. Сидим так в задумчивости, а поезд – так-так, так-так... – стучит колесами.

Вай-вай, доченька, чего только не пришлось мне увидеть...

Сижу я с этими детьми, покачиваясь в такт движению поезда, и говорю: «Вот, какая, Нури-джан, у нас судьба...»

Пайки нам давали в дороге. В ведрах приносили еду, как-то странно называли ее – «коча», что ли...

– «Каша», наверное...

– Может быть. Принесли эту «кочу», покормила я детей. А хлеба не давали.

Смотрю, опять солдаты идут. Крутится, паразит, возле нас, проверяет – нет ли больных, чтобы снять с поезда.

– А что, врачей там не было?

– Какие там доктора, что ты? Покрутился, смотрит, лежащих нет (кроме невестки), все на ногах. Ушел. Потом вернулся и спрашивает меня – а в руках-то что у тебя? Я раскрыла кулек тряпья и тычу ему – гляди, ребенок! И ничего больше... Ну, ему и сказать нечего. Повернулся, ушел.

Занялось утро. Подъехали куда-то. А это был Катта-Курган. Выпустили нас. Говорят – в баню вас сейчас отправим. Какая баня в такую холодину? Раздеваться заставили. Полностью! А ведь женщины есть, девочки, мужчины – и мы все вместе...

Мы, женщины, ревом, вопим, не раздеваемся... А солдаты толкают нас прикладами то в спину, то в бок, то туда, то сюда... Заставили-таки раздеться, запустили вовнутрь, а там – холодища!.. И вода эта зловонная тоже ледяная. Декабрь это был... В общем, кое-как искупались. Вышли, а вещей-то наших нет! Как завопим: «Вай-вай!.. Украли!..» Голые девушки, женщины, ну, просто ужас!.. Ни платьев, ни платков, ни исподнего... У меня какой-то фартук оказался, я им прикрылась спереди, а назад и смотреть боюсь *(смеется)* – там голо. Оказывается, наши вещи забрали (мы-то в дороге завшивели, одежда просто кишмя кишела насекомыми) и тоже пропустили через эту смрадную жидкость. Принесли ее наконец, мы кое-как натянули ее, мокрую. Вот, в промозглой одежде и повели всех нас скопом куда-то – в какие-то казармы. А у некоторых одежда так и не нашлась. Смотрю – впереди молодая девушка, грудь открыта, а она голову, бедняжка, опустила – стыдно ей. Так я сняла с себя этот фартук, дала ей прикрыться. Как она благодарно сверкнула глазами... И прикрылась торопливо.

Не одна она такая была. Некоторые тоже не нашли своей одежды. А в платьях у них под мышками были защиты золотые монеты – «мажары», вот, кто-то и позарился на них. Я подошла к мужчинам, говорю – люди, как не стыдно? Нельзя так женщин оставлять!.. Надо одеть их!.. Кричу на них, ругаюсь... А что делать – вижу, никого толкового нет. Короче, у того одно взяла, у другого – другое, бегаю туда-сюда, вижу – то у одной заднее место голое, то у другой... Но кое-как одели женщин.

Пошли мы к своим вещам. А там – батюшки!.. У кого сыр украли, у кого масло...

Я сказала: нельзя так, соберите все и пойдем. Собрали мы вещи, пошли... Привели нас в какое-то темное место. «Вот здесь посидим, – говорю я, – может, кто и придет за нами». Сидим, ждем... Смотрим, идут какие-то люди.

– Солдаты?

– Не знаю, солдаты то были или сельчане... Вай-вай, я так вся и затряслась... Так до вечера и просидели. Пришел Сяди-эниште – муж моей двоюродной сестры, собрал нас и отвел во двор к одной старушке-узбечке. Сказал: бабушка, свари им что-нибудь поесть. А бабуся эта, взяла, да приготовила каурму. Обжарила мясо, бросила его в кипяток (у нас слюнки аж потекли – голодные ведь!), сварила и поставила перед нами: ешьте, детки... Поели-попили... Смотрим, к калитке повозка подъехала. Давай, говорят, грузите вещи! Погрузили. Сели мы в эту арбу и приехали в дом какой-то другой старушки. Короче, эта старушка стала нас опекать. Мало кого вместе оставляли, родственников, я имею в виду. Одних в одно место послали, других в другое... Где мать, где отец, где родня?.. Только много позже нашли люди друг друга. Мне сказали – твоя сестра

вон аж где... с поезда ее сняли. Сестра Шёхрат в одну сторону попала – в Булунгурский район. Мы в другую, в Иштихан, в Узбекистане. Вот так вот.

Узнали мы, что где-то неподалеку черная мука продается. Оказалось позже, что не мука это была вовсе, а отруби. Достала я брусок масла (пять килограммов в нем было), сказала отцу: «Сходите с братом, поменяйте его на муку, хоть будет, что поесть». Масло мы оттуда, из Грузии привезли. Взял отец это масло, пошел. Холодно было, замерз он по дороге, решил закурить. Отвернулся от ветра, закурил, глядь, а масла уже нет! Украли!... Да так ловко, что никого он не увидел. Вернулся без масла и без муки. Увидел нас, заплакал – без ничего, говорит, пришел я, подвел вас... Я немножко поворчала: что, нельзя было часок обойтись без табака? «Холодно было, дочка, – виновато так говорит отец, – не удержался я, дай, думаю, хоть куревом согреюсь...» А сам плачет неутешно. Так был расстроен, что слег. Двадцать дней пролежал. Все горевал молча, слезы глотал. От безысходности. От того, что не смог защитить свою семью. Так и умер. Остались мы одни, совсем сироты. Детей много. Невестка еще молодая (чей муж на фронте был), двое детей у нее.... Сестра, двое мальчиков... Уф!.. И мука пропала, и масло, ничего нет, кормить нечем. Спасибо той старушке – да не разлучит ее Аллах со своей верой!.. Бабушка, – сказала я ей, – так вот и так, – отправили отца с маслом и вот как дело обернулось. Старушка сама-то не больно разговорчива была, а дочери ее недовольны были, все ворчали и ворчали... Глядим, старушка «юху» (*тонкая лепешка из пресного теста, лаваш – К.Б.*) испекла, принесла нам. Вот, говорит, хоть чего-нибудь поешьте на ужин. Поели эту лепешку. Дождались утра. Утром она зовет меня: «Доченька!..» А я в ответ: «Что, родимая?..» Она и вправду стала для нас, как мать, эта узбечка. Несет она большую кастрюлю, а там курица в горячем бульоне! Говорит: «Позови всех ваших, пусть поедят... И невестку позови, жаль мне ее. Ребенок у нее, несчастной, маленький...» Поели мы, и невестка тоже. Но не помог ей этот горячий бульон, умерла она вскорости, и остались на мне еще двое детей-сирот. Когда мама умерла, младшему братишке всего полгода было. У невестки двое детей... Куда мне было замуж? Считаю, для детей я бы умерла. Так и не вышла замуж. Хотя видная была, крепко сбитая, работающая. Но не довелось мне создать свою семью. Такова, значит, была воля Аллаха...

Ну и начала я растить этих маленьких. По дворам ходила, хлеб собирала, какие-то огрызки давали – приношу, дети едят. И тут случайно узнаю, что есть такое место, где за детьми ухаживают – с утра до вечера, за государственный счет. Вроде яслей или детсада. Взяла я этих двух малышек, сказала заведующей: «Апа-джан (*«апа» – «сестра» по-узбекски – К.Б.*), возьми к себе и этих несчастных

сирот!... Что всем даешь есть, тем и этих наделяй, не дай им умереть, заклинаю тебя Аллахом! Может, вернется их отец с фронта, отблагодарит за то, что его детям жизнь спасла...» (*плачет*) Взяла она их туда – благодарение ей! Три года они там пробыли. Утром отведу, вечером заберу... Сестру на работу взяли. Как только приехали, ее тут же забрали на работу. Всех наших скопом забрали... Уф!.. Устала я вспоминать...

– *А что-нибудь хорошее вы помните?*

– Ну где я могла видеть хорошую жизнь, дочка? На Кавказе мать умерла. Остались дети малые у меня на руках. А мне было лет пятнадцать. Когда высылали, я уже взрослая была, 36 мне уже было. Не пришлось мне замуж выйти – всё заботы о семье и моих младших. Я ведь старшая была, все хозяйство на мне было. Да и куда я их брошу и выйду замуж? Вот и растила их всех – сначала своих братьев, сестер, потом племянников, потом внуков... Так и жизнь прошла. Для себя, можно сказать, и не жила.

– *Вы помните, какие у вас дома были?*

– Дома у нас хорошие были, как игрушки, с двумя окнами на одной стене. Четыре дома. Один назывался «фурун еви» (*«помещение для фуруна»*). «Фурун» – *печка особой постройки, в которой месхетинцы пекут хлеб – К.Б.*), там мы хлеб пекли. В деревне два дома было, в одном невестка жила с детьми, в другом – мы. В четвертом спал отец. Был одноэтажный дом, в земле вырытый. Там летом было прохладно, а зимой – тепло. Был у наших родственников еще один большой дом, с балконами, он в глубине деревни стоял. Пять братьев наших было, и когда они разделились, этот дом достался младшему.

– *А село ваше большое было?*

– Да нет, всего тридцать дымов в деревне было. Родом мы из Амруллаха идем. Это корень наш. Так звали моего деда. (*Смеется*). Ну, надо же!.. Думала, не смогу вспомнить, а, видишь, вспомнила... Его брата звали Суло. У него не было потомства, зато он был очень богат. А наших много было...

– *А вода, воздух? Какие они вам вспоминаются?*

– Вода у нас была очень хорошая (*с гордостью*), и воздух тоже. Всего у нас было вдоволь. И масло тоже было особое, пальчики оближешь... И сады у нас свои были. Отец в центре села заложил такой сад... Построил там хороший дом... И там на лето селилась жена старшего дяди. (Эта была та самая бедняжка, что умерла в первые дни в поезде, ох, ох...) Слив было много в этом саду, яблок, груш... Ах! Как вспомню их запах и вкус!.. Тетя эта (звали мы ее «старшая абла») делала пастилу, сушила сливы, яблоки готовила для «каха» (*очищенные сушеные фрукты, заготавливаемые на зиму – К.Б.*), нанизывала их на длинные нитки. Все это она де-

лала отменно. Она была родом из села Кахарети. Кахарет – фруктовый был... А уж в заготовках кахаретским не было равных. Все было и вкусно, и красиво. Кроме того, она брала туда и свой ткацкий станок, на котором шерстяное полотно ткала.

Все заготовки на всю нашу большую семью она в этом саду делала. Муж ее (наш дядя) обычно жил у себя дома. Но летними вечерами приходил и оставался у нее в саду. Муллою он был, Раджаб его звали. А аблу нашу, умелицу – Махбуб.

Чего только она не делала из фруктов... Все! «Ачму», например. Это сливу разделяли пополам и сушили. Зимой ее бросали в кипящую воду, заливали топленным маслом и ели. Лакомое было блюдо... Абла наша много чего делала, говорю же, – она была дочерью Кахарета – фруктовое это место было.

И скотина была у нас. Три сарая было, полных животных. Да столько, что в одном загоне овцы и бараны были, в другом – буйволы, в третьем – коровы.

Всего у нас на Кавказе было вдоволь. Изобилие было... Урожайно и плодородно... Но и работать приходилось много.

На праздники ездили мы в Кахарет, читали Коран. В селе Самкуре муллою был Али-эфенди, он в Стамбуле выучился. В Кахарете тоже двое-трое мулл было. Как заберутся они на минарет, да как запоют азан (*призыв верующих к молитве – К.Б.*) – заслушаешься...

В конце мая мы поднимались в горы, на яйлу. Доили скотину. Свою, родственников и этой старшей аблы, которая занималась заготовками в саду. Позже высоко в горах построили ферму. Фермерских коров и овец там доили. Все хозяйственные дела свои мы там делали. Жили себе, не тужили...

А потом вдруг – раз! – выслали нас и повезли – куда, зачем, сами не знаем.

В нашем селе Амхвери жили только мусульмане. Как и в Кахарети, в Иджарети, в Самкуре не было грузин-христиан, так и у нас.

Деда наши приехали из Турции, построили себе дома. Это были Амруллах и Суло. Прибыли из Ардагана и женились здесь на кахаретских девушках.

– Ардаган – это тоже Месхетия, просто в 20-х годах Ленин эти земли их Турции отдал.

В нашем фольклоре даже «мяни» (четверостишие) есть, где упоминается Ардаган:

*В Ардагане птичка есть,
Серебра на ней не счесть.
Ушел милый по делам,
Где искать его – невесть!..*

(Бабушка смеется)

– Что вы, бабушка, думаете о нашей Родине?

– А что мне думать?.. Я-то ведь не успею вернуться – мне 96 уже. Да откроет Аллах нашим путь в свое Отечество! Мечта вот у меня есть – чтобы семья моя, да и все наши укоренились у нас на Родине, в Грузии. А я на это возвращение уже не гожусь. Время мое вышло... А может, все-таки успею, как думаешь, доченька, а?..

– *На все воля Всевышнего...*

– Долго я прожила, деточка... Видишь, сколько мне лет? Даже толком говорить не могу.

– *Что вы!.. Замечательно все рассказали...*

– Вот такое мы пережили, дочка. Сначала там были, потом оттуда сюда переселили, после Ферганы. Брат тогда сказал: «Не поеду я, останусь в Узбекистане». А начальник ему: «Чахо, я не смогу носить тебя на голове, как раньше». Уважали моего брата. Ну, он пришел и сказал: начальник не гонит, но говорит, сам решай. И сказал: «Если все наши уедут, что мы тут одни останемся? Ни родственников, ни своих...» Это был колхоз «Октябрь» Иштиханского района в Узбекистане.

Вот мы из Узбекистана и приехали в Азербайджан, забрали нас в Саатлинский район. Там наши родственники оказались. Пожили немножко у них, месяца три. Ни дома своего, ни места прийтнуться. Столько работали у них – коров доили, следили за хозяйством, – только из-за куска хлеба. Потом выделили нам помещение бывшей бани, пожили там месяцев пять, а потом сюда вот приехали. Знали, что наши здесь живут, и пропитаться легче. Позвали нас сюда дальние родственники. А сами взяли, да в Турцию уехали. Директор совхоза был из наших, месхетинцев. Он тоже в Турцию подался, никого почти не осталось. Трудно одним. Ну, хоть кое-кто из наших есть. Вот и живем здесь.

И не знаем, какой «кысмет» (*рок, предназначение, Судьба – К.Б.*) у нас. Дадут Родину – поедем, не дадут... Куда большинство подается – туда и мы.

Я как-то слышала по радио, что международные организации настаивают: Грузия, забери своих людей! Возьмешь – поможем обустроить их, заводы построим, фабрики. Своими ушами слышала: «Прими свой народ! Это трудолюбивые люди, создадим все условия, и тебе, Грузия, это на пользу пойдет».

Но не принимает Грузия...

14 марта 2004 г.

Аудиозапись расшифровала и материал подготовила
Клара БАРАТАШВИЛИ

“ПЕХЛИВАН КИРМАН, НА КОВЕР!..”

(РАЗНЫЕ РОЛИ, ОДНА СУДЬБА)

«...лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов».

Шарль Монтескье

Я, Нателла Ахмедли, родилась в 1955 г. в городе Мингечауре.

Меня всегда волновал один вопрос: кто я? Когда я слышала грузинские напевы, голоса, видела грузинские лица, меня это всегда очень волновало и привлекало. Долго я не могла понять, отчего. То ли кровь грузинская во мне говорила... И назвал меня папа Нателлой, это тоже грузинское имя. Он любил звать меня с грузинским акцентом: «Натэлла, доченька моя...» Я жила в благополучной семье, в достатке. Отец заботился только о семье, думал о ее благополучии, о воспитании детей. И это ему удавалось.

Кто мой отец?

Его звали Кирман. Родился он в 1922 г. в селе Лелван Адигенского района Грузии в семье Шабан-аги Центрадзе. Семья была богатая, привилегированная. Они владели большими земельными угодьями, пастбищами, у них было много скота, мельницы. Даже лесопильный завод. Дед мой, Шабан-ага, был приставом села Лелван. Он заботился обо всех жителях своего села, как мусульманах, так и грузинах-христианах. Был как-то случай, что турки напали на деревню. Это где-то в году 18-м было. И дед наш прятал у себя в подвале грузин-христиан.

Наш род был знаменит еще и тем, что папа был известным борцом – пехливаном. Он с самого детства был физически развитым, крепким юношей. Он был самым сильным в округе, никто не мог победить его.

Когда в 37-м году арестовали его третьего брата, Анвара, папа приехал в районный центр Адигени. А там сразу прознали, что приехал известный Кирман-пехливан из Лелвана. Подготовили майдан, стали звать его: «Пехливан Кирман, на ковер!..» Он отказывался вначале – какая тут борьба, когда в семье горе? А брат его, оказывается, сказал ему: иди, говорит, борись, и докажи, что мы, Центрадзе, непобедимые! И вот, говорит, я уходил и все оборачивался назад. Анвар все махал мне ру-

кой: ступай, Кирман-джан, ступай!.. И он пошел с радостью в душе, что брат благословил его на поединок. Тогда он одолел того пехливана!.. И папу на руках носили, – такие полагались почести победителю в борьбе.

Еще я вспоминаю. Когда папа узнал, что родня его поселилась в Худадском районе, в Азербайджане, мы поехали навестить их. Сидим у родственников, вдруг слышим, – на улице шум-гам. Мы даже испугались – что случилось? А это народ собрался и зовет Кирмана-борца. «Пехливан Кирман, на ковер!..

Выйди и покажи нам свою силу!» Папа тогда уже в годах был, стал отказываться. А дядя его – Джафар-дэдэ – да упокоит Аллах его душу! – говорит: «Олан (хлопец), Кирман-джан, шенник (народ) хочет тебя видеть. Выйди, покажись!» Тогда папа вышел. Зурна играет, давул (барабан) гремит. И под эту музыку он начал танец пехливана. Радостный это танец. Стали они по кругу ходить, потом схватились. И папа опять одержал победу! И люди опять подняли папу на руки, стали бегать по кругу, восторженно кричать, приветствовать его... А папа такой веселый был... Мне это очень запомнилось. Лет восемь тогда мне было, не больше.

Как я уже сказала, отец родился в зажиточной семье Центрадзе.

В деревне их называли «джололар», что значит «драчливые». Все их действительно боялись, хотя и уважали. У Шабана-аги были сыновья – Фарамуз, Искендер, Анвар, две дочери – Шикяр и Ньюфюр, – и самым младшим был мой папа – Кирман. Старшего брата Фарамуз-ами (дядя) даже старшие в доме уважали. Только он имел право сидеть за столом с отцом. Остальные не смели... Папа говорил, что они со своим отцом никогда не садились за стол. Это было уважение. С отцом говорили только стоя, боялись даже заходить в комнату, где сидел отец.

В 37-м году грянула беда. Почти все имущество деда конфисковали. Четыре раза собственность семьи ставилась на торг. Продавалось все. Дом, сад, мельница, лесопилка... Даже любимый конь деда. Алагёз (Пестроглазый) звали этого черного, необычайно красивого коня. Кроме деда, никто не мог подходить к нему. Только он имел право оседлать его и ездить на нем. Так вот, однажды на ба-

заре этого коня продавали, уже от властей. Один крестьянин из соседней деревни узнал этого коня. И купил его. Сам не сел, а привел пешком, прямо к деду во двор. «Ага, – сказал он, – это принадлежит вам. Заберите». Дед посмотрел, а у коня в глазах слезы. Дед, говорит, отвернулся и приказал старшему сыну: «Отведи его к реке и пристрели». Потому что в то время конь, мужская папаха и жена считались элементом чести. Это был «намус»!.. Нельзя, чтобы это принадлежало еще кому-то. Если у тебя их отобрали, это было оскорблением мужского достоинства. Фарамуз-ами отвел коня на окраину бахчи, к реке и выполнил отцовский приказ. Вот такое было понятие о чести. Хотя конь этот спас деду жизнь. Был случай, еще до советов. У них там разборки были среди богатых агаларов. Дед попал в окружение, его обстреляли, ранили в ногу. Так Алагёз зубами перетащил деда в укромное место, а потом приволок домой. Это был очень верный и преданный конь.

...Так вот, в 37-м году неожиданно арестовали деда и двух старших его сыновей Фарамуза и Искендера (хотя последний прилежно работал счетоводом в колхозе), и объявили их «врагами народа». Что с ними стало, куда их отправили и какова их дальнейшая судьба, папа так и не узнал. То говорили, что в «кале», т.е. в крепости расстреляли, то говорили, – в Сибирь сослали. Неизвестно. А потом еще третьего брата арестовали, Анвара. Тот вообще был учителем математики в школе, чего от него хотели? Был интеллигентным, красивым, образованным. И очень интересный. Вообще, в роду у отца все были высокие, красивые, стройные. Папа, к примеру, носил одежду 54-го размера, 4-й рост. Я не могла ему в Москве костюм достать по размеру.

Вот такой был у меня папа – высокий, красивый, сильный... Настоящий Мужчина... По документам он был Герман, а женщины, говорят, «демоном» его называли. Настоящий был демон!.. (смеется)

Итак, 37-й год. Дома тревожно, несколько раз проводили обыск, – оружие искали. Без конца вызывали на допросы, хотя никого из мужчин уже не оставалось. Только папа, да и ему тогда было лет 14.

А оружие-то у нас было. «Айналы тюфянк», – что значит «зеркальное ружье». На его стволе, там где курок, было закреплено маленькое зеркальце, в него можно было наблюдать, что делается позади стреляющего. Были еще «тяк люля» (одностольное ружье), «коша люля» (двустольное), кинжалы. Всего хватало, как в каждой кавказской семье.

Но бабушка моя, Хюрюзят, вырыла под тутовым деревом огромную яму, сгребла все это оружие и закопала. Ночами же бабушка ходила вокруг дома, с ружьем в руках, дом охраняла.

Бабушка была не из простого рода. Она была Лорткипанидзе, из села Каратубани. Женщина

очень властная, гордая. Дом был полон слуг, которые следили за большим хозяйством под ее неусыпным оком. Все ее звали не иначе, как «Хюрюзятханум». Она всегда носила золотые украшения. Для ахалцихских женщин вообще было характерно пышно украшать себя и выступать во всем блеске нарядов. Бархат, шелк были любимые ее ткани. Всегда за собой ухаживала. И очень красивая женщина была, говорят. Ее красота к детям перешла. Статность, рост – это было от бабушки, а внешняя привлекательность – от бабушки.

1937 год, зима, на улице снег, страшно холодно, а папа в школе – он учился тогда, по-моему, в классе восьмом (на азербайджанском языке). За хорошую учебу его наградили ботинками. Кому пиджачок, кому – брюки, а ему ботинки достались. Он их носил с гордостью.

И вот, говорит, как-то на уроке открывается вдруг дверь, и заходят в класс директор с учителями. Директор как рявкнет: «Кирман Центрадзе, к доске!..» Папа рассказывал: «Я испугался, думаю, в чем это я провинился, что так грозно меня вызывают? Встал, вышел. А он мне говорит: «Снимай ботинки!..» Я, говорит, сел на пол, как деревенский мальчик, снял ботинки и стою босой на голом полу. Директор отнял у меня эти ботинки и говорит: «Убирайся вон!.. Ты не имеешь права учиться в советской школе. Ты – сын врага народа». Я переминаюсь с ноги на ногу, зябко, а на душе у меня такая обида, такая боль ... Слезы душат. Выскочил я босым на улицу, не знаю, как ступить по снегу, ноги сразу обожгло. А школа далеко находилась от нашей деревни Лелван, он в самом Адигени учился, и каждый день ходил в школу пешком, это километров десять будет. И вот он пешком, босой в такой морозный день бежал по снегу. Прибежал домой, и – реветь... После этого, конечно, в школу не ходил, она для него была закрыта.

Вообще, жестоко это было по отношению к ним. Люди в деревне даже стали бояться здороваться с ними. Родственники перестали ходить. Пришлось им всем в колхоз вступать. И папа пошел работать. Вынужден был, – все отняли, ничего дома не осталось.

А в конце 39-го года папу призвали в армию. Хотя он был сыном «врага народа». Из школы исключили, а в армию взяли. В 41-м году попал прямо на фронт. Прошел всю войну – с первого дня до последнего.

В пути, в товарном вагоне ехал он на фронт и думал: что будет со мной, с сыном врага народа? Как я буду жить с этой фамилией Центрадзе? Этот страх перед властями его всячески угнетал. А потом взял и разорвал свои документы. И выбросил в окно. Так бумажные ключья вперемежку с паровозным дымом и разлетелись в чистом поле. А когда прибыл на место назначения, сказал, что бумаги

потеряны. Назвался Алиевым (так звали его деда), год рождения свой поменял (1916-й вместо 22-го). Место рождения, правда, оставил прежним. А имя записал – Герман. Так, вместо Центрадзе Кирмана папа стал Алиевым Германом. Направили его в артиллерию. Но, он сам говорил: за свой военный путь я не стыжусь, я был настоящим советским солдатом! Был ранен несколько раз. Боевых наград у него не счесть. Воевал на Белорусском фронте, сражался за Сталинград, за Белоруссию, воевал в Польше, Венгрии. За Днепр бился. Самые тяжелые бои в 44-м году были, когда они форсировали Днепр. Нужно было перейти Днепр, а фашисты не пускали. Артиллерия бьет, воздушные налеты бомбардируют, пушки палят, – невозможно пройти. Тогда обратились к солдатам: кто согласится добровольно перейти реку и проложить понтонный мост, по которому потом пройдут военная сила и техника? Стою, говорит, в строю и думаю, – ну, зачем я живу? Никого у меня не осталось. Отец и братья арестованы. Вернусь домой, – и меня арестуют. И первый вышел вперед. Иду, мол! А за мной мужчина стоял, пожилой такой, из Закатальского района он был, азербайджанец. Взял меня за плечо и потянул назад. «Вернись в строй, сынок, – говорит, – ты еще зеленый. Тебе еще жить и жить. Я пойду вместе тебя!» Так и не пустил. Встал за меня. Задание было выполнено, и мы удачно форсировали Днепр по покачивающемуся мосту.

Папа прошел по всей Европе. В Берлин не успел. Война закончилась.

И вот отец, увешанный наградами, едет домой, на родину. Но уже в Боржоме узнает, что в Месхети нет не только его семьи, там вообще нет наших, месхов-мусульман. А дальше Ацкури его и вовсе не пустили. И победитель фашизма, лихой артиллерист, пять лет шагавший по Европе, сел и горько заплакал. *(долго молчит)*

Ну, а потом решил – раз я записался Алиевым, по документам я азербайджанец, поеду-ка в Азербайджан. В это время как раз начиналось строительство Мингечаурской ГЭС. Одновременно строился и новый город. И папа подался туда.

Он начал шоферить. Несмотря ни на что, молодость брала свое. Вскоре у него появились друзья, в том числе и один шофер по имени Шахверди, родом из деревни Гаварлы, недалеко от строящегося города. Это был мой будущий дядя, брат моей матери.

С мамой он познакомился очень интересно. Неожиданно, среди пыли и грязи стройки появляется пухленькая девушка, малюсенькая, и застенчиво так спрашивает: «Простите, пожалуйста...» А папа с высоты своего роста как гаркнет: «Аджан!..», – чего, дескать, душенька? Такое выражение у нас, месхетинцев, считается вежливым ответом, типа «генацвале» по-грузински или «гадана-

лым» по-азербайджански. Девушка так испугалась громового голоса, роста и непонятной реакции, что даже присела. Оказалось, она искала своего брата Шахверди. Папе она понравилась сразу, и стал он за ней ухаживать. Мама же, говорит, вначале очень его боялась. Но перед его обаянием, щедростью и добротой никто не мог устоять. Папа стал помогать семье своего друга – то дровишки подкинет, то муки мешок, то еще чего-нибудь. А семья была небогатая, если не сказать бедная. Так постепенно он стал своим в их семье. И однажды он сказал отцу девушки: «Так случилось, что у меня нет ни одного близкого человека. Позвольте мне, одинокой птице, свить гнездо вместе с вашей дочерью Санубар на ветке вашего дерева». Вот в какой изысканной форме он попросил руку мамы! Дедушке, вообще-то, он нравился, но он сомневался, – точно ли папа мусульманин? Мол, говор у тебя какой-то странный, не совсем азербайджанский. Конечно, будет не азербайджанский! Ведь папа был урожденный Центрадзе из Грузии, а азербайджанский язык учил только в школе, из которой его выгнали. Тогда папа решил отстоять невесту. Он, как истинный борец, бросил вызов: «А ну, садись, уважаемый, на молитвенный коврик». И сам сел. «Говори любую суру из Корана!» Дед опешил, но потом начал читать. Папа тут же подхватывал и продолжал. Так они состязались в словесном поединке, пока дед не встал, и не обнял его: «Извини, сынок, за ошибку. Ты – истинный мусульманин! И я с радостью отдаю тебе свою дочь». Так и сыграли свадьбу...

Родился мой старший брат Нариман, затем я, брат Алик и сестренка Эльмира. Как я говорила, папа очень старался создать счастливую семью. И это у него получилось. Они с мамой души не чаяли друг в друге, а мы, дети, жили в достатке и благополучии. Папа заново выучился в школе, а позже получил заочное образование в Сталинградском автодорожном техникуме. И с 1953 года стал работать завгаром в МТТК-5. Был хорошим специалистом, пользовался уважением и авторитетом во всем городе. И прилагал все силы, чтобы окружить себя близкими родными людьми.

О папе прослышали в Узбекистане (жива была Зульбия биби – двоюродная папина сестра и жена его репрессированного старшего брата Фарамуза). Она приехала в Мингечаур с сыном Мехрали на поиски «Кирман-джана». Когда они встретились, от избытка чувств чуть в обморок не упали, столько радости было, столько слез и рыданий... Папа окружил их трогательной заботой. Затем стал искать родственников. Поехал в Худадский район, а там – целый отряд родственников, приехавших из Узбекистана. И даже его старший брат Анвар!.. Это была поразительная встреча. Все плакали, найдя друг друга через столько лет.

Выяснились некоторые подробности, как вы-

жил Анвар-ами. Оказывается, побег из Адигенской тюрьмы ему устроили. Нашлись-таки порядочные люди – знакомые и друзья деда, которые и помогли дяде бежать. «Хоть кто-то спасется из рода Центрадзе, – говорили они, – а то эта проклятая власть весь ваш род хочет истребить...» Он бежал с фамилией Центрадзе. Но потом тоже рассудил, что со своей фамилией далеко не убежишь, и записался Алиевым, так же, как и папа. И это спасло его. Позже папа перевез Анвар-ами в Мингечаур, устроил его жизнь, до последних дней поддерживал его семью. Можно сказать, мы все жили одной семьей. Так же, как и с Зульбией биби, которая самоотверженно вела наше хозяйство в доме, преданно любила «Кирман-джана» и буквально вынянчила всех нас, его детей. Она же научила маму готовить наши блюда – хинкали, лобио, мчади, сыр «чечил»... Папа отовсюду привозил родственников. Но наши, в основном, люди сельские, и папа устраивал их рядом, в совхозе. Там семей тридцать наших поселилось, а потом они прибывали и прибывали. Все они прямо молились на папу. Потому что папа был необыкновенно щедрым и великодушным человеком. Его доброта и гостеприимство были исключительными. Я бы сказала – чисто грузинскими. В нашем доме всегда были гости. Они ели-пили, жили у нас. Папа решал их проблемы, устраивал. И был счастлив, что у него есть родня, и что он может чем-то им помочь. У нас в гостиной стол был длиной шесть метров, так за ним каждый раз усаживалось не меньше полутора десятка людей. У нас всегда было весело, вкусно, обильно... И папа всегда был веселым, радостным. Этакий праздник жизни нес он с собой. И дарил его всем окружающим. Это был чисто грузинский характер!..

Потому маме запомнился один редкий случай, когда папа недружелюбно встретил одного гостя. Он был тоже из наших, приехал из Средней Азии. Всю ночь они что-то бурно обсуждали. Гость, оказывается, положив руку на Коран, в чем-то просил у папы прощенья. А папа все курил и курил, и что-то резко говорил этому человеку. В ту ночь Анвар-ами тоже был у нас. Разговор касался минувших дел, 37-го года. Видимо, гость был как-то причастен к этому делу (*задумчиво молчит*).

Кстати, мой папа встретился с вашим отцом, Латифшахом Бараташвили, тоже в Мугани. Он очень уважал его, говорил, что между нашими предками есть какое-то родство, и предложил ему переехать в Мингечаур. Ваш отец принял помощь папы, который отправил из гаража две грузовые машины, на которых ваша семья переехала. (*К этому времени в нашем освободительном движении произошел раскол. Многие, облаканные властью лидеры, такие, как Мавлюд Байрахтаров, отказались от дальнейшей борьбы за возвращение на родину, признали себя «азербайджанцами, спустившими-*

ся с гор на равнину, в Муганскую степь, для того, чтобы улучшить свою жизнь», как говорилось в одной из пропагандистских книжечек, вытисненных в те годы «учеными историками». Наш отец Л. Бараташвили, был одним из немногих месхов, кто по-прежнему считал себя грузином, а наше поселение в Азербайджане – только плацдармом для последующей борьбы за родину. К тому же, мы, его дети, учились в русской школе, а в Мугани был только один «комплектный» класс русского сектора, с 1-го по 4-й, в котором всех нас учила наша мама-педагог, и в котором мы уже отучились. Надо было что-то решать с учебной детей. Так что вопрос нашего отъезда из Муганской степи был предрешен. Папа принял помощь дяди Кирмана, и в 1958 г. мы переехали в Мингечаур, где продолжалась папина нелегальная деятельность и наша дружба семьями. – К.Б.)

Мой папа хоть и не занимался, как сейчас принято говорить, правозащитной деятельностью, но он собирал наших людей, разбросанных судьбой. Сплачивал их, помогал им. А это тоже было большое дело.

Жизнь всегда вызывала его на ковер. Пятно сына «врага народа» отравляло ему все существование. Он очень страдал, что его народ был выслан без права на возвращение. Этот страх перед государством и ее всесильной властью жил в нем всегда. Но не зря он был пехливаном, – он мужественно боролся с этим страхом. Он отчаянно выкарабкивался из материальной нищеты – в благополучие и богатство. Из сиротства и одиночества – в заботливый, окруженный любовью семейный круг. Он не сложил руки и не отдался горестной судьбе. Он сражался! И победил! И в этом я вижу жизненный подвиг моего отца.

Нашлись дальние родственники и в самом Тбилиси – семья Зати Вачнадзе. Они частенько приезжали к нам в гости. Одна из ее дочерей, Фикрия, была замужем за неким Мишей Блудовым, духовником из Джавахети, который много лет работал в НКВД и КГБ. Тот знал, что папа близок с вашим отцом, Латифшахом Бараташвили, и постоянно «нажимал» на папу, чтобы он как-нибудь нейтрализовал деятельность нашего лидера. Папа не соглашался, что являлось поводом для постоянных стычек с зятем его родственницы. Позже мы узнали, что папа постоянно был на учете в КГБ. До 1967 г. он отмечался в этих проклятых органах.

В последнее время он часто говорил о родине, рассказывал из прошлого много интересного, заражая и нас своим трепетным отношением к родным местам. Когда младший брат Алик служил в Ахалцихе, папа ездил навещать его, но приехал он оттуда совершенно удрученный тем, что родина наша по-прежнему недостижима.

Скончался папа в 1985 году, что было для нас

большим горем. На его похороны пришло так много людей, что мы, его дети, даже не смогли подойти к гробу. Это были и шофера всего города, родственники, друзья, незнакомые нам люди... Несмотря на нашу скорбь, сердце наполнялось гордостью за папу. Его гроб, передавая друг другу, долго несли на руках представители всех национальностей города, которому папа отдал много лет своей жизни. После похорон я долго терзалась, что не смогла отдать свой дочерний долг. Потом из Грузии приехала ты, Клара, и привезла нам поистине драгоценные вещи: землю из Лелвани для папиной могилы и знаменитые лелванские яблоки. Мы обсыпали родной землей папину могилу, и я вздохнула – желание отца было выполнено. А яблоки мы бережно разрезали и по кусочкам раздали всем родственникам, которые вкушали их со слезами на глазах, как вели-

чайшее сокровище.

Я работаю учителем истории в 3-й школе, где директором Тамара Бараташвили, старшая дочь Латифшаха Бараташвили. Мы бережем отцовские традиции и по-прежнему дружим семьями. У меня тоже прекрасная семья, взрослые дети. Но душа моя болит за наш погранный народ. Одна мечта у меня – хоть бы все они собрались у нас на родине, – как того хотел мой папа, Кирман Центрадзе из Месхети.

7 декабря 2004 г.

г. Мингечевир, Азербайджан

Материал подготовила
Клара БАРАТАШВИЛИ

АЗО БЕРИДЗЕ: «СЕЛО – МОЕ, СТРАНА – МОЯ...»

«... тем, что мы были высланы, мы не утратили свое человеческое достоинство. А вот вы, сказал я, потеряли его – не смогли защитить своих братьев. Они признали – да, мы виноваты перед вами».

Из беседы А. Беридзе с грузинской интеллигенцией, 80-е годы

Я Азиз Беридзе. Многие до сих пор зовут меня Азо-дэдэ. Появился я на этот свет в селе Мугарети Ахалцихского района в 1910 году. Отца звали Билал. Моя мать Пакиза была грузинкой-христианкой. Были у меня братья – Мустафа, Кара, Хусейн и я, который был младшим сыном. Были у меня и сестры – Мави, Мелек, Марал. Дом наш большой был. Вообще, у нас три дома было. Занимались мы, в основном, крестьянским трудом. Село Мугарети было небольшим, в нем жило всего 20 семей, все село было мусульманским.

Эти земли, на которых жили наши грузинские мусульмане – земли Грузии. Она была разделена на княжества, в Самцхе было четыре района – Ахалцихский, Аспиндзский, Адигенский и Ахалкалакский. И они были в руках одного князя Атабега. Потому в старину наше место называлось Самцхе-Саатабаго. Наши предки всегда здесь жили. Фамилии у нас грузинские; наши праотцы в старину были грузинами-христианами. Только под османским игмом (в 18 веке) Месхети стала мусульманской. Мы – месхетинские грузины, наша история написана в Месхети. Это сейчас нас называют «месхетинскими турками». Это неправильно. Наши деды и прадеды, бабушки и прабабушки – все они

были грузинами. Были и есть. А если точнее, мы «гюрджидян дёнмя» («обращенные из грузин» – так месхетинцы называют себя, считая «грузинство» «христианством» – К.Б.)...

В то время школ у нас не было. В селе не было ни одного грамотного человека. Ну, может, 1-2 человека, которые учились когда-то в николаевское время, а так – сплошная безграмотность населения была.

В нашем регионе мусульманского населения было больше, чем грузин и армян. В 30-х годах советская власть ввела в наших районах азербайджанский язык. Все обучение велось на этом языке. Потому что нас, грузинских мусульман, называли сначала «тюрки», а потом решили – никаких тюрков нет, а есть азербайджанцы. Все школы, где наши учились, перевели на азербайджанский язык, а письменность сделали латинской. Нашими учителями были азербайджанцы – Аббас, помнится, Назим, Паша. Вся ахалцихская власть в те годы состояла из азербайджанцев. Мы, повторяю, учились на азербайджанском языке.

Грузины-христиане учились на грузинском языке, армяне – на армянском. В Ахалцихе газета выходила на трех языках: для грузин – на грузинском языке, для армян – на армянском, для «азербайджанцев» (в которые нас записали) – на азербайджанском.

Секретарь Ахалцихского райкома партии тоже был азербайджанец – некий Агасултанов. Когда секретарей райкомов начали арестовывать (и его в том числе), прислали на замену еще одного азербайджанца. В 37-м году это было. Так, второй секретарь Ахалцихского райкома партии Кирвалидзе стал первым секретарем. А этот новый – Аббас

Азиз Беридзе с внуком Темуром.
Село Мугарети Ахалцихского района,
июнь 2004 г.

Агаев – вторым. Их поменяли местами, потому что в 37-м году, когда прошла «чистка», многим уже не доверяли. Тем, кого сочли «врагами народа» – секретарям райкома, работникам «земотделов», всем этим финансовым руководителям... Всех подвергли большой «чистке» и забрали. Куда – неизвестно. В 37-м году многих поуничтожали.

Я в то время учился в техникуме в Ахалцихе. Советская власть обучала нас совершенно бесплатно, кормила и одежду выдавала.

В Ахалкалакском и Аспиндзском районе тоже не было школ. Поэтому все учились в Ахалцихе. Государство, как я уже сказал, кормило учащихся, и буквально заставляло всех учиться. Советская власть сделала нас людьми, надо отдать ей должное.

В выходные дни мы приезжали домой, потом опять на неделю отправлялись на учебу. В техникумах давали и десятилетнее образование. По окончании техникума выпускников направляли в сёла учительствовать, поскольку в деревнях совершенно не было грамотного населения.

Я окончил техникум, затем учился на годичных курсах счетоводов, а потом нас направили в колхоз. Начиналась коллективизация. Я уже был комсомольцем. Четыре года работал секретарем комсомольской организации колхоза. В 1937 году

меня приняли кандидатом в партию. В тот же год назначили председателем колхоза. До этого председателем был мой брат Кара. Его повысили в должности, забрали в Ахалцихе, в «земотдел». А мне вот оказали такое вот высокое доверие. Колхоз наш назывался (*ей-Богу, нарочно не придумаешь!* – К.Б.) «Третий Решающий Год» (по-азербайджански это звучало так: «Учюнджи Хяледилиджи Ил», а по-грузински: «Месаме Гадамцвети Цели»).

Я энергично взялся за работу. Мы сеяли пшеницу, кукурузу, ячмень, картофель, другие культуры, занимались садоводством. Из собранного урожая сначала государству сдавали что положено, а оставшееся делили между колхозниками. Надо сказать, что в те времена у нас не было голода, материально жили мы очень хорошо. Всего было вдоволь, и мы были уверены в завтрашнем дне.

Кандидатом в партию я пробыл до 1939 года. В 1940 году нас, кандидатов, вызвали в Тифлис, в ЦК на вручение партбилетов. Получили мы их из рук первого секретаря Ахалцихского райкома партии Гоги Кирвалидзе. Мой брат Кара к тому времени тоже был немаленьким человеком. В то время они с Кирвалидзе были депутатами Верховного Совета Грузии от Ахалцихе.

Я очень радовался вступлению в партию. Ведь

любого человека в партию не примут, считал я. В коммунистическую партию принимали тех, кто был кристально чистым советским гражданином. Кто верно служил государству, уважал государственный строй.

Вообще, 1940-й год был для меня счастливым. Я вступил в партию, мой колхоз был на хорошем счету, я женился на любимой девушке. На учительнице Сашико Диасамидзе, которую прислали к нам из села Вале. Хорошая была девушка, интересная, я просто глаз с нее не сводил. И хотя ее родители вначале были против (она была грузинкой-христианкой), я все же добился их согласия. Тем более, что моя мать тоже была грузинкой-христианкой. Мы зарегистрировались в ЗАГСе, и вот уже 64-й год мы вместе...

В Мугарети вскоре после 37 года школы почему-то перевели на грузинский язык. Однако наши дети очень хорошо учились. У нас в селе, в основном, грузинский язык был, других языков много не знали. А грузинский мы знали не из школы, а от своих предков.

В 41-м году началась война, и в первую же мобилизацию я пошел на фронт. Оставив семью, мать, жену... Три года пробыл на фронте. Воевал в Брянске, на границе с Польшей. Был ранен в левую руку. Вернулся с фронта, меня комиссовали, и опять назначили председателем колхоза. На этот раз я проработал всего лишь год – до нашей депортации оставалось совсем недолго.

Все, что мы производили в военные годы, шло для фронта и победы. Лично я сам 30 тысяч рублей перечислил фронту. Каждый месяц в каждом колхозе собирали все, что было в наших силах. Большую помощь оказывали фронту – все люди, все колхозы, все районы. Никто в стороне не оставался.

В те годы железной дороги от Боржоми до Ахалцихе не было. Начали строить железную дорогу. Всех мобилизовали. Пожилые женщины, молодые девушки, старики – всю эту дорогу мы построили – каждый на своей территории. Эту проклятую линию наш народ построил, и по ней же первым рейсом вероломно нас вывезли.

Представьте, война, люди на фронте, все мужчины от 18 до 45 лет мобилизованы. Только старики дома. И вдруг в селе появляются подозрительные люди. Ходят по дворам, описывают скот, людей подушно. Мы их спрашиваем – чего это вы все подвергаете учету? Зачем вы это делаете? А нам глубокомысленно отвечают: для дела. Сюда, мол, солдаты придут! Для чего? А уж это было большим секретом. Нам лишь сказали, что есть, мол, люди, бежавшие с фронта, и мы их ищем, дескать. Не говорили, что высылать нас собираются.

В каждом селе войска стали на постой. Кругом одни военные, к тому же, каких войск? Внутренних! Народ Берии. То-то и оно!.. Эти люди находились

здесь с непростой задачей. Все они были с одной целью – поднять с места наш народ.

Вообще, повсеместно начали выселять мусульманское население. Сначала крымских татар. Какая на них была вина? Да никакой! Крымских татар выслали, потом чеченцев и ингушей. Весь Северный Кавказ сослали – якобы, за то, что не давали солдат на войну. Потом за нас взялись.

Говорят, главным в этом деле Берия был. Ведь ссылка народов была в его ведении.

Возьмем теперь нас. Какая вина была у нашего народа, все мужчины которого с 18 по 50 лет были мобилизованы на фронт? 125 человек из нашего села ушло Родину защищать! Никто из них не вернулся. Одному мне повезло.

Многие в селе чувствовали – назревает что-то грозное. Опасность прямо в воздухе витала. Во-первых, людей стали переписывать. Во-вторых, в сторону Адигенского, Ахалцихского и Аспиндзского районов бесконечными потоками двигались американские грузовики. А на ближайших к нам железнодорожных путях вагоны стояли наготове.

Вообще, когда подходим к вопросу ссылки, я бы сказал, это чистой воды национализм. Если говорить по правде. Тут вопрос нации был, вернее, религии. Сказали, если грузин – остаешься здесь; не грузин, нет, вообще – мусульманин – будешь сослан. И это при советской власти, которая проповедовала атеизм и равенство всех наций!.. Как с этим можно было смириться?

А вот что было в ночь ссылки.

Наш дом в то время был наверху. Этот Мугарети, где мы сейчас живем, раньше был нежилым, здесь пастбища были, пашни, жилые дома стояли выше.

Штаб находился в нашем селе, в его ведении было несколько окрестных сел: Шурдо, Георгицминда, Чохта, Цохтев. Все штабные были русскими. Штаб был от нас недалеко, там собирались все командиры.

Было где-то 3 часа ночи. Все мы спали. Загрохотали в дверь. Разбудили всех. Иди, говорят мне, в штаб тебя вызывают. Пошел я, а военный за мной. Зашли. Садись, говорят. Я сел. Говорит мне один из командиров – вот, приказ тебе пришел. Прочитаешь сам или тебе прочесть? По-русски там было написано. Я говорю – читайте. Он сказал: приказ Сталина таков: ваше местожительство меняем. На шесть лет. Так и сказал. Я спросил – а по какой причине? Вас, отвечает, назвали не «турки», а «турки», потому. Мы, говорит, операцию должны провести так аккуратно, чтобы никого из ваших здесь не осталось (это он называл «аккуратно!»). И ты, говорит, как коммунист и председатель колхоза, должен выполнить сталинский приказ.

Что скажешь в ответ? Я промолчал.

А командир продолжает: сообщишь людям, чтобы были готовы к отъезду. Военных дадим тебе

в сопровождение.

Тогда я сказал – мы выполнили государственный план этого года, собрали урожай, в складе он находится... Но колхозникам еще ничего не роздали. Если люди ничего не получат, они просто погибнут от голода.

Военные без слов встали и пошли со мной к складам. Ключи были у них. Взял я те ключи, отпер замки, раскрыл ворота.

А в селе уже начался паника, люди кричат в переполохе, скотина воет...

Село Цохтеви (оно чуть выше нас) был уже поднят. Гляжу – все их арбы, быки, всё покинуто. Людей погнали к поездам, что ниже на равнине стояли.

Мугарети тоже поднялся. Мать моя покойная слезы льет, да что толку с того? Говорит, сынок, скотину жалко, пропала. Я говорю – мама, что ты о скотине плачешь, мы сам пропали...

А сам, тем временем, думаю, как бы урожаем поумному распорядиться. Как я уже сказал, в деревне стояли все цохтевские арбы. Срочно я хороших ребят мобилизовал на склад. Сказал военным а ну-ка, выйдите отсюда, тут плоды нашего труда. Те сказали: пожалуйста, пожалуйста... И тогда мы начали освобождать склад. У кого что было из мешков, все собирали. Стали пересыпать зерно в мешки, узлы. Я сказал ребятам – всем раздавайте везде, где наши есть... Хоть по мешку на семью, все равно поезда пока стоят (а стояли они около двух суток). Несите – кто сколько может мешков, все забирайте! А, между прочим, какая в тот год кукуруза уродилась! Крупная, ядреная... И столько ее было... Короче, наши односельчане (и цохтевские тоже), скажу я вам, голодными не уехали. Удалось взять с собой пропитание. Я тоже по две арбы зерна повез, вывалил братьям, короче, получилось обеспечить свою семью...

Казалось бы странно, что нам разрешили забрать провиант... Но тут была одна особенность. Военный штаб находился в нашем Мугарети, и все командование расквартировалось у нас. Приближался праздник 7 ноября, старшие позвали меня. Говорят, праздник на носу, что делать будем? Попросили организовать что-нибудь для них. Ну, я, во-первых, оделил их фруктами. У нас 9 гектаров отличных садов было. А в садах – новый урожай, и фруктов принесло в том году... уф! Такие яблоки, такие яблоки... И вот я для каждого из этих военных собрал посылку из отборных яблок, с тем, чтобы домой послали. Выделил двух баранов им на шашлык, чачу достал, организовал большую компанию... Короче, весело погуляли они, от души. А потом сказали: ты нам такой праздник устроил, мы тоже хорошим отплатим. И когда представился случай, они не запретили взять наш урожай, спасибо им на том! Хотя запросто могли сказать – не положено! Но нет! Сказали: забирайте из складов, сколько сможете, все, подчистую! Потому нашим

удалось затовариться продуктами в дорогу. Хотя в домах всё оставалось: и вещи, и скотины нашей тридцать голов... А дорога-то предстояла дальняя, и горестная.

Здесь же, на Мугаретской равнине, рассадили нас вразнобой на поезд. И погнали. Люди плакали. Как не плакать? Ведь у большинства родные еще были на фронте. Некоторые потом в Узбекистан прямо в военной форме приезжали – те, кто в живых остался.

16 ноября 1944 года поезд тронулся (*на высокой ноте. Молчит.*). Поехали... Люди страдают, умирают. В основном, от холода. Большая Зима была в тот год. Проехали Саратов над Волгой, и так холодно, ну так стыло... А нашей дочке два годика всего было. Не вынесла мороза наша дочурка, замерзла. Просто в ледышку превратилась на руках у жены... да... И какое там хоронить?.. Поезд ни на минуту не останавливается. Ребенка выхватили и просто выкинули... да... к-хм... (*Молчит.*)

В вагоне нас было 70 душ. Наверху было сделано наподобие нар, там спали. Вообще, вагоны были ужасно обшарпанные. И эти морозы, и никакого обогрева, никаких дров... Умерших было много, забирали их без лишних слов, а куда девали – никто не знал. На какой-то остановке жена Сашико с моим братом остались на перроне, и каким-то чудом догнали нас на очередной станции.

Холод, голод! Почти месяц ехали мы в таких условиях. Тридцать дней гоняли нас по разным рельсам – уже в глазах от них рябило. Высадили в Наманганской области, за Ташкентом. На станции Кувай, район Уч Курган. Вылезли там ночью, а холод на дворе – сорок градусов мороза! И надеть нечего.

Стали распределять нас по хлопковым совхозам. Те уже были готовы. Понаехали с арбами, повозками. Заставили нас по одному перетаскивать свои вещи и повезли в совхоз Нарын.

А мы – голодные, холодные, обтрепанные. И завшивели – все подряд – не описать, ни рассказать! Дома там были совхозные, туда нас и определили. Хотя непохожи они были на дома – лачуги какие-то из глины и соломы. А я думаю тоскливо: ну, хоть бы куда-нибудь приткнуться, прикорнуть и отдохнуть!..

Записали нас в первое отделение совхоза. Семь отделений было у того совхоза. Узбеков предупредили, что мы – головорезы, душегубы, короче, вроде как с цепи сорвавшиеся. Они нас очень боялись и называли просто «капказ». А вообще, там полно было разных высланных народностей – крымских татар, немцев, даже осетины-«кулаки» встречались.

Я по-прежнему считался руководителем среди наших, и как-то старался оградить своих от разгула властей – конечно, по возможности. На работу их выводил, но что мы умели? Хлопок был нам неиз-

вестен, вначале только кетменем и работали. С трудом приспособились. Голодно было. Выдали людям по одной овце, и на том спасибо!..

Движения никакого – из одного района в другой – комендантский надзор!

Мы, коммунисты, как в Грузии, так и в ссылке, по-прежнему входили в партячейку, посещали партийные собрания. Коммунистов среди наших хватало. В нашей партийной жизни ничего не изменилось, на собраниях мы так же дружно одобряли сталинскую политику. Но мое мнение о Сталине, конечно же, менялось со временем.

С трудом мы привыкали к обычаям, к хлопку, к языку, к тамошнему воздуху. Зажили кое-как. Дети у нас родились – Зураб, Ладо, дочка Сона.

Умер Сталин. Тут же был образован рабочий комитет, везде начали проводить траурные митинги. Собрались мы в 3-м отделении совхоза, в школе. Начал там один речь. Вот, мол, умер наш великий вожь Сталин, а сам глаза сухие вытирает... А тут крымские татары возьми, да и начни хлопать! Вслед за ними и наши стали аплодировать. А этот – из рабочего комитета, аж побледнел, и как заорет: «Ах, так!.. Значит, вы и впрямь – враги народа! Такие сякие...» Очень было любопытно. Татары стали компании закатывать – одну за другой – на радостях, что Сталин умер. И комендант ничего не смог сделать. Он так слинял с митинга, что никто и не заметил. А люди радовались (в основном, это были ссыльные), и делали, что хотели.

А в 56-м году и комендантский надзор сняли. В 1957 году мы уехали. Правда, узбеки не хотели нас отпускать – кто же хлопок будет собирать?

Я был, один урavelьский, 3-4 коммуниста нас было. Мы организовали в совхозе забастовку – уезжаем, мол. Не отпускали нас. А мы поднялись, продали скотину, все что было: поедем, и точка! – сказали мы. Ну и поехали. В поезде до Туркмении, оттуда – в Баку. Там тоже не задержались – напрямик в Грузию. Хоть нашим не был разрешен въезд в Грузию, все равно поехали. Наудачу. Были там наши, выгоняли их неоднократно. Из Тбилиси направились в Махарадзе в чайный совхоз. Нелегкая эта была работа, но наша семья трехкратную норму чайного сбора выполняла.

Жили мы и в Зугдиди, тоже в чайном совхозе. Мегрелы хорошо приняли нас, очень уважительный народ. В Месхети по-прежнему нельзя было, и мы поехали в Азербайджан, в Кировабад.

Когда человек попадает в трудное положение, он на все идет. Я взял и написал письмо Хрущеву. Возмутился нашей незаконной высылкой, требовал Родину. Пришел мне ответ, вызывают меня в Тбилиси, в МВД. Приехал я, принял меня подполковник Ниберидзе. «Ну, – говорит, – на каком языке говорить будем?» «На каком хочешь», – отвечаю. Начался разговор, во время которого я вспылал. Он

говорит – вижу, сильно тебя обидели, но и ты не прав: Сталин, мол, не был таким жестоким человеком, как ты написал. Я сказал, что написал лишь о том, что тот сделал. Ниберидзе говорит – ладно, давай свои документы, вскоре я вызову тебя, и ты приедешь в Грузию с семьей. В кабинете у него еще был известный историк Шота Ломсадзе (он тоже месх, только христианин). Он пригласил меня к себе на работу. А там, оказывается, известные люди собрались, вся интеллигенция. Попросили меня выступить. Я и сказал все, что накипело у меня в душе. Хотя я говорил жестко, аудитория сочувственно отнеслась к моим словам. Когда нас выслали, сказали они, мы хотели, чтобы вагоны повернули назад. А я сказал им – это вы сейчас говорите, а Берия свое дело сделал. И добавил: тем, что мы были высланы, мы не утратили свое человеческое достоинство. А вот вы, сказал я, потеряли его – не смогли защитить своих братьев. Они признали – да, мы виноваты перед вами.

В 1988 году 1-м секретарем ЦК КП Грузии был Джумбер Патиашвили, тогда общее движение началось, Госкомтруда собирал заявления месхов, желающих переехать в Месхети. Да и у жены Сашико брат работал в райисполкоме, обещал помочь устроиться. И в 1988 году мы, первые ласточки, поселились в Месхети. Наша семья Беридзе (мы купили дом в своем родном селе Мугарети), семьи Марата Бараташвили и Абузара Сафарова, которые поселились в Ахалцихе. Потом и в Вале наши приехали. Правда, долго не продержались. Ругались, вот, мол, не в своих домах живем... Ну и что? В моем доме тоже другие живут. Главное, я на своей земле.

Когда мы в 1988 году приехали, власть крепко за нас стояла. И я говорил: село – мое, район – мой, страна – моя. Сейчас, конечно, не то. До сих пор нет разрешения вернуться нашему народу. В нашем селе Мугарети только мы – коренные жители, все остальные – приезжие, они въехали в наше опустевшее село после 1944 года. Я, лично, не против, пусть живут. Но пусть смогут приехать и те, которых 60 лет назад выгнали из собственных домов. Ведь это их Родина, что бы там ни говорили...

Вот, так и живем в родном Мугарети. С соседями – хорошие отношения. Со мной сын Ладо, другой сын Зураб – в Гяндже, дочь Сона тоже в Азербайджане. Мечтаем о воссоединении наших семей.

...Хорошо бы и всему нашему народу, который 60 лет мается вне Родины, дать возможность сказать: «Мое село, моя страна...»

*Материал подготовила
Клара БАРАТАШВИЛИ*

*13 июня 2004 г.
село Мугарети
Ахалцихского района*

САШИКО ДИАСАМИДЗЕ: « ПОЧЕМУ ГОСУДАРСТВО ТАК БЕЗЖАЛОСТНО К НАМ?... »

«Для полного счастья человека необходимо иметь славное отечество».

*Симонид Кеосский,
древнегреческий поэт, 500 г. до н.э.*

Меня зовут Сашико Диасамидзе. Я родилась в селе Вале Ахалцихского района, в 1923 году.

Папу звали Евгений. Маму звали Маро. У меня были и братья, и сестры. Сестер звали Машико, Маквала и я, Сашико.

Училась я на грузинском языке, но и по-мусульмански тоже хорошо знала. Почти все наши соседи были мусульмане, отношения с которыми были очень хорошими: мы ходили друг к другу в гости, дружелюбно общались. Очень хорошие отношения были. Вот распространяют слухи, что будто между грузинами и мусульманами были какие-то недоразумения, стычки или неприязнь там. Неправда все это!.. Ложь. Мы все дружно работали в колхозе. Кстати, в колхозе я начала работать, когда мне исполнилось 9 лет. Все наши соседи были мусульмане, и со всеми мы дружили.

Я приехала в Мугарети, как учительница. Это было в 1940 году.

Как я стала учительницей? Школу я закончила в 1939 году, в то время шла финская война. Учителей забирали на фронт. Поэтому, как только я закончила 10 классов, мне дали в Ахалцихе направление и отправили в Мугарети. Сказали: будешь работать там в школе. Так я стала учительницей грузинского языка в селе Мугарети. Школа была на грузинском языке. Через год моей работы здесь я вышла замуж.

Мой будущий муж, Азиз Беридзе, работал в то время председателем колхоза. Ну и я тоже видная была. Все время на его глазах. Вот он и задумал взять меня замуж! Мои родители вначале не хотели этого брака. Но потом увидели, что Азиз не отстаёт от меня, любит от души, и что намерения у него серьезные. Тогда только согласились: выходи!.. Ну и что ж, что он мусульманин, а ты – христианка? Что мусульманин, что грузин, что русский – все едино, сказали мне родители. Все мы – Божьи создания. К тому же, выяснилось, что моя будущая свекровь была грузинкой. То есть мать Азиза была грузинкой-христианкой. Так я вышла замуж...

Правда, свадьбу не играли, как-то не принято тогда было. Я была комсомолкой, он тоже, ру-

ководил передовым колхозом. Расписались мы в ЗАГСе, как положено. Я осталась на своей фамилии – Диасамидзе. До сих пор ее ношу.

Короче, поженились мы, и родился у меня ребенок.

А когда нас выслали, дочке было два года. Всё у нас оставалось: и дом, и вещи, и скотины тридцать голов... Ничего не дали взять с собой. К тому же вся моя родня оставалась в Вале.

Здесь же, на Мугаретской равнине, посадили нас на поезд – недалеко отсюда проходила железная дорога. Посадили и погнали... Ни есть, ни пить – ничего нет. Голодные, холодные, пустились мы в дальний путь. Ничего не успели взять с собой. Что соберешь за двадцать минут? Сообщили нам рано утром, а к десяти часам утра пригнали всех к поезду со словами: «Вон отсюда!» Пришли к поезду пешком – с узлами и тюками. Сразу сели, и поезд тут же тронулся. Я рыдала, глядя на удаляющуюся Родину. Оставались отец, мать, братья и сестры. Меня так и не пустили к ним – хотя бы попрощаться. Военные сказали: у нас есть приказ – выслать всех поголовно.

Доехали мы до станции Баладжары (это уже Азербайджан был). Тут поезд повернулся и поехал в сторону России...

В поезде было так холодно, мороз просто иглами брал!.. Снегу выпало с метр высотой. Да такой, что состав то и дело останавливался. Мы высыпали и сами расчищали путь. А в вагоне стужа – везде сосульки висят... Ни поесть, ни попить... Мой двухлетний ребенок... в пути... обмерз. Да, представь себе, умер... Просто превратился в ледышку. Я два дня не спускала ее с рук, пытаюсь согреть своим дыханием. Анико ее звали, такая чудесная девочка была (плачет)... первый мой ребенок...

Пришли врачи, посмотрели на меня, а я держу ее, прижав к груди... Посмотрели они, посмотрели... да как выхватят ее у меня из рук! Я и ахнуть не успела... И тут же выкинули на железнодорожный путь!

Не судьба была моей дочурке – ни выжить, ни быть похороненной. Не суждена ей была земля (плачет).

– Да что за врачи такие были?..

– Такие вот, что выбрасывали трупы из поездов. Рыдая, я бросилась к выходу из вагона, и вижу: вдоль всего железнодорожного полотна рядами лежали выкинутые тела. Я все глаза себе выплакала,

Сашико Днасамидзе со своим мужем

что мою дочку, первенца моего так и не суждено было укрыть землей (долго молчит).

Много умерших было. И всех подряд выкидывали. Вся дорога трупами была усеяна. Я не чужие слова повторяю, я говорю только то, что собственными глазами видела.

Где-то возле Астрахани, еще по дороге, случай один с нами произошел. Помню, что это уже Россия была.

Шли мы вдоль вагонов (четырнадцать этих линий и составов я насчитала тогда). Вдруг выскакивает из одного вагона (это не наш состав был) какой-то мужчина с ребенком на руках и кричит: «Солдаты проклятые!.. У вас, что, совести нет, что ли?! Не понимают по-грузински, паразиты... Да будьте же милосердны – дайте ребенку кусок хлеба, ведь умирает он с голоду!..» Мой деверь как услышал эти слова (они в Мугарети все говорили по-грузински, никогда не подумаешь, что мусульмане; и школа в селе была грузинская. Да и свекровь моя, как я уже говорила, была грузинкой, а свекор – мусульманином. Да вот так было, всё смешано.). Да, и тут деверь мой говорит: «Сашико, жалко ребенка, дадим ему хлеба...»

А это, оказывается, грузин выселяли – родственников тех, кто убежал с фронта, дезертиров, так сказать. Дескать, почему ваш сын убежал, и не на войне? Вот таких собрали и тоже выслали в Ташкент. Целый состав таких был из Грузии.

Мы тут же достали хлеб, протянули ребенку...

Мальчик как увидел краюху хлеба, потянулся к нам... И тут же, на наших глазах, отдал Богу душу! Мы были потрясены не меньше отца ребенка. А тот как начал бить себя по голове и причитать: «Вай ме, вай ме!..» Боже, чего только не пришлось нам увидеть, чего только не пришлось вынести!.. Мы постарались привести ребенка в чувство, но, видим, бесполезно – он уже мертв. А пока мы с ними возились, тут наш поезд тронулся. Мы вслед кинулись и долго бежали за составом. Но так и не смогли догнать – снег по колена, а я в легких туфлях. Пока бежали, пока добрались назад, я успела ноги себе отморозить.

Вернулись мы на станцию, кое-как нашли наших, из другого состава. Сели на первый же попавшийся поезд и, расспрашивая всех подряд, еле-еле нашли свой товарняк. Сами. Интересно, что у нас даже не было мысли бежать куда-нибудь. Куда побежишь? Где муж, там и ты должна быть.

Почти месяц ехали мы так – без еды и питья. Тридцать дней таскали нас по разным дорогам. Прошел месяц, как мы тронулись в этот горестный путь... Высадили нас в Наманганской области – за Ташкентом это было. Господи, думаю, целый месяц мотаемся, хоть бы где-нибудь сесть, отдохнуть и поспать по-человечески...

Спуститься – спустились, но что тут поделаешь – холод, жилья нет, есть нечего...

Короче, высыпали нас в какое-то маленькое место – что будешь есть, что будешь пить, что у тебя есть?

– А что, государство ничего не выдавало из еды?

– Государство давало 200 граммов черного, как глина, хлеба. Больше ничего!.. Шла война, есть было нечего. Вообще ничего не было... И надеть нечего – на дворе мороз, сорок градусов, а нам такие мучения. Вот такое нам довелось увидеть.

Попали мы в район Уч-Курган. Засунули нас в какую-то лачугу – ни пола, ни потолка, место для жилья совсем непригодное, не то, что для человека, там даже скотина не смогла бы прожить.

Сначала никто нигде не работал. Глядим – народ просто мрет с голоду. И так гибнет, так помирает – не счесть... Не знаешь, как выжить...

Потом стали силком выгонять на хлопок. А мы в глаза его не видели, этот хлопок – ни сеяли, ни убирали, не знаем, что с ним делать... Насильно выучились хлопковому делу. Земля в Узбекистане другая, не такая, как в Грузии – ничего не родится – то, к чему мы привыкли... Пока приспособились, очень мучились. Голод такой был, что люди и собаки ели, и кошек, всего навидались, и не приведи Господь снова это увидеть!.. (слезы в глазах)

Ничего у нас не было. Кукуруза только была наша из Грузии. Мне удалось сохранить четыре с половиной килограмма ее. Отмеришь, бывало, ладошкой зёрна, отнесешь на мельницу, смелешь... Принесешь домой, сварить из нее похлебку – по две ложки в день на душу. И ничего больше.

А когда кукуруза кончилась, зерна от веников относили на мельницу. Я из этой муки пекла подобие мчади. Ели... А что было делать? Голод, жажда, нищета. Жара – невыносимая, воды нет, как у нас – речка там или хоть какой-то ручеек... Такого нет.

Родился вот в таких условиях у меня второй ребенок, тоже девочка. И она умерла.

Короче, попали мы в переплет... такие дни выпали на нашу долю.

Позже, потихоньку, еле-еле приспособились к ихнему климату.

Комендант у нас был, узбек. Мы у него в какой-то бумаге расписывались, которая запрещала нам право свободного передвижения. Не имели права свободно ездить из одного района в другой. Были, как заключенные (их хоть кормят в тюрьме, а ты – как хочешь перебивайся).

А потом, как дали нам разрешение, что, дескать, вас освобождают (мой муж был к тому времени партийным), мы приехали в Тбилиси. Я не помню точно, в каком это было году, но точно, после 56-го. Помню, что Сталин уже умер.

Хоть нашим и не разрешали в Грузию, мы все равно поехали. На авось. Были там наши, выгоняли их неоднократно. Из Тбилиси мы тронулись

в Махарадзе. Хоть не Месхети, но все же Грузия. Наших там еще никого не было. Мы были единственной семьей из наших депортированных. Приехали и работали, как проклятые, лишь бы бригадир и агроном были нами довольны. Я чай собирала, да так, что норму трех человек выполняла. Нелегко это было. С таким трудом, еле спину разгибала...

Но боялась за своих детей. Все время смотрела им в глаза – как бы не заболели и не умерли, как предыдущие. К тому времени их у меня было четверо: две девочки, два мальчика. Позже одна дочка все же умерла. Вышла замуж и умерла. У нее трое детей осталось, моих внуков, их я тоже сама вырастила. Дочь и два сына были при мне. Детей моих зовут Зураб и Ладо, дочку – Сона. В Махарадзе мы собрали деньги и переехали в Гянджу (тогда этот город назывался Кировабадом). Купили дом, пожили там немножко, потом продали дом, и в 1988 году приехали, наконец, сюда, в свое родное село Мугарети. Зураб же остался там, в Кировабаде.

Ладо со своей семьей сейчас при мне. Остальные дети живут в Азербайджане: Зураб – в Гяндже, Сона – недалеко от города Мингечевира.

Дочь очень хочет, чтобы мы всей семьей собрались здесь, у себя на Родине.

Как дочь, так и сын хотят переехать жить к нам, в Мугарети. Вы скажете, что же этому мешает? Местное население против! Представьте себе, что не пускают!.. Говорят, дескать, мусульман не пустим. А ведь они забыли, что до 1944 года все жители Мугарети были грузины-мусульмане. И они были коренными жителями этого села! А вот те, которых привезли сюда (тоже насильно, между прочим!) и 60 лет вбивали им в головы, что выслали отсюда «врагов-народа», до сих пор живут с этой пропагандой в умах.

Мы с Ладо приехали сюда. Внуки у меня хорошие. Младший здесь, в Ахалцихском филиале ТГУ учится, внучка – в медико-экологическом институте, в Батуми... И сыном своим я довольна. И невестка у меня тоже хорошая.

Дочка Сона просто умирала – так хотела тоже приехать, жить рядом с нами, родителями. Но местные жители не пустили. Собрались, говорят – сожжем вам дом, если вы его купите. Так и не пустили мою доченьку сюда. В прошлом году это было. Да, вот, такое мы тоже видели... Сейчас у нас с жителями села хорошие отношения, но других они не пускают. И это – в стране с демократическими стремлениями...

Возьмем семью наших депортированных Мамукашвили – они тоже мугаретские. Глава семьи неоднократно приезжал, чтобы купить дом и поселиться в своем родном селе. И на днях приезжал,

хотел дом купить. И опять сельчане пригрозили – если он купит здесь дом, сожжем его. Вот так, до сегодняшнего дня так. До сих пор не дают, чтобы дочь приехала и жила подле родителей. Вот тебе и жизнь! Вот и живи!

И договориться с ними не получается. Не хотим, говорят! Пусть никто из ваших не приезжает. Вы, мол, живите, а других не пустим. Я уже думаю, пусть дочка хоть в Ахалцихе приедет, там с десятков наших семей живет (может и больше), пусть дом там купят и живут. Все же недалеко, все же здесь будут, на Родине.

Вот тебе, дочка, и моя история.

До сегодняшнего дня не видела я нормальной жизни. Сейчас здесь, у себя на родине – вроде, все хорошо – и воздух, и вода, и климат... Мы сами всё сажаем, всё выращиваем. Своим трудом кормимся, слава Богу! Всё хорошо! Но других сюда, в свое родное село не пускают. Ни сын ваш, говорят, пусть не приезжает, ни родная дочь. Что мне делать?

Когда в 1988 году мы возвращались, нас также не пускали. Но мы тогда твердо стояли, и я сказала: не собираюсь никуда уезжать! Здесь моя родина, здесь и умру. Интеллигенция Грузии нас тогда сильно поддержала, приезжали на собрания с людьми, убеждали, уговаривали, спасибо им...

Сейчас мне 82-й год идет. Слава Богу, всё еще могу трудиться.

Приходят ко мне соседи и просят: одолжи цыплят. То за одним, то за другим приходят. Мы никому не отказываем, всем помогаем, чем можем. А они в ответ – так.

Даже не знаю, почему. Мы уже подумываем строиться в Ахалцихе. Чем ругаться и браниться здесь, и жить в одиночестве, лучше поехать в Ахалцихе и там среди своих жить.

Хотя скажу по совести: жизни хорошей я не видела. Вот только приехала в наш Мугарети, только здесь я увидела, что солнце восходит и человек живет. Будто очи здесь у меня открылись заново. А так – 60 лет, с такими мучениями прожил наш народ. Здесь – слава Богу! Однако рядом сына второго нет и дочери. Что мне делать? Как мне поступить?

И местные власти чинят всяческие препятствия. Сыну пенсия полагается, как репрессированному гражданину Грузии. То туда гоняют, то сюда... То в Тбилисский суд, то здесь. Почему государство так измывается над этим народом? Сколько мы страдали! Ну дай ты ему возможность жить нормально, по-человечески, дай ему положенный кусок хлеба и глоток воды. Почему государство так безжалостно к нам? Хватит, в конце-концов!.. Сколько можно истреблять народ? Эти мутные воды, 60-тиградусный зной – истребили и поубивали наших людей. Вся

нация истреблена! Некому хоронить было! Дома оставались закрытыми. Никто не обращал на нас внимания. Какая жизнь может быть при 200 грамах хлеба? Да, так и было (долго молчит).

Ты удивлена, что я так по-мусульмански, то есть, по-турецки хорошо говорю? Язык этот я уже там, в родном Вале знала. Все наши соседи были мусульманами, там только по-мусульмански и говорили.

Удивительно, но в Вале такого не было: ты – грузин, ты – мусульманин. Или какое-то разделение. Я такого не видела. Мне 20 лет было, когда я уехала оттуда. Такое теплое соседство у нас там было... Так часто мы гостили друг у друга. И свадьбы, и похороны – всё вместе справляли. Никто никого не трогал. Вранье это всё, что кто-то кого-то обижал. Вале ведь было немаленьким селом. Две тысячи семей в нем жило. Жили и франки (грузины-католики – К.Б.), и грузины (т.е. грузины православные – К.Б.), и мусульмане. Грузин-христиан было всего 20 семей. И франки были. Никаких конфликтов, никаких недоразумений не было. Все вместе делили. И горе, и радость

– Если бы у вас была бы возможность, вы остались бы здесь?

– А для чего? Во-первых, не разрешили, а, во-вторых, ни за что бы не осталась. Как это, разлучиться с мужем? Где мой муж умрет, там и я должна была умереть!

Ну, а сейчас, слава Богу, мы у себя. Здесь лучше всего. Потому что Родина. Вода хорошая, условия нормальные. Будешь работать – прокормишься, проживешь. Не будешь – умрешь с голоду. Всё от твоего трудолюбия зависит. А нам его не занимать...

Вот мы и работаем. Все. И мы с мужем, несмотря на наш возраст.

13 июня 2004 г.

село Мугарети Ахалцихского района

P.S. 4 октября 2004 г. Сашико Диасамидзе скоропостижно скончалась в селе Мугарети Ахалцихского района. На похороны приехали ее дети, внуки и родственники. На сей раз односельчане не протестовали против их приезда. Они позволили проводить в последний путь преданную жену, многострадальную мать и заботливую бабушку – Сашико Диасамидзе.

*Аудиозапись расшифровала
и материал подготовила
Клара БАРАТАШВИЛИ*

ТУДА И ОБРАТНО

Это уже десятая моя статья о жизни депортированных месхов, публикуемая газетой «Кавказский Акцент». Живые рассказы, не придуманные, в которых многое совпадает, поскольку все их герои – изгнанники. Как правило, это люди со «стержнем». Они выжили несмотря ни на что, сохранили человеческое достоинство и любят свою Родину Грузию.

Однако в редакции газеты появилось мнение, что рассказы эти, мол, «нечитабельны», скучны для читателя, и на этот раз попросили написать «что-нибудь этакое», ну, мол, чтобы задело за живое чиновников, которые не хотят решать месхетинскую проблему. Прошу прощения, господа, но это невозможно!.. Задевать нечего. У чиновников отсутствует это самое «живое».

Да меня больше волнует не столько чиновники (им, в конце концов, платят за эту индифферентность!), сколько эмоциональная тупость нашего общества (кичащегося своей толерантностью) и его постыдное безразличие к судьбе их тысяч репрессированных соплеменников.

Если даже некоторые весьма «продвинутые» представители нашего социума громогласно заверяют, что месхетинская проблема «высосана из пальца», что же тогда говорить о простом обывателе, буквально пронизанным ксенофобией и нетерпимостью? Для него само собой разумеется: путь обратно депортированным должен быть закрыт.

Замечательный немецкий писатель Эрих Мария Ремарк сказал однажды: «У тех, кто отовсюду гоним, есть один дом, одно пристанище – взволнованное сердце другого человека». Увы, это выражение неприменимо к месхетинской трагедии! Поскольку для грузинского общества это и не трагедия вовсе, а защита «национальных интересов». Поскольку репрессированные – это Другие, на чем строит свою идеологию национализм. И никаких звезд!.. То есть, никаких месхов, pardon, «турок-месхетинцев» на грузинской земле!.. И, тем более, каких-то горестных повествований об их высылке. Мол, правильно и сделали, что выслали!.. Нужно было еще расстрелять их всех, чтобы некому было проситься обратно... Вот тогда уж точно будет – нет людей, нет и проблемы.

И все призывы к обществу осудить жестокость государства, не желающего решать месхетинский вопрос, – бесполезны, ибо общество выдвигает именно такую власть, какая ей нужна.

К сожалению, это реалии современной Грузии. Дорогой читатель! Можешь пропустить

этот материал, и не читать его. Я не обижусь. Поскольку, как говорил наш преподаватель по философии в Ленинградском инженерно-строительном институте: «Когда понятно, тогда не обидно».

Девочка родилась чудо, как хороша!.. Голубоглазая, крепенькая. Кадым хотя и ждал мальчика, но все же был рад – вырастет помощница матери. Слабое здоровье жены Фати беспокоило его. В 1933 году это было, в Чихели Адигенского района Грузинской ССР. Теперь село это существует только в памяти депортированных месхов.

Молодая мать и вправду недолго радовалась дочке. Всего четыре дня. По истечению оных тихо вздохнула, и душа ее отлетела к небесам.

Дома, по случаю родов, гостила старшая сестра Кадыма Исминаз. Приехала из села Занави Адигенского же района, куда она вышла замуж и обзавелась большой семьей. Покойница также была родом из Занави.

Горе Кадыма было велико. Он так мечтал создать с красавицей женой славную семью, а она покинула его так рано, так рано... Вдовец сидел, обхватив голову большими руками, и молча смотрел себе под ноги.

Исминаз сказала сострадательно: «Братец мой, все в воле Аллаха! Не убивайся так сильно... А за дочь не беспокойся – воспитаю, как собственную». И увезла с собой в Занави маленький цветной кулечек. Развернула дома пеленки, в которых таранился младенец – «чахал-гѣз» («голубоглазик») и только! И решила Исминаз: пусть носит это имя Чахал, а ласково – Чахо. (Ох уж эти наши имена! Как бы и где бы месхи ни называли ребенка, к имени всегда добавляют окончание «о» – так, не зная грузинского языка, подсознательно ведают звательный падеж его, не имеющий аналогов в других языках.)

И выросла девочка в селе Занави. А уж как ее тетка лелеяла, как берегла – пуше глаза! Никому малютку не доверяла. Память от брата как-никак. Поскольку забрали вдовца Кадыма в армию, а там он просто исчез. И куда подевался – никто не знал. Люди в те года запросто исчезали. Осталась Чахо круглой сиротой. Но жила не тужила. Поскольку «...Занав было такое село, каких не сыскать в целом мире! Уй-уй-уй! – причитает бабушка Чахо, рассказывая мне историю своей жизни. – Воздух, вода... Сверху горы, внизу сады. Наши собственные, не считая колхозных». Цепляясь за теткин подол, поднималась на крутые террасы, срывала маленькими

пальчиками знаменитые яблоки и груши – синап, хечечури, гюгюм-армуди, кабах-армуди...

Летом же все хозяйство отправлялось в горы, на яйлу. Перегоняли скот. «...Скотины у нас было вдоволь, – продолжает Чахо-нэнз, придвигая ко мне блюдо с садовой облепихой, выращенной в собственном саду села Насакирали. – Целый ахор, то бишь, сарай. И коров, и быков, и овец – всего навалом». Девочка никогда не уставала, как бы высоко ни поднимались в горы. А осенью, груженные сырами и маслами, радостно спускались домой.

Хорошо жили. Муж тетки Исминаз Дурсун много лет работал в сельпо. Шелка и бархат тюками лежали в сундуках, переложенные золотыми монетами и украшениями.

Два сына было у тети, двоюродные братья Чахо – Миляз и Алляз. Старший был женат на расторопной девушке Сялминаз. Быстрая, хозяйственная, все так и горело у нее в руках. Чахо играла со своими племянниками и побаивалась ее. Не зря, однако! Поскольку невзлюбила та девочку и хотела сбить с рук. Пока дома был хозяин, еще терпела. Тетин муж вскоре умер. Ну, а как война началась, ушли два брата на фронт – и с концами. А сама Исминаз оплакивала пропавших на фронте сыновей (младшему-то всего 16 было!) и беспокоилась за Чахо. Поскольку надумала невестка отдать сиротку в детдом – неслыханное дело при живых родственниках!

Чахо посещала школу (где месхов-мусульман обучали на азербайджанском языке – такова была непонятна воля властей), бегала с тетей на базар на так называемый Рабат. Это верхняя часть села, где жили «грузины» (а они были «мислиман»). Не помнит Чахо, чтобы те враждебно относились. Все были предельно доброжелательны, как и полагалось хорошим соседям.

Итак, тучи сгущались. Но, как говорит бабушка Чахо: «Мне повезло, Аллах сжалился надо мной». Вскоре после разговора о детдоме разразилась беда похуже. Было девочке в ту пору всего-навсего девять лет.

Хотя трудно назвать «везеньем» ужасы депортации. 14 ноября 1944 года в 220 деревнях Месхети наблюдалась одна и та же картина. Ревущая скоти-

на, «студебеккеры», солдаты с винтовками, наспех собранные узлы, человеческий вой, сливающийся с собачьим... Солдаты, правда, сердобольные попались: «По-нашему говорили, не грубили, а наоборот, советовали: муку возьмите, посуду. Топор не забудьте, говорили, – пригодится...» До Ацкури – на страшных американских машинах, а там, уже ночью, впихнули в черные морозные вагоны. Что не вмещалось, тут же выкидывали. «Конца краю не видать было людской толпе наших!» Лязг засовов, скрип железнодорожных колес, ужасный гудок паровоза и ... поползли жуткие гусеницы поездов, изрыгая из пасти дым и огонь. Прощай, Родина!...

Месяц в пути. Голод, вши, больные, которых снимали с поезда и якобы отправляли в больницы (не спрашивая никаких имен), отставшие и сгнившие. Заледеневшие скользкие трупы. Солдаты скатывали их словно салазки, и те, плавно съезжая, тыкались в снежные сугробы полотна, тщетно вздевая к небесам оконечившие руки... Несть им чис-

ла, и вечная память безвинным!..

Конечная остановка – Казахстан, район Кызыл Орда, село Тюмян Эрик – до сих пор помнит старушка это место и это проклятое название!

Жили, как все ссыльные – несколько семей в доме – так впритык, лишь бы не на улице.

А ссыльных в Казахстане хватало. Они сами, которых все называли «кавказцами», немцы, из Поволжья, высланные в 41-м, чеченцы, появившиеся здесь годом раньше. И корейцы. Последние жили там еще до советов, а потому были из их числа и бригадиры, и бухгалтеры и даже председатели колхозов.

Чахо попала в разнообразный мир лиц, языков, обычаев... Но одно объединяло всех – сердечное отношение к «кавказцам». До сих пор помнит бабушка Чахо, как трогательно помогали им соседи – немцы, казахи, чеченцы и корейцы. Частенько забирали девочку к себе, подкармливали сироту, одевали, прядями вычесывали вшей из ее длинных волос.

Тетя Исминаз не выдержала всех этих несчастий. Брат пропал, сыновья погибли, из родного дома выслали непонятно за что, внучка умерла в ссылке... Три года промаялась, горемычная. Однако до последнего ходила с Чахо на работу в колхоз, трудодни зарабатывала, лишь бы в семье не считали девочку дармоедкой. Рыли какие-то каналы для рисовых полей, хотя небольшая была ей помощь от голодного ребенка – не держался кетмень в слабых руках. И вот, со словами: «Мальчики мои родные...» – упокоилась. Чахо держала ее за руку и бессмысленно смотрела, как угасает свет в старческих глазах родимого человека.

Похоронили тетю Исминаз соседи-чеченцы. Всё, как полагается сделали – и обмыли, и могилу вырыли. Их же молла Абу-Бекир заупокойную молитву прочел.

После этого невестка вышла замуж вторично, и оставила девочку. Ну и мыкалась сирота по чужим углам, спала на соломе, укрывалась лохмотьями.

Но, к счастью, приглянулась одному человеку. Азербайджанец он был, тоже сирота, по имени Махмуд. Взял и похитил ее. «Мои опекуны не возражали, – философски комментирует бабушка, – все же я буду пристроена. Жених пришел мириться, они договорились, и так я стала замужней женщиной». Мужем своим была довольна, родила семерых – четверо сынов у нее и три дочери.

В конце 50-х годов режим спецпоселения для ссыльных был отменен, всем дали «вольную», а нашим «кавказцам» – весьма условно: можете, мол, ехать куда угодно, только не туда, откуда высланы. Вот так «свобода»!.. Ну, а в это время Азербайджан изъявил желание принять этих страдальцев (так как месхи были записаны «азербайджанцами», хотя и высланы были, как «турки» – ничего не понять у

этой власти!) – спасибо ему, все же пятна «врагов народа» месхи там не чувствовали. Ну и подались они со многими нашими в Азербайджан. Муж покинул этот мир в 1976 году. И Чахо осталась во главе большой семьи. Не сломалась. Сынов обручила, дочерей выдала замуж.

Но мысль о потерянной Родине не покидала ее. И в 1982 году несколько месхетинских семей (в том числе и героиня моего рассказа) поселились в селе Насакирале Озургетского района. Зарабатывали на жизнь сбором чая. Нелегкий этот хлеб, но семья выжила благодаря трудолюбию и сплоченности. Они собирали чай вдвое выше нормы. Портреты их висели на стенде передовиков производства.

По приезде в Грузию бабушка Чахо с удивлением обнаружила, что многие грузинские слова – из «нашего» языка. «Чанчур» (слива), «тавшал» (платок), «шакар» (сахар), «пириндж» (рис)... Это, по ее словам, «...прямо указывает на наше грузинское происхождение». В 1989 году эта большая семья восстановила свою историческую фамилию. В память о селе Занави она взяла фамилию своей матери. Теперь все члены семьи носят фамилию Лазишвили.

Сейчас это вполне интегрированная семья. Дети, а теперь и внуки учатся на грузинском языке. Младший сын Искандер получил образование в Тбилисском государственном университете. Его сын Джемал – один из лучших учеников сельской школы, за свои успехи много раз награждался Союзом Грузинских Репатриантов. А в декабре прошлого года написал такое сочинение «За мир без насилия», что победил в конкурсе! Его пригласили в Тбилиси, где внука сироты Чахо Джемала Лазишвили награждали в роскошном отеле «Шератон Метехи палас»! Чахо утирает слезы гордости, рассказывая мне об этом.

Но не покидает бабушку мысль поселиться именно в своем родном селе Занави. «Вот как только дадут нам Родину, – мечтательно говорит она, устремив голубоглазый взор куда-то вдаль, – сразу же двоих сыновей заберу в Занави. Хоть буду духом Родины дышать».

Да-а... Сетуют насакиральские месхетинцы (а их в селе более тридцати семей) – сколько лет мы здесь, в западной Грузии, а всё что-то проверяют нас, проверяют... Да грузины мы, отстаньте, грузины... Но месхи!.. И потому хотим жить на своей малой Родине – в Месхети. Как гуриец живет в Гурии, кахетинец в Кахети, так и мы, месхи, хотим жить в Месхети. И в этом нет ничего странного!.. Трудно не согласиться с этим.

*Клара БАРАТАШВИЛИ
январь 2005 г.*

№124, 01.02-15.02.2005 г.

Минаят Кулаева (Аревадзе): «Во мне проснулась генетическая память...»

Корень нашей фамилии – Зубалашвили. Это я знала давно, еще бабушка рассказывала, что у нас был княжеский род. Говорит, очень богатые были; я многого, конечно, не знаю, единственно знаю, что мы происходим из княжеского рода.

Моего деда звали Искандер. Его отца – Сулейман, а его отца – Кадир. Отца Кадира звали просто «дэдэ» (*«дед» по-турецки - К.Б.*) Когда я допытывалась – почему вы не говорите, как его звали на самом деле? – бабушка отвечала – нельзя называть его имя, он был «кафир» (*«неверующий», «иноверец», т.е. был христианином – К.Б.*), не был мусульманином. И поэтому его звали просто «дедушка».

Я была очень любознательная, меня все интересовало, а бабушка меня ругала – зачем тебе все надо знать? Ты знаешь то, что я тебе рассказывала? А вот это тебе нужно знать. Я же все допытывалась – а может ты, бабушка, все-таки знаешь, скажи... А она: нет-нет, его имя нельзя говорить...

Родом мы из Аспиндзы. А отец наш в Боржоми учился, в грузинской школе – это было в 30-х годах. У них в Аспиндзе была азербайджанская школа, а мой дед не хотел, чтобы отец учился в азербайджанской школе. Потому что после азербайджанской школы не было смысла учиться дальше, это означало – вообще не получать никакого образования. Дед же очень хотел, чтобы отец получил образование. Поэтому его отправили учиться в Боржоми, хотя жили они в Аспиндзе. В Боржоме отец жил у знакомых, и раз в неделю приезжал домой.

Как-то – ему было всего 8 лет – он целый месяц не был дома. А потом не выдержал, и пешком убежал из Боржоми в Аспиндзу. Когда добрался до дому, уже смеркалось. На улице его встретил старший брат, и, поняв, что отец сбежал из школы, отругал и сказал: «Сейчас же возвращайся обратно!..» А потом, оказывается, сообщил потихоньку своему дяде, что вот, я его выгнал, последите за ним. И дядя будто случайно встретил отца, повел к себе домой, оставил ночевать и только на следующий день сам отвез его обратно. Но после того раза отец больше не убегал.

После школы он поступил в университет – в Тбилиси, учился на химическом факультете, и был уже на 4-м курсе, когда началась война, и его забрали на фронт.

В Сталинградской битве отец получил два ранения, и демобилизовался. Но когда он вернулся домой с фронта, наших уже здесь не было – всех выслали. И три месяца раненый – у него гноилась рана – он ездил, искал наших. Несколько раз проезжал то место, где были наши, и только через три месяца кое-как нашел своих.

Партбилет у отца был на Зубанова (так переделали нашу грузинскую фамилию Зубалашвили), а когда он приехал в Казахстан, выдали паспорт, где уже был записан как Искандеров, потому что в Казахстане фамилию писали по имени отца. И нас, его детей, тоже записали Искандеровами.

Отец прекрасно знал грузинский язык, будучи в Казахстане, выписывал Аспиндзскую районную газету, это, не считая «Комунисти» и «Зари Востока». В районной газете как-то была одна фотография – аспиндзская баня, так отец вырезал ее и постоянно носил с собой в кармане.

Когда он был тяжело болен, буквально перед смертью, он попросил меня, чтобы я принесла ему из кармана паспорт. Достал оттуда эту фотографию, и сказал мне: «Все, теперь ты уходи...» Я вышла, и где-то через пять минут он скончался. А на груди у него лежал этот потертый снимок. Он, видимо, чувствовал, что наступают последние минуты, и ему захотелось напоследок посмотреть на свою Аспиндзу. Это было в 1972 году, в Казахстане.

Но сюда, в Грузию, он приезжал тайно в 1962-м году, хотел увидеть Аспиндзу, доехал до Боржоми, там сел в автобус, но его высадили. Потом он пытался пройти пешком, он же знал грузинский язык, но на него донесли, и опять-таки вернули. Второй раз он приехал в 1966-м году – мой двоюродный брат учился в технологическом институте, и в Тбилиси проходил практику на мелькомбинате. Отец приехал навестить брата, и вместе, если получится, пешком пойти в Аспиндзу, но их опять вернули. Так ему и не удалось побывать на Родине.

Мне он всегда говорил – учись обязательно, я бы хотел, чтобы ты училась в Тбилиси. Постоянно рассказывал много интересного о Грузии. А «Витязя в тигровой шкуре» он знал наизусть. И пересказывал нам – на нашем языке; но там, где были красочные описания, читал по-грузински. Говорил – это так написано, что на другом языке невозможно передать. Рассказывал о Шота Руставели, говорил, что он был нашим великим предком.

Я с раннего детства знала, что мы «гюрджидан дёнке» (*«обращенные из грузин» – так мекхетинцы называют себя, считая «грузинство» «христианством» – К.Б.*). Об этом мы все знали. У нас даже дядю нашего, он жил недалеко от нас в Казахстане, все звали «Гюрджи», потому что он со всеми говорил по-грузински, это имя и закрепилось за ним. Когда они вдвоем с отцом садились, то постоянно разговаривали по-грузински.

Образование я получила в Казахстане. По специальности – учитель русского языка. Сюда, в село Цхрамуха Хашурского района мы приехали в 1986 году. И сразу, не зная грузинского языка, пришлось работать в грузинской школе. Первое время, конечно, было трудно, но мне помогали мои ученики – 9-й, 10-й классы. Там были дети, которые хорошо знали русский язык. Я им говорила по-русски, они переводили классу на грузинский. Так я училась грузинскому, а дети – русскому. А я еще лучше – научилась читать и писать по-грузински за четыре дня, потому что элементарно в журнале я список детей не могла прочесть.

Вначале я думала, что никогда в жизни не выучу язык – он казался таким трудным... Хотя наши

старики дома, когда мы еще жили в Казахстане, говорили на грузинском. Причем, когда им нужно было тайно друг с другом чем-то поделиться, они говорили по-грузински.

Но мне очень помогло живое общение, контакт с детьми. И потом, просто я сама по натуре такая, что если кто-то знает, то почему я не должна знать... Когда вокруг разговаривали по-грузински, мне было обидно – почему я не могу понять, о чем говорят. Пока я не знала языка, я чувствовала себя второсортным человеком. Ну, а когда освоила язык, я уже везде своя. Только в Цхрамуха могут сказать, что я «татреби» (*в Грузии так называют мусульман – К.Б.*), но когда я выезжаю из деревни, никто не скажет, что я не грузинка. Я везде себя свободно чувствую.

Еще я думаю – во мне проснулась генетическая память. В нашей школе 12 лет проработала одна башкирка, но у нее не было грузинского произношения. И на второй год моей работы все стали говорить ей – смотри, Мина позже тебя пришла в школу, а как разговаривает... А она отвечает: «Конечно, она грузинка, это у нее в крови...»

Уже четвертый год я работаю завучем по учебно-воспитательной работе в школе. Когда наша завуч ушла, директор школы Мзия Гонгадзе предложила мне занять это место. Я отказалась – у меня большая семья, которая требует моего внимания. А потом в школу приезжает зав. районо Отар Хачидзе и сообщает на педсовете, что у нас новый завуч. И называет мое имя. А все начинают хлопать. Я так поразила хорошим отношением ко мне моих коллег, многие из которых для меня уже близкие люди.

Я хочу рассказать об ощущении родной земли, когда я увидела ее впервые. Мы ехали в Вардзию, я со своим классом ездил, и мои собственные дети были со мной. Когда мы проехали Ацкури, я стала так волноваться, что меня начало трясти. А когда я прочитала дорожный знак «Аспиндза», я уже не выдержала – у меня пошли слезы, я ничего не могла говорить. Рядом сидела директор, она шоферу говорит: «Пожалуйста, останови ей в Аспиндзе». Шофер остановил, мы с детьми сошли с автобуса, просто не могла... Меня всю колотило. Я упала на землю и стала ее целовать... Из автобуса все смотрели – пораженные моим поведением. Полчаса я стояла какая-то отрешенная. Смотрела на эти сады,

просторы, на холмы – я ведь многое знала по рассказам отца – где что находится и как называется, он рассказывал – куда они убегали, как они играли, где какой сад был, где какая улица... Я смотрела на все это и старалась увидеть во всем этом что-то родное. Хотела понять. Потом пришла в себя и поднялась в автобус. И все, кто был в автобусе – и дети, и их родители – все сидели заплаканные. Автобус ехал уже полчаса, но стояла полная тишина.

С нами ехала случайная попутчица – из окрестного села, она стала рассказывать об исторической битве под Аспиндзой. И название каждой деревни было мне знакомо по рассказам отца, хотя до тех пор я ничего этого не видела. Но все было слышано мною много раз. Я очень много слышала и про аспиндзский хлеб, потому что наши старики каждый раз за столом говорили: «Эх, наш аспиндзский хлеб!..» Мы с наслаждением отведали его на привале, я и домой его привезла.

В общем, вот такой у меня была первая встреча с Родиной. Многим, конечно, это было непонятно. Потом уже, когда мы ехали назад, они выражали свое удивление – говорят, такого мы никогда бы не ощутили. А я им сказала – вы просто никогда не были вне Родины. Самшоблос гемо арицит, ме утхари (*«Вы не знаете вкуса Родины, - сказала я им.» (груз.) – К.Б.*)

В деревне к нам относятся очень хорошо. Несколькими годами назад ко мне пришла женщина с просьбой, чтобы я крестила ее сына. Я сказала – вероятно, нельзя, чтобы я, мусульманка, крестила ребенка. Но женщина сходил к священнику, и тот сказал – если крестная мать верит в Бога, этого достаточно. Так я стала «натлия» - крестной матерью Ники Лацабидзе – мальчик скоро уже в школу пойдет.

Пока я не жила в Грузии, она была для меня какой-то сказочной страной – что-то непонятное, но такое светлое... А сейчас, когда я уже знаю Грузию, я люблю ее еще больше. И нигде, кроме Грузии, не хотела бы жить. Если обстоятельства не вынудят меня покинуть ее, я не за что не покину ее. Где бы я ни была, ездю в Казахстан, к своим, казалось бы, я там и выросла, вроде бы и родные там, но все равно – сразу начинаю тосковать по Грузии. И когда подлетаешь к Тбилиси – самолет спускается – нахлынет такое родное..., просто неопишимо. Я очень, очень люблю Грузию. Для меня это Родина.

Материал подготовила К.БАРАТАШВИЛИ

15 января 1998 г. село Цхрамуха Хашурского района.

Опубликовано в №3 бюллетеня «МЫ - МЕСХИ» (январь 1998 г.)

P.S. К сожалению, послесловие у этой трогательной истории совсем невеселое. Как в воду глядела Мина, говоря: «Если обстоятельства не вынудят меня покинуть Грузию...» Так и случилось. Семья Кулаевых (Аревадзе) по независящим от нее причинам несколько лет назад вынуждена была оставить Грузию. Теперь Минаят вместе с мужем и тремя детьми живет в Турции. Их большой двухэтажный дом в селе Цхрамуха Хашурского района, выстроенный ими самими, пустует вот уже много лет.

Почему? Почему не нашлось в Грузии силы (и власти), чтобы защитить семью репатриантов, и так пострадавших за много лет депортации? Этого никто не знает.

Май 2005 г.

Фатима Чилашвили:

«Ничто нам не мешает и сейчас жить так же в мире».

- Я Фатима Чилашвили, родилась в селе Уде Адигенского района в 1929 году. В Уде мы жили вместе с грузинами-христианами и никто из нас ничего плохого не видел от них. Наоборот, они очень уважали нас, особенно, моего отца. Их женщины называли моего отца Хамзу «батону» и стаями ходили за ним.

- А мама твоя откуда была родом?

- Из Турции, из села Шуварцкали (*часть Месхети оказалась в Турции после осуществления демаркации границы между Грузией и Турцией в 1921 году, которая разделила родных. Родственники, жившие в одном государстве, волею демаркации оказались по разные стороны границы – К.Б.*). Братья мои умерли. Нас было 4 сестры, одна из них – от другой матери.

- Как вы жили? Большие у вас дома были?

- Хорошие были. И дома хорошие были, и дела. Такие у нас большие сады были, что отец ездил продавать наши яблоки в Россию куда-то. Продаст, приедет, и этих денег хватало не только на всю зиму, но и до нового урожая. Так, что он на эти же деньги увозил продавать новый собранный урожай.

Дом у нас был такой. Внизу – хозяйственные постройки, а наверху – жилая часть. Внизу мы держали скот, а наверху жили, с красивыми балконами.

Воздух Уде – ого!... (*все одобрительно смеются*). Хороший был воздух, а уж о воде и говорить не приходится – такая хрустальная вода была. Из Тбилиси, бывало, приезжал человек в наш колхоз, так он приезжал таким худым... Сколько раз я слышала от своих дядей, что вода Уде человека толстит. И этот человек в одном виде приезжал, а уезжал от нас в совершенно другом виде – здоровый, полный.

Мама часто рассказывала, что обычно весной мы на фазтоне ездили в Абастумани на воды. Обмывались там в целебных горячих родниках и возвращались освеженные. Как ты думаешь, они еще сохранились, эти целебные источники?

- Сохранились, сохранились.

- И до сих пор люди там купаются?

- Конечно. Там теперь бани отдельно, бассейн отдельно.

- Ай, Аллах, как хочется увидеть их снова...

Джианша (племянник мужа Фатимы): - А что тут сложного! Можно купить там квартиру, и пусть стоит себе. Летом поезжай, дыши воздухом, пей воду, обмывайся в воде...

Фейаз (муж Фатимы): - Джианша, давай, купим на двоих одну квартиру.

- Ты была старшей или младшей сестрой?

- Я была младшей. А мама работала в колхозе. Сейчас мне 75 лет.

- В Уде была мечеть?

- Да, хорошая была. И строил ее мой предок. Но я не застала то время, когда мечеть работала – время-то советское было! И еще была очень большая церковь, такая большая... (*В 1895-1907 гг. по инициативе священника Иосеба Чилашвили в с. Уде была воздвигнута католическая церковь в римском стиле. Духовный предводитель мусульман молла Эюб Чилашвили организовал строительство мечети – К.Б.*)

- Она и сейчас стоит.

- Когда мы шли в школу, видели иногда, как когда человек умирал, его заносили в эту церковь. И мы вслед – нам-то, детям, интересно было. Что там внутри делал священник мы не видели, потом посмотрим, опять выносят оттуда.

Потом, когда невесту вели туда, мы, детвора, опять пускались вслед за ними, заходили в церковь, и там один человек что-то делал, какие-то действия, что-то читал и потом брал за руку и выводил.

- Вы ходили в школу?

- Да, и называли ее «ишкола».

- А школа на каком языке была?

- На азербайджанском – латинскими буквами. Твоя тетя Фатима нас там учила (*Фатима Бараташвили – сестра Латифшаха Бараташвили – К.Б.*)

- А грузинский язык вы знали?

- Нет, грузинские дома далеко от нас были. Рядом были источники, да какие... Кстати, рядом с вашим домом был родник. Чуть наверху, над магазинами, больница была, больных туда водили.

К нам много гостей приходило. Одну сестру мы замуж отдали в село Зазало, новые родственники нас посещали. Другую отдали в Кахарети, оттуда тоже гости приезжали.

Свадьбы тогда по-особому проходили. Невесту сажали в фазтон, ну, кто победнее – просто на лошадь. Обязательно жертвенного барана резали под ноги молодой невесты. Полный комплект золота давали невесте – золотые бусы (*полые шарики – К.Б.*), мажар («мажар» – так месхетинцы называют золотую монету (чеканки XIX-XX вв.) с изображением императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа. «Мажар» до сих пор является неизменным свадебным подарком месхетинской невесте. – К.Б.), серебряный пояс дагестанской работы, катха, лечак, нагрудные украшения...

- Какую еду вы ели?

- Плов, хинкали. Мчади простой и с маслом, сыр, пастилу (*по-грузински – тклати – К.Б.*). Отец ездил продавать пастилу, ее мама делала, затем складывала в ящики и отец отправлялся продавать. Фруктов много было.

- Из фруктов какие сорта помнишь?

- Груши сорта «синджирли», «намазир», «кабах», «сасела», из яблок – «паша алмасы», «апорт», «шакар алмасы», «каранфил алмасы» (гвоздичное), оно удлиненной формы было и вправду пахло гвоздикой. Райские яблоки. Сливы... да такие... вот! Пастилу в основном делали, варенье тогда еще не было распространено.

Сливы варили, потом давили, потом еще варили, так получалось повидло. Его размазывали тонким слоем на щиты и сушили, вот и получалась пастила. Потом бекмез делали из груш «кабах армуди» и «нэнэ армуди». Заливали им кувшины и зимой ели. Лобио было, кукуруза, пшеница.... Хотя пшеницы мы много не сажали. Брели из колхоза – и пшеницу, и кукурузу. Ну, мчади мама такое вкусное пекла. У нас была такая большая печь – «фурун» мы ее называли. Ее сделал Аббас-дэдэ – брат моего деда. Такая это была печь, что в нее за раз вмещалось 20 «карсанов» с мчади («карсан» - деревянная емкость, в которой замешивали тесто – К.Б.).

Когда нас депортировали, мама пошла к ним (мы еще спали), чтобы испечь для нас мчади. И вдруг с воплями возвращается: «Ву-уй! Семью Джафар-эми высылают!» Его жена была родом из Турции и все ее звали «турецкая Фатима-абла». Она подумала, что его высылают за то, что жена из Турции. И продолжает вопить: «Вуй-вуй! Я ведь тоже из Турции, значит, и нас вышлют...» Бьет себя по коленям и плачет.

Отец говорит: «Ты что, жена, ошалела? Что случилось?» А мать вопит: «А ну-ка, гляньте вниз (мы наверху жили), народ поднимают с мест».

И в это время к нам зашли солдаты. А в руках у них автоматы.

Фейаз: - Ты расскажи, как покойного Бинали высылали. Что жена христианка у него была.

- Об этом я расскажу, когда буду о дороге рассказывать. Кстати, эта Марго, интересно, умерла? Она в Ташкенте была.

Фейаз. - Это расскажи. Она в районе работала на большой должности.

- Да, Бинали-эми, это Мардали брат. Он как развелся со своей женой, женился на Марго, христианке. Они, оказывается, вместе работали, вот он на ней и женился. Его освободили от работы и направили председательствовать. Бинали мне двоюродным дядей приходился. Он уже умер.

Ну так вот, весь народ собирается, машины стоят. И эта Марго тоже собирается. И тут появляются ее родственники. Помогли ей собраться, туда-сюда, ночью это было. И мать ей говорит: ну, собрала мужа, теперь пошли к нам домой. Дочь говорит – я не пойду. Освободила одну кровать от вещей. Мать говорит – пошли, она говорит – нет. Буквально за руки тянут ее все родственники. Легла Марго спать, говорит: «Я ложусь спать, когда будут увозить, приходите прощаться. Меня не забирайте, я не пойду».

Там недалеко большие школы были, под дорогой такие школы есть, что в эти классные комнаты привезли и разместили солдат. А этот Мардали-тада только вернулся с фронта – раненый. Пришли родственники Марго, когда уже пришел момент выселять, они буквально повисли на ней: «Их увозят зарезать, тебя тоже зарежут». Она и говорит: «Если Бинали зарежут, пусть и меня режут». Эти тянут, те тянут. Ну и пошел Мардали-тада в школу за солдатами. А Бинали-эми – как сейчас перед глазами стоит – одетый в бобриковое пальто, он отошел в сторону, опустив руки: «Девушка ваша, уведете – уведите...» Девушка не идет, а ее тянут – пошли. Говорит она: «Я люблю этого человека, и я с ним – и с живым, и с мертвым. Не иду». Да, эта грузинская девушка...

Пришли солдаты, напустились на ее родство: у вас нет права распоряжаться – кто едет, а кто остается. Жена она ему? Сказала, что едет, значит, едет. Так и не смогли отбить эту женщину. Эта Марго сказала – муж умрет, и я умру, останется в живых – я тоже буду жить.

Потом из Ташкента, когда Бинали встал на ноги, он этим родственникам рис присылал из Ташкента, так ува-

жал он их. Но сейчас он, к сожалению, уже умер.

- Это интересный факт, очень показательный.

- Ну, мы тоже пособирались. Оставались у нас куры, так ночью мы всех их зарезали и сварили на скорую руку. Хотели барана зарезать – не успели. И вся наша скотина так и осталась в наших сараях. Этот баран был у моей сестры. Мы только собрали фрукты; с яйлы прислали нам масло, сыр (даже буйволиный был), да еще одного котенка впридачу прислали. Только вечером мы все это получили, так утром – давай, вставай с места, вперед! Все, что имели – все осталось.

В вагоны нас посадили в Ахалцихе. Нас было четверо душ, мать и отец были живы, и мы 2 сестры. Еще две сестры уже были отданы замуж.

Фейаз: - А ее дядя попали в эту сторону, в Сыр Дарью, не вместе сели в поезд. Хотели бежать, а куда побежишь? Такой переполох был, такая давка и неразбериха...

- В вагонах мы ехали... ну, будет месяц. И попали в Булунгур. Дядя мой Бинали попал в Ташкент. Мы отдельно попали. Так только одна семья из наших попала в Булунгур.

Все мои сестры умерли.

Одну сестру отдали замуж в Сыр Дарью, в колхоз Ленинград, там твоя тетя Билор жила (*сестра Латифшаха Бараташвили – К.Б.*)

Когда мы приехали, мама стала в колхозе работать.

Фейаз: - Женился я в 1949-м году на Фатиме Чилашвили, она твоя односельчанка, тоже из Уде. Они там же, в Булунгуре жили, недалеко от вас.

Что касается свадьбы... Ну, какая там свадьба. Испекли хлеб из 2-х пудов ячменя и пшеницы, погрузились в арбу, поехали и привезли невесту. Да-да, на арбе (*смеется*). А еще одного петуха зарезали. Такое время было голодное, что если попотчешь кого-нибудь простым хлебом, и то это было большим угощением. За хлеб человека могли зарезать.

- У меня пятеро детей.. Один в Казахстане, в городе Джамбуле, трое в Сырдарье. И здесь со мной один сын Газанфар – вот пятеро и выходит.

Слава Аллаху, пережили трудности и дожили до благополучия. Сейчас мне 74 года.

Но вот бежали из Узбекистана. В 1990 г. приехали сюда, в совхоз Шильян Евлахского района. 14 лет здесь. Сеем, сажаем, огородом занимаемся. Сын и внуки помогают.

Эти дома, в которых мы сейчас живем, построили специально для тех, кто приехал из Узбекистана.

К нам здесь относятся хорошо, не жалуемся. Нас здешние власти не отличают от местных. Имеем гражданство азербайджанское, земля у нас есть, сумеешь – проживи.

Но, несмотря на это, мы свою Родину требуем.

Хочу добавить – ведь раньше, когда наши отцы и деды жили, там так же жили и грузины, и армяне. И тихо, мирно жили. Ничто нам не мешает и сейчас жить так же в мире.

Материал подготовила

Клара БАРАТАШВИЛИ

14 марта 2004 г.

совхоз Шильян, Евлахский р-н, Азербайджан